МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

На правах рукописи

Олихов Дмитрий Владимирович

Создание и деятельность Временного высшего церковного управления Сибири (1918–1920 гг.)

Специальность 07.00.02. – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени кандидата
исторических наук

Научный руководитель:
канд. ист. наук, доцент Кожевин В.Л.

Омск

2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение …… 4

I. Образование Временного высшего церковного управления (ВВЦУ) Сибири ……...…….. 35

1.1. Причины и предпосылки возникновения ВВЦУ ……. 35

1.2. Сибирское соборное совещание в Томске (ноябрь 1918 г.). Конституирование ВВЦУ …… 44

II. Временное высшее церковное управление Сибири и правительство адмирала А.В. Колчака ……...……..….... 60

2.1. Взаимодействие Главного управления по делам вероисповеданий с ВВЦУ Сибири и церковными иерархами ……..….…. 60

2.2. Организация работы военного духовенства и руководство его деятельностью. Проповеднические отряды …….…...……... 83

III. Проблемы внутрицерковной жизни и их разрешение……..... 115

3.1. Приходской вопрос ……115

3.2. Проблемы формирования церковных структур и духовного образования ……123

IV. Антибольшевистская борьба ВВЦУ. Прекращение деятельности ВВЦУ …….…....….135

4.1. Проповеди, крестные ходы и выступления в печати в поддержку правительства адмирала А.В. Колчака…….……..135

4.2. Крестоносное движение……157

4.3. Прекращение работы ВВЦУ, судьбы его деятелей…….…….179

Заключение ……..…. 186

Список использованных источников и литературы …… 192

Приложения ……..…..... 214

Введение

Актуальность темы исследования. Деятельность Русской православной церкви (РПЦ) неразрывно связана с историей российского общества, на каждом этапе существования которого она играла важную роль, утверждая непреходящие ценности и ориентиры духовного развития человека. Нередко церковь активно включалась в политическую борьбу, стремилась оказать серьезное влияние на характер и результаты проходивших в стране социальных процессов.

Сегодня проблемы модернизации церковной жизни в интересах паствы и оптимизации отношений церкви с государством также находятся в теснейшей взаимосвязи. В современной России взаимодействие двух социальных институтов развивается на основе сотрудничества в области нравственного воспитания и образования, духовного окормления военнослужащих и лиц, находящихся в заключении, в сфере обеспечения культурной самоидентификации граждан и недопущения межнациональной розни. Русская православная церковь, соблюдая каноническую традицию, одновременно стремится к совершенствованию форм и методов своего служения. Президент России Д.А. Медведев, выступая перед участниками Архиерейского собора РПЦ 3 февраля 2011 г., в данной связи выразил надежду на то, что государство и РПЦ и впредь будут активно и плодотворно сотрудничать, осуществлять поиск наиболее эффективных способов объединения усилий в целях консолидации общества на основе четкого разделения компетенции и соблюдения взаимного уважения[1].

В условиях революции 1917 г. и Гражданской войны Русская православная церковь (РПЦ) переживала период кардинальных институциональных изменений и параллельно пыталась выстроить новую модель взаимоотношений с государственной властью. Эти тенденции своеобра-

[1] Российская газета. – 2011. – 4 февраля.

зно воплотились в жизнедеятельности церкви на территориях, контролировавшихся правительством адмирала А.В. Колчака. В 1918–1920 гг. здесь действовало Временное высшее церковное управление (ВВЦУ) Сибири, которое претендовало на всю полноту духовной власти над православными в восточных регионах страны. Осуществляя адаптацию церковных структур к изменившимся социально-политическим реалиям, это учреждение ставило своей целью поддержание активного церковно-государственного диалога.

Все это актуализирует историю ВВЦУ Сибири. Существенные аспекты темы, включая взаимодействие церковных структур с Главным управлением по делам вероисповеданий правительства адмирала А.В. Колчака, организацию работы военного духовенства, приходскую реформу, несомненно, перекликаются с задачами, которые решают в настоящее время Русская православная церковь, российское общество и государство. Высокая научная значимость изучения деятельности ВВЦУ Сибири обусловлена потребностями современной историографии в воссоздании полноценной картины Гражданской войны на территории России с учетом важнейших особенностей культурного и политического развития её регионов.

До сих пор российское общество ощущает на себе разрушительные последствия Гражданской войны 1917–1922 гг. Около пяти лет длилось военное противостояние между различными политическими силами и социальными группами, имевшее в своей основе глубокие социальные и политические противоречия. Поэтому неслучайно, наряду с вооруженной борьбой, вызванной этими противоречиями, в современной историографии Гражданской войны особое внимание уделяется противоборству мировоззренческому, которое мотивировало поведение враждующих сторон. Таким образом, всестороннее исследование истории церковных объединений периода Гражданской войны, в частности ВВЦУ Сибири, представляет, на наш взгляд, большую научную значимость. Изучение деятельности Временного высшего церковного

управления Сибири в 1918–1920 гг. позволяет представить более достоверную картину Гражданской войны, дает ключ к пониманию сущности происходивших событий как в стране в целом, так и в отдельных её регионах. Обращение к истории ВВЦУ Сибири также обеспечивает возможность продвижения в исследовании ряда смежных проблем, например истории формирования структур Русской православной зарубежной церкви.

Степень изученности темы. Процесс изучения истории Временного высшего церковного управления Сибири подразделяется на четыре периода. Первый охватывает историографию 1920-х – начала 1930-х гг. Второй период включает исследования, осуществлявшиеся с середины 1930-х по середину 1950-х гг. Третий период приходится на конец 1950-х – середину 1980-х гг. Четвертый охватывает хронологический отрезок с конца 1980-х гг. по настоящее время. Каждый период отличался своеобразием источниковой базы, методологии исследования и особенностями концептуального осмысления различных аспектов темы. Как и во всякой периодизации, рубежи между отдельными этапами не всегда определяются точной исторической датой и являются в какой-то мере условными, но вполне определенно фиксируют наиболее типичные черты и результаты изучения проблемы создания и деятельности ВВЦУ Сибири.

Первые попытки изучения событий, связанных с деятельностью православной церкви накануне и в период Гражданской войны, характеризовались обращением историков к проблемам взаимоотношений церкви как с самодержавным режимом, так и с советской властью. Историки поставили проблему влияния революции на церковную жизнь и политические позиции церкви на переломе эпох[1].

---

[1] *Титлинов Б.В.* Православие на службе самодержавия в русском государстве. – Л., 1924; *Грекулов Е.Ф.* Русская церковь в роли помещика и капиталиста. – М., 1929; *Лукин Н.М.* Церковь и государство. – М., 1922; *Его же.* Революция и церковь. – М., 1924.

Одной из главных проблем историографии темы являлось выявление и характеристика причин и мотивов участия православной церкви в Гражданской войне, рассматривались проблемы складывания взаимоотношений церкви и новой революционной власти. В работах подчеркивалась связь религиозных организаций с эксплуататорскими классами и стремление церкви сохранить свои привилегии. Авторы отмечали крайне негативную реакцию церковных иерархов в отношении декретов советской власти об отделении церкви от государства и школы от церкви. Кроме того, рассматривались вопросы деятельности церкви в рядах дореволюционной русской армии. Работа военного духовенства трактовалась как помощь церкви государству, которое стремилось держать в повиновении и невежестве народные массы, облаченные в серые шинели[1].

Среди множества трудов историков, ставивших своей задачей исследование процессов борьбы за советскую власть и её упрочение, появлялись и отдельные исследования, в которых рассматривалась роль православной церкви в Гражданской войне на востоке России. Такова книга А.Н. Анишева «Очерки истории гражданской войны 1917–1920 гг.»[2], где наряду с социально-политическим анализом войны впервые в советской исторической науке была представлена попытка осмысления феномена церковной контрреволюции и попытка классификации форм антибольшевистской деятельности церкви.

Б.П. Кандидов посвятил целый ряд работ деятельности православной церкви в период Гражданской войны и интервенции в России. В его очерках и брошюрах широко раскрыта деятельность церкви не только в общероссий-

---

[1] *Кандидов Б.* Религия в царской армии. – М., 1929; *Василенко В.* Офицеры в рясах. – М.; Л., 1930.

[2] *Анишев А.Н.* Очерк истории гражданской войны 1917–1920 гг. – Л., 1925.

ских масштабах, но и непосредственно в Сибири в период Гражданской войны[1].

Кроме того, специально проблемам истории церкви на востоке России в период Гражданской войны были посвящены труды А. Парнищева и А. Долотова[2]. Указанные авторы отстаивали тезис о том, что монархические настроения внутри церкви неизбежно привели её в стан «белого» движения. Исследователи руководствовались оценкой событий, рассматривая их с классовых позиций, они стремились убедить читателя в контрреволюционности церкви, доказывая тем самым важность борьбы государства с религией.

Кроме того, в книге А. Долотова «Церковь и сектантство в Сибири» представлена попытка систематизации материала о развитии религиозных течений в крае. Автор стремился обобщить факты о контрреволюционной деятельности церковных организаций Сибири. Основными источниками, используемыми в его работе, стали архивные материалы Сибархива и Сибистпарта. Использовалась также и сибирская периодическая печать. Издание имеет большую ценность, являясь одним из первых специальных исследований роли церкви и ВВЦУ Сибири в идеологическом противостоянии с советской властью. Деятельность ВВЦУ Сибири А. Долотовым рассматривалась как реакционная, направленная на поддержку режима А.В. Колчака. В целом, руководствуясь общим для советской историографии взглядом на деятельность РПЦ, автор зафиксировал ряд важных фактов и исторических деталей. Так, например, он обратил внимание на обычай в церковных военных формированиях называть другое лицо братом (брат-поручик, брат-капитан) и т.д. А. Долотов приходит к выводу, что разность в обычаях, хозяйственном ук-

---

[1] *Кандидов Б.* Религиозная контрреволюция 1918–1920 гг. и интервенция (очерки и материалы). – М., 1930; *Его же.* Церковь и гражданская война на юге (Материалы к истории религиозной контрреволюции в годы гражданской войны). – М., 1931; *Его же.* Японская интервенция в Сибири и церковь. – М., 1932.

[2] *Парнищев А.* Церковная контрреволюция и гражданская война. – М., 1932; *Долотов А.* Церковь и сектантство в Сибири. – Новосибирск, 1930.

ладе и религиозных убеждениях, ссылка и каторга в Сибирь, в том числе и для лиц, враждовавших с господствующей православной церковью, борьба внутри церкви, алчность духовенства и его нравственная распущенность способствовали разочарованию в религии верующих масс и, как следствие, отказу в поддержке инициатив ВВЦУ Сибири и поражению «белых» в Гражданской войне.

К числу особенностей первого периода историографии участия церкви в политической и вооруженной борьбе на востоке России следует отнести малочисленность работ, отсутствие системного изучения проблемы, фрагментарность. Вместе с тем в первое десятилетие изучения темы, так или иначе, осуществлялось накопление фактов, деятельность церкви справедливо рассматривалась как органическая и неотъемлемая часть общего противостояния «белых» и «красных». Правда, отечественная историография 1920-х – начала 1930-х гг. характеризовала роль РПЦ в период Гражданской войны чаще всего с точки зрения ее контрреволюционности. Авторы, как правило, подчеркивали классовый характер противостояния, акцентировали свое внимание на роли церковных структур в поддержке «белого» движения, организации крестных ходов, молебнов. Большинство работ этого периода отличались публицистическим и агитационно-пропагандистским стилем.

В исследованиях второго периода (в советской исторической литературе) стало доминировать мнение, что изучение «белого» движения не столь актуально. На протяжении середины 30-х – середины 50-х гг. XX в. значительно сужается проблематика исследований о Гражданской войне. На этом этапе заметно сократилось число работ и по истории православной церкви, истории религии и атеизма в Сибири. Зарубежная эмигрантская литература касалась вопросов гонения на церковь, деятельности РПЦ в условиях Граж-

данской войны[1]. Но специальных исследований по истории ВВЦУ Сибири не было. Однако было бы неверно утверждать, что интерес к событиям 1918 – начала 1920 г. и роли в них православной церкви на востоке России пропал совсем. Историки вводят в научный оборот новый фактический материал, расширяется проблематика исследований о контрреволюционной деятельности православного духовенства накануне и в годы Гражданской войны[2].

Об участие церкви в вооруженной борьбе писал Н.А. Амосов в работе «Октябрьская революция и церковь». Автору характеризовал церковь, как врага новой власти. Деятельность священства в период гражданского противостояния обозначалась им как «бешенная антисоветская агитация», а противодействие верующих – результатом обмана со стороны духовенства[3].

В конце 1930-х г. появляются сборники материалов для ведения антирелигиозной агитационной работы. В них религиозные организации, действующие в годы Гражданской войны, в том числе и ВВЦУ Сибири, изображались непримиримыми противниками советской власти[4].

Значительным явлением в истории изучения темы стала работа К.П. Абросенко, в которой содержалась попытка на основе материалов архивов и периодической печати охарактеризовать деятельность РПЦ в период нахождения у власти А.В. Колчака[5]. Автор рассмотрел деятельность сибирского духовенства по организации помощи колчаковской армии агитации и

---

[1] *Аделин Н.* Православное Зарубежье о Русской Православной Церкви в СССР // Русская православная церковь в СССР. – Мюнхен, 1962; *Граббе Г.* Правда о Русской Церкви на родине и за рубежом. – Jordanville; N.Y., 1961; *Андреев И.М.* Краткий обзор истории Русской Церкви от революции до наших дней. – Jordanville; N.Y., 1951; *Польский М.* Новые мученики Российские. – Джорданвилл, 1949 и др.

[2] *Кандидов Б.* Октябрь в деревне и церковь // Антирелигиозник. – 1934. № 5; *Его же.* Церковь и шпионаж: о некоторых фактах контрреволюционной и шпионской деятельности религиозных организаций. – М., 1938; *Олещук Ф.* Борьба церкви против народа. – М., 1939.

[3] *Амосов Н.* Октябрьская революция и церковь. – М., 1937.

[4] Комсомол и антирелигиозная пропаганда: сборник статей и очерков. – М., 1937; В помощь агитатору: сборник материалов по антирелигиозной работе. – Иркутск, 1939.

[5] *Абросенко К.П.* Религия на службе контрреволюции в Сибири. – Иркутск, 1938.

сбора средств, организации добровольческих дружин и т. п. Определенное внимание было уделено вопросу об организации религиозных вооруженных формирований – православных дружин «Святого Креста» и мусульманских отрядов «Зеленого знамени». Согласно мнению К.П. Абросенко, выраженная контрреволюционная деятельность сибирского духовенства обусловила отсрочку гибели режима А.В. Колчака.

В целом позиция церкви в этот период однозначно рассматривалась как реакционная, сама тема участия религиозных организаций в борьбе на стороне «белого» движения являлась третьестепенной.

В рамках третьего периода историографии темы (конец 1950-х – середина 1980-х гг.) в среде историков вновь активизировался интерес к изучению Гражданской войны в России, в Сибири в частности. Однако сложившиеся ранее идеологические схемы продолжали оставаться шаблоном, по которому советские историки сверяли научные труды.

В частности, в работе М.М. Персица, который изучал реакцию РПЦ на проведение в жизнь декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви, протестные выступления различных социальных групп и служителей культа в период Гражданской войны объяснялись борьбой духовенства за привилегии и богатства[1]. Согласно схеме автора, РПЦ не признавала возможных изменений во взаимоотношении с государством и на территориях, подконтрольных «белым», стремилась вернуться к дореволюционным нормам, включая возвращение в школы программ Закона Божьего, что выразилось в преподавании религии в образовательных учреждениях.

Аналогичных взглядов придерживались и другие историки, освещавшие в своих работах тему отделения церкви от государства и школы от церк-

[1] *Персиц М.М.* Отделение церкви от государства и школы от церкви в СССР (1917–1919 гг.). – М., 1958.

ви[1]. В.Л. Соскин рассмотрел отношение «красных» и «белых» властей к политике в области образования в период революции и Гражданской войны[2]. Автор признал, что борьба с предметом Закона Божьего проводилась ожесточенно. В книге как реакционная дается оценка возвращению в школы изучения религии под влиянием ВВЦУ Сибири в период господства «белой» власти.

Среди работ советских историков, претендующих на выражение некоего обобщающего взгляда на историю церковно-государственных отношений можно назвать монографии Р.Ю. Плаксина[3]. Его работа «Крах церковной контрреволюции» охватывает период 1917–1923 гг. Автор подробно разобрал деятельность военного духовенства и формирование религиозных военных отрядов, в первую очередь в Сибири. Также необходимо выделить книгу М.С. Корзуна «Русская православная церковь 1917–1945 гг.»[4]. Указанные авторы считают, что, будучи до революции преданным союзником высших классов, православная церковь была исконно враждебна новой власти и с начала её существования вела с ней борьбу, приняв участие в событиях Гражданской войны, явно поддерживала «белые» армии. Только победа большевиков в Гражданской войне и успехи строительства социализма, в которых принимали участие и верующие, заставили церковь в лице патриарха Тихона перейти в 1923 г. на позиции лояльного отношения к советской власти. На наш взгляд, эти работы знаменовали завершение формирования общеприня-

---

[1] *Красников Н.П.* Ленинский декрет об отделении церкви от государства и его международное значение. – Л., 1967; *Бражник И.* Отделение церкви от государства: история и современность // Наука и религия. – 1970. – № 3; *Иванов А.И., Лобазов П.К.* Политика Советского государства по вопросам религии и церкви. – М., 1973; *Розенбаум Ю.А.* Советское государство и церковь. – М., 1985.

[2] *Соскин В.Л.* Очерки истории культуры Сибири в годы революции и гражданской войны (кон. 1917 – нач. 1921 гг.). – Новосибирск, 1965.

[3] *Плаксин Р.Ю.* Крах церковной контрреволюции. 1917–1923 гг. – М., 1968; *Его же.* Тихоновщина и её крах: Позиция православной церкви в период Великой Октябрьской революции и Гражданской войны. – Л., 1987.

[4] *Корзун М.С.* Русская Православная церковь 1917–1945 гг. – Минск, 1987.

той в среде советских историков концепции по вопросу о характере эволюции политики РПЦ в послереволюционное время, которая прослеживалась от поддержки вооруженного сопротивления советской власти до её признания и выражения лояльности.

В рамках третьего периода историографии темы был опубликован и ряд специальных работ о деятельности РПЦ за Уралом, среди них кандидатская диссертация М.Л. Нейтмана, посвященная изучению истории внедрения декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» в Забайкалье в 1918–1923 гг. Большое внимание автор уделил изучению особенностей противостояния священства против осуществления декрета, организации деятельности властей в сфере религии. Он подчеркнул, что борьба против отделения школы от церкви, которую возглавила Забайкальская епархия, была напряженной. В период Гражданской войны и интервенции, по мнению М.Л. Нейтмана, церковные структуры поддержали интервентов и власть «белых»[1].

В то же время на протяжении данного периода появляются специальные работы, раскрывающие деятельность ВВЦУ Сибири в период Гражданской войны[2]. Монография И.Д. Эйнгорна «Очерки истории религии и атеизма в Сибири (1917–1937 гг.)» стала важным этапом в исследовании общественной роли РПЦ в период Гражданской войны в сибирском регионе[3]. Главное внимание автор уделил недостаточно изученным к тому времени вопросам, среди них политические и идеологические предпосылки создания Временного церковного управления, участие духовенства в заговорах и мятежах

---

[1] *Нейтман М.Л.* Проведение ленинского декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» в Забайкалье (1918–1923 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Иркутск, 1974.

[2] *Флеров В.С.* Контрреволюционная роль церковников и сектантов на Дальнем Востоке в 1918–1923 гг. // Ученые записки Томского Государственного университета. – Томск, 1959. – № 37.

[3] *Эйнгорн И.Д.* Очерки истории религии и атеизма в Сибири (1917–1937 гг.). – Томск, 1982.

в первые годы советской власти. В качестве источников автор использовал постановления советского правительства, труды и выступления видных деятелей партии, письма и высказывания трудящихся, периодическую печать, материалы центральных и местных партийных и государственных архивов. Кроме того, историк исследовал документальные источники церковного происхождения, в первую очередь документы, исходившие от ВВЦУ Сибири и Главного управления по делам вероисповеданий при правительстве А.В. Колчака, церковную, сектантскую печать. Автор доказывал, что победа Октября, несмотря на широкое противодействие духовенства, нанесла ощутимый удар по религии, освящавшей частную собственность, резко изменив положение церкви. Описывая борьбу советской власти с церковной контрреволюцией, выступавшей в годы Гражданской войны единым фронтом с белогвардейцами и интервентами, историк стремился показать неизбежность провала её антибольшевистской деятельности. Основной заслугой И.Д. Эйнгорна, как исследователя данной темы, является изучение широкого контекста деятельности церковных институций в начальный период становления советской власти в Сибири.

До конца 80-х гг. XX в. всестороннее изучение истории церкви в послереволюционной России было затруднено. Считалось, что укрепление коммунистической идеологии способствует преодолению религиозности населения. Государство в целом проводило политику ограничения деятельности церкви, пропаганды атеизма. Изучение истории церкви в СССР было подчинено задачам этой политики.

Празднование 1000-летия Крещения Руси символизировало тот факт, что Русская православная церковь получила относительную свободу. С этого момента интерес историков к деятельности церковных структур эпохи Гражданской войны заметно усилился, появились новые публикации, в том числе и касающиеся Временного высшего церковного управления Сибири. Особен-

ности их содержания обусловлены изменением общеполитической обстановки в стране. Снятие секретности с большого количества архивных документов и материалов, создание в исторической науке обстановки терпимости к различным оценкам и точкам зрения на происходившие события позволили исследователям выйти на новый уровень изучения роли церкви в Гражданской войне. Таким образом, последний – четвертый – период историографии темы открыли публикации конца 1980-х – первой половины 1990-х гг.

Проблема взаимоотношения Советской власти и церкви была посвящена монография В.А. Алексеева[1]. Автор дал оценку кампании «вскрытия мощей» святых.

Одним из наиболее важных исследований церковной истории в общероссийском масштабе стал труд А.Н. Кашеварова «Православная Российская церковь и Советское государство (1917–1922)»[2]. Наряду с другими проблемами автор рассмотрел и деятельность церкви на территориях, подконтрольных армии А.В. Колчака. Отдельная глава посвящена перипетиям идеологической борьбы и отношению церкви к Белому движению, а также причинам неудачи религиозной пропаганды в противостоянии большевикам. Автор отметил, что, несмотря на то, что временные органы церковного управления, оказавшиеся на территориях, занятых «белыми», открыто поддерживали антибольшевистскую власть, а «многие подведомственные им священнослужители видели в структурах «белых» правительств преемников и наследников былой российской государственности, «симфонии» между колчаковским правительством и церковью не существовало»[3].

---

[1] *Алексеев В.А.* Иллюзии и догмы. – М., 1991.

[2] *Кашеваров А.Н.* Православная Российская церковь и Советское государство (1917–1922). – М., 2005.

[3] *Там же*, С. 387

Аспекты церковно-государственной политики в период Гражданской войны анализируются в трудах М.И. Одинцова, который проследил эволюцию этих отношений в различные периоды (самодержавия, гражданской войны, советской власти)[1]. Впервые историк ввел в научный оборот большое число ранее неизвестных документов советских органов, в первую очередь материалы следственного дела патриарха Тихона. И.В. Левченко проанализировал периоды деятельности РПЦ, ее значение в общественно-политической системе[2].

Канадский историк русского происхождения Д.В. Поспеловский, автор книги «История Русской Православной Церкви в XX веке», убежден в полном нейтралитете церкви в годы Гражданской войны и считает советскую власть «палачом», а церковь – «жертвой»[3]. На наш взгляд, с данными взглядами нельзя согласиться полностью, поскольку, например, деятельность Сибирского ВВЦУ носила ярко выраженный антибольшевистский характер и никак не была осуждена высшей церковной властью в лице патриарха Тихона.

За последнее десятилетие появились исследования ряда авторов, касающиеся деятельности ВВЦУ Сибири и духовенства колчаковской армии. В трудах А.В. Попова, Е.В. Волкова, С.П. Звягина, В.Ж. Цветкова, протоиерея Г. Митрофанова дается развернутая оценка положения церковных дел в «белой» Сибири[4].

---

[1] *Одинцов М.И.* Государство и церковь (история взаимоотношений 1917–1938 гг.). – М., 1991.

[2] *Левченко И.В.* Русская Православная Церковь и государство. – Иркутск, 1997.

[3] *Поспеловский Д.* История Русской Православной Церкви в XX веке. – М., 1995.

[4] *Попов А.В.* Временные Высшие Церковные Управления на территориях, контролируемых белогвардейскими правительствами // История белой Сибири: материалы VI международной научной конференции. 7–8 февраля 2005 г. – Кемерово, 2005; *Волков Е.В.* Православное духовенство в войсках А.В. Колчака в годы гражданской войны // Гражданская война на Востоке России: новые подходы, открытия, находки: материалы научной конференции (Челябинск, 19–20 апреля 2002 г.). – М., 2003; *Цветков В.Ж.* Генерал Дитерихс. – М., 2004. – 489 с.; *Его же.* Белое движение в России. 1917–1922 гг. // Вопросы ис-

По справедливому мнению А.В. Попова, Временное церковное управление Сибири, явилось первым опытом автономного церковного управления в обход высших органов власти РПЦ. «Именно из Временных церковных управлений впоследствии организационно выросла РЗПЦ»[1].

С.П. Звягин, раскрывая тему сотрудничества РПЦ и «белой» армии в годы Гражданской войны, указывает на высокую эффективность проповеднических отрядов, организованных ВВЦУ Сибири, объезжающих фронт в собственных вагонах-церквях[2].

В 2008 г. вышел 10-й выпуск альманаха «Белая гвардия» под названием «Русская православная церковь и белое движение», посвященный истории взаимодействия РПЦ и «белого» движения в России в 1917–1922 гг. Во вступительной статье В.Ж. Цветков раскрывает духовные основы противостояния враждующих сторон Гражданской войны, рассматривает деятельность представителей Сибирского ВВЦУ как нравственный подвиг[3].

Среди работ, в которых дается краткая характеристика современной историографии Белого дела, необходимо отметить монографию и диссертацию исследовательницы Т.А. Немчиновой, которые дают представление об объеме и направлении работы в области исследования проблем истории «белой» Сибири[4].

тории. – 2000. – № 7. – С. 56–74; *Его же.* Белое дело в России. 1919 г. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). – М., 2009; *Митрофанов Г.* Православная Церковь в России и эмиграции в 1920-е годы. – СПб., 1995.

[1] *Попов А.В.* Временные Высшие Церковные Управления на территориях, контролируемых белогвардейскими правительствами // История белой Сибири: материалы VI международной научной конференции. 7–8 февраля 2005 г. – Кемерово, 2005. – С. 180–188.

[2] *Звягин С. П.* Взаимоотношения Русской Православной Церкви и Сибирской белой армии в годы гражданской войны (1918–1920 гг.) // Русская Православная Церковь и Армия: материалы I Кузбасских сборов военного духовенства. – Кемерово, 2008. – С. 28–30.

[3] *Цветков В.Ж.* Русская православная церковь и Белое движение // Белая гвардия. – М., 2009. – № 10.

[4] *Немчинова Т.А.* Белое движение в Сибири: современная российская историография: автореф. дис. … канд. ист. наук. – Улан-Удэ, 2002; *Немчинова Т. А.* Современная российская историография белого движения в Сибири. – Улан-Удэ, 2002.

На протяжении последних лет значимый вклад в историографию проблемы внесли публикации Е.В. Лукова и Д.Н. Шевелева. В ряде статей и совместной монографии они сделали акцент на изучении главных особенностей функционирования информационного аппарата «белой» Сибири. Например, монография «Осведомительный аппарат белой Сибири: структура, функции, деятельность (июнь 1918 – январь 1920 г.)»[1] посвящена истории создания осведомительных органов антибольшевистских правительств России. В ней рассматривается в том числе и сотрудничество православной церкви с колчаковскими структурами, справедливо указывается, что духовенство Сибири использовало все свое влияние и авторитет в целях антибольшевистской пропаганды. В издании показано взаимодействие церкви и управления по делам вероисповеданий, деятельность проповеднических отрядов, военного духовенства. При этом просветительская роль церкви виделась авторам шире, чем просто проповедь или идеологическое обеспечение. Авторы обращают внимание на попытку церковного управления значительно усилить роль прихода в общественно-политической жизни Сибири. Они делают вывод, что причиной неудачи церковной антибольшевистской пропаганды является низкая эффективность усилий духовенства в идеологической сфере[2].

В рамках четвертого периода историографии темы появились исследования собственно церковных историков, изучающих проблему создания и деятельности Сибирского ВВЦУ. Книгу протоиерея В. Цыпина «История Русской Православной Церкви 1917–1990» можно считать выражением официальной позиции РПЦ в конце 1990-х гг. Автор полагал, что после Поместного собора 1917–1918 гг. православная церковь сознательно отошла от непосредственного участия в политике и в драматичные годы гражданской

---

[1] *Луков Е.В., Шевелев Д.Н.* Осведомительный аппарат белой Сибири: структура, функции, деятельность (июнь 1918 – январь 1920 г.). – Томск, 2007.

[2] *Там же*. – С. 153–156.

войны выступала лишь нравственный арбитр, стоящий выше междоусобицы. Переход церкви на лояльные по отношению к новой власти позиции он объяснял именно этим невмешательством церкви, которая способна уживаться с любой властью[1].

Протоиерей Георгий Митрофанов выявляет религиозную основу «белого» движения, которое отличалось духовной самоотверженностью и отнюдь не являлось борьбой за сохранение или приобретение земных благ и привилегий. Именно стремление сохранить религиозную и национальную традиции было, по его мнению, определяющим мотивом участников Сибирского ВВЦУ и Крестоносного движения[2].

Значительным вкладом в изучение деятельности Сибирского ВВЦУ явилась книга «В вере ли вы?» митрополита Омского и Тарского Феодосия (в миру Процюк Игорь Иванович). На страницах этой работы, освещающей деятельность святителя Сильвестра (Ольшевского) на Омской кафедре в 1918–1920 гг., рассматриваются труды архиепископа, которые он написал в бытность председателем ВВЦУ Сибири. В книге дается оценка роли Сильвестра в работе возглавляемой им церковной структуры. Автор обозначил перспективы дальнейшего исследования темы, включая взаимоотношения ВВЦУ Сибири и правительства адмирала А.В. Колчака, деятельность военного духовенства, кадровые решения (например, омских архиерейских хиротоний лета 1919 г.), идеологическое противодействие большевикам, проблему судеб участников церковного управления[3].

Таким образом, в историографии Сибирского ВВЦУ значительное число проблем в той или иной мере получило освещение. Например, участие духовенства в гражданском противостоянии в Сибири на стороне «белых» под-

---

[1] *Цыпин В.* История Русской церкви, 1917–1990. – М., 1997.

[2] *Митрофанов Г., протоиерей.* Духовно-нравственное значение Белого Движения // Гражданинъ. – 2003. – № 1.

[3] *Феодосий, митрополит.* В вере ли Вы? – М., 2006.

робно раскрыто как в трудах советских историков ранних периодов, так и в церковной историографии более позднего времени. Вопросы развития церковно-государственных отношений накануне и в период Гражданской войны также рассматривались в отечественной историографии, однако и на сегодня остаются недостаточно изученными. В соответствующих публикациях были затронуты лишь отдельные аспекты создания ВВЦУ Сибири, как институции кризисного периода, а уникальный опыт деятельности автономной церковной структуры в условиях гражданского противостояния не получил адекватной оценки. В итоге существующие работы не дают целостного и четкого представления о событиях, связанных с созданием и деятельностью ВВЦУ Сибири. В настоящее время назрела необходимость в создании специального исследования по данной теме. Учитывая высокую актуальность и недостаточную степень изученности темы, были сформулированы цель и задачи, объект и предмет диссертационного исследования.

Объектом исследования является система учреждений Русской православной церкви на территории Сибири в годы Гражданской войны.

Предмет исследования – создание и деятельность Временного высшего церковного управления Сибири.

Цель диссертационной работы: выявить наиболее существенные черты и особенности деятельности Временного высшего церковного управления Сибири в 1918–1920 гг.

Для достижения указанной цели были сформулированы следующие *задачи*:

– выявить исторические условия и причины возникновения Временного высшего церковного управления Сибири;

– определить статус и предназначение ВВЦУ Сибири как церковного института;

– установить основные направления и результаты деятельности ВВЦУ в сфере внутрицерковной жизни;

– выявить принципы взаимодействия ВВЦУ Сибири с органами власти в период правления адмирала А.В. Колчака;

– раскрыть специфику деятельности ВВЦУ по руководству военным духовенством;

– определить доктринальные положения и практические усилия ВВЦУ Сибири в рамках противостояния большевизму.

Хронологические рамки исследования охватывают период от 19 ноября 1918 г. (создание ВВЦУ Сибири на Томском соборном совещании) до января 1920 г. (данное учреждение было эвакуировано в Иркутск и вскоре прекратило свое существование).

Территориальные рамки исследования охватывают Сибирь, Дальний Восток, а также территории Урала и Туркестана, контролировавшиеся армией адмирала А.В. Колчака в 1918 – начале 1920 г. Данные территории с учетом изменения линии фронта находились в ведении ВВЦУ Сибири.

Методологической основой исследования является совокупность подходов, принципов и методов, позволяющих обеспечить достижение цели диссертационной работы.

Важнейшим методологическим принципом исследования является *историзм*. В соответствии с этим принципом любой предмет или явление могут быть поняты и адекватно оценены лишь при условии их рассмотрения в развитии, в конкретном контексте исторических связей и взаимодействий. Следование принципу историзма в данной работе позволяет выявить связи между историческими условиями Гражданской войны и конкретной направленностью усилий ВВЦУ Сибири. Таким образом, деятельность Сибирского церковного управления рассматривается здесь как явление, отобразившее закономерности и особенности эпохи войн и революций в России.

В диссертационном исследовании был реализован системный подход, согласно которому учреждения и институты РПЦ на востоке России периода Гражданской войны рассматриваются как единая система взаимосвязанных элементов. Ядром данной системы выступало ВВЦУ Сибири, чья деятельность определяла изменения в характере функционирования других церковных структур, влияла на формирование социальных практик различных субъектов церковной жизни. Системный подход был применен в целях изучения совокупности политических установок, которыми руководствовались иерархи и учреждения православной церкви восточных регионов России в годы Гражданской войны. Также системный подход был применен для изучения ВВЦУ Сибири как системы внутренней жизни церкви.

Наряду с системным подходом изучение ряда проблем осуществлялось в рамках *историко-антропологического подхода*. Данный подход отчетливо демонстрирует свои универсальные возможности там, где речь идет о сознании и поведении людей. Общепризнано, что историческая антропология «претендует <...> на изучение практически всех сфер действительности – но в проекции человеческих представлений о них»[1]. Временное высшее церковное управление, одним из основных направлений деятельности которого была идеологическая борьба с большевизмом, широко применяло средства прямого духовного воздействия на массы – анафемы, крестные ходы и т.д. Это способствовало «демонизации» образа противника и, как рассчитывали члены ВВЦУ Сибири, должно было мобилизовать население на борьбу с ним. Таким образом, изучение с позиций исторической антропологии механизмов формирования церковными кругами отрицательного образа «красных», предпринятое в диссертационной работе на основе историко-антропологического подхода, позволяет глубже понять специфику ВВЦУ как органа идеологического противостояния.

---

[1] Михина Е.М. От составителя // История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996. С. 11.

В рамках системного подхода реализовывалось научное требование междисциплинарности. *Междисциплинарное* требование, применяемое в исследовании, позволило сочетать способы получения знания таких отраслей науки, как отечественная история, история православной церкви и история государства и права, одним из объектов которого является корпоративное (каноническое) право.

В диссертационном исследовании были задействованы и специальные исторические методы: *историко-сравнительный, историко-генетический, историко-типологический.* Реализация *историко-сравнительного* метода позволила выявить сущностные характеристики различных церковных структур и движений, учитывая при этом сходство и различие в их функциях, а также формах и способах духовной поддержки политического курса правительства А.В. Колчака. Одновременно этот метод обеспечил получение нового знания по изучаемой проблематике как в «горизонтальном», так и в «вертикальном» планах. В пространственном ракурсе осуществлялось сопоставление мероприятий, проводившихся на разных территориях Сибири и Дальнего Востока в поддержку правящих режимов, например в средствах массовой информации, печатных пропагандистских изданиях и т.п. В отношении временном, в частности, проводилось сравнение постановлений духовной власти эпохи Гражданской войны с подобными по содержанию и смыслу указами и постановлениями Православной церкви предшествующего периода.

Историко-типологический метод использовался с целью прояснить особенности антибольшевистской деятельности церкви на территории «белой» Сибири и прилегающих регионов. Таким образом были охарактеризованы основные типы этой деятельности – проповедническая работа, крестные ходы, издание агитационно-публицистической литературы, моральная поддержка А. Колчака и членов правительства посредством благословений и поднесения святыни.

Применение в диссертационной работе *историко-генетического метода* позволило проследить причинно-следственные связи, закономерности эволюции Временного высшего управления Сибири, выявить специфику исходя из анализа его деятельности, условий и обстоятельств конституирования руководящей структуры РПЦ на востоке России. В работе также применялся *проблемно-хронологический* принцип рассмотрения историографии темы.

Особо нужно подчеркнуть, что предмет исследования в настоящей работе предполагает употребление ряда *специальных церковных терминов*. «Окормление» означает особую форму духовного попечения, наставничества, руководство ко спасению души. Под категорией «каноническая власть» подразумевается та власть, которая утверждена в соответствии с дисциплинарными постановлениями православной церкви. Понятие «воцерковление» означает восприятие верующим норм духовной жизни в трактовке православной церкви.

Источниковая база исследования. Диссертационное исследование осуществлено на основе совокупности исторических источников. Часть из них хранится в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), Российском государственном военном архиве (РГВА), Историческом архиве Омской области (ИАОО).

Источниковая база работы состоит из несколько групп документов, включая нормативно-директивную документацию церковных и светских учреждений, законодательство и официальные документы правительства адмирала А.В. Колчака, делопроизводственную документацию, периодическую печать, источники личного происхождения, агитационные материалы, публицистику. Данные группы документов охарактеризованы по степени информативности.

Первая, наиболее информативная группа источников представлена нормативными актами церковных учреждений. Это постановления и указы Временного высшего церковного управления; указы и распоряжения Главного священника колчаковской армии и флота. Следует учесть, что Церковное управление Сибири дважды эвакуировалось. Не все материалы в этих условиях сохранились, а многие из них, очевидно, безвозвратно утеряны. В том числе, на сегодняшний день неизвестна судьба фонда ВВЦУ Сибири, содержащего более 3000 исходящих номеров. В то же время сохранившиеся документы достаточно информативны в своей области, особенно это касается материалов, находящихся в Российском государственном военном архиве. В архивном фонде Главного священника армии и флота протоиерея А. Касаткина (РГВА. Ф. 40253) значительную ценность представляют указы и назначения Главного священника, его распоряжения, касающиеся организации духовной работы в действующей армии.

Фонд 16 (Омская Духовная консистория) Исторического архива Омской области содержит дела, связанные с дисциплинарными решениями ВВЦУ по поводу деятельности подведомственного духовенства, его участия в молебнах, благословениях уходящих на фронт войск.

Также к этой группе источников следует отнести документы советских следственных и судебных органов. Они представлены материалами омского процесса над колчаковскими министрами в мае 1920 г.[1] и протоколами заседаний Чрезвычайной следственной комиссии по делу А.В. Колчака, созданной эсеровским Политцентром[2]. Данные источники позволяют определить особенности, определенную роль ВВЦУ в системе государственного управления и духовной жизни общества данного периода. Следователей интересовало отношение допрашиваемых к деятельности ВВЦУ Сибири и лично ар-

---

[1] Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920 / под ред. акад. А.Н. Яковлева. – М.: МФД, 2003.

[2] Допрос Колчака // Колчак А.В. – последние дни жизни. – Л., 1925.

хиепископу Сильвестру по духовному и идеологическому противостоянию большевизму как внутри Сибири, так и направленной за рубежи России.

Ко второй группе источников относятся официальные документы правительства А.В. Колчака, имевшие силу закона. Они, как правило, отражали ключевые положения белогвардейской церковной политики. Это в первую очередь «Положение о Главном управлении по делам вероисповеданий» от 27 декабря 1918 г., Присяга Верховного правителя России и членов его правительства 29 января 1919 г., Постановление Совета министров «О признании ВВЦУ Сибири высшим представительным органом православной церкви» от 28 марта 1919 г., Положение «О приходе» от 26 сентября 1919 г. Указанный массив документов обладает значительной информативностью. Он позволяет судить об ожиданиях, которые испытывала светская власть по отношению к духовной в деле идеологической поддержки режима, а также о том месте в общественно-политической системе, которое отводилось церкви в сложившихся условиях. С другой стороны, официальные постановления не отражают процесса принятия того или иного решения в светской или церковной среде, а лишь констатируют результат усилий групп лиц.

Третью группу источников составляет делопроизводственная документация ВВЦУ. В нее входит переписка ВВЦУ с государственными учреждениями и епархиальными структурами «белой» Сибири, в том числе донесения, служебные телеграммы, запросы и отчеты, а также отчеты войсковых благочинных, протоколы собраний военного духовенства. Основной массив делопроизводственной документации, касающийся взаимодействия высших государственных и церковных структур, находится в архивном фонде Главного управления по делам вероисповеданий Всероссийского правительства А.В. Колчака (ГАРФ. Ф. 140). Наибольший интерес в этом фонде представляет переписка с Временным высшим церковным управлением Сибири, протоколы заседаний ВВЦУ (особенно в условиях отсутствия собственно фонда

ВВЦУ), а также финансовая документация по содержанию государством различных церковных структур. Делопроизводственный материал о взаимодействии ВВЦУ и Главного священника армии и флота содержится также в фонде Главного священника армии и флота протоиерея А. Касаткина (РГВА. Ф. 40253). Переписка ВВЦУ Сибири с войсковыми благочинными, протоколы собраний военного духовенства, отчеты священников из действующей армии – весь этот материал представляет особый интерес для исследования. Большая часть используемых материалов впервые вводится в оборот. Документы фонда 40253 раскрывают и внутреннюю жизнь воинских частей и духовенства, зафиксированную в отчетах и донесениях войсковых священников.

Следующая группа источников – периодическая печать – позволяет окунуться в напряженную атмосферу повседневности тех лет и более полно представить позиции сторон в происходивших событиях. Необходимо отметить, что периодика Сибири, выпускавшаяся с ноября 1918 г. по январь 1920 г., отличается большим разнообразием и информативностью. Помимо светских изданий, в то время выходила и собственно церковная периодическая печать, прежде всего издания ВВЦУ «Сибирский Благовестник» и «За Русь Святую», а также «Епархиальные ведомости» – Омские, Томские, Пермские, Енисейские, Забайкальские, Якутские, Тобольские. При этом епархиальные периодические издания являлись преемниками соответствующих печатных органов дореволюционного периода. К сожалению, церковные источники не отличаются многочисленностью. «Сибирский Благовестник» вышел всего в трех номерах, региональные «Епархиальные ведомости» за 1919 г. сохранились не полностью. «Сибирский благовестник» задумывался как центральный орган ВВЦУ еще на Томском соборном совещании в ноябре 1918 г. Его выпуск состоял из двух частей – официальной и неофициальной. В первой публиковались указы Церковного управления, отчеты о заседаниях,

документы правительства, касающиеся жизни церкви и другие подобные материалы. Неофициальная часть мыслилась как проповедническая, пропагандистская трибуна, разъясняющая верующим политику высшего духовенства в условиях идеологического противостояния. Епархиальные печатные издания выходили в свет в 1919 г., как правило, на контролировавшихся «белыми» тех или иных территориях. Примером в данном случае могут служить «Пермские епархиальные ведомости», вышедшие в 1919 г. только в двух номерах.

Среди светских изданий важнейшим источником является «Правительственный вестник» (Омск) – официальное печатное издание правительства А.В. Колчака. Представленные здесь публикации разносторонне отображают идеологическую направленность политики правящего режима. Публикуемый на страницах газеты материал часто напрямую касался его взаимоотношений с ВВЦУ Сибири. Из числа военной периодической печати наибольший тираж был у официальной газеты военного ведомства «Русская армия» (Омск). Этот печатный орган освещал деятельность военного духовенства, публиковал распоряжения Главного священника армии и флота, информировал об организации крестоносных дружин, призывал к защите Родины с оружием в руках. Заметную роль на информационном поле играли и иные военные периодические издания, выпускавшиеся различными осведомительными отделами фронта и тыла. К ним можно отнести и различные казачьи издания, например газету «Иртыш».

Либеральные издания «белой» Сибири представлены такими газетами, как «Сибирская речь» (Омск), «Сибирская жизнь» (Томск) и др. Именно в материалах либеральной прессы находили отражение идеологические схемы, которые часто брала на вооружение официальная власть. «Сибирская жизнь», старейшее печатное издание Сибири, достаточно полно осветило деятельность Томского соборного совещания ноября 1918 г.

В альманах «Белая гвардия», посвященный истории взаимодействия РПЦ и «белого» движения в России в 1917–1922 гг. включены материалы, освещающие деятельность дружин «Святого Креста», приходскую жизнь, службу военного духовенства периода Гражданской войны в Сибири[1].

К пятой группе относятся источники личного происхождения, которые представлены мемуарами, дневниками и перепиской членов Российского правительства, а также лиц, непосредственно связанных с деятельностью ВВЦУ, изданные как в России, так и за рубежом. В частности, в дневниках и воспоминаниях членов колчаковского правительства П.В. Вологодского, В.Н. Пепеляева, Г.К. Гинса нашли отражение различные аспекты проповеднической деятельности церковных структур, представлена характеристика отдельных сторон деятельности ВВЦУ[2].

Указанные материалы носят глубоко личностный, субъективный характер, обусловленный идеологической и социальной принадлежностью автора, а также индивидуальными чертами его личности. Данная группа источников обладает довольно высокой информативностью, однако следует помнить о своеобразии документов личного происхождения, отражающих события и факты реальной жизни через личностное восприятие конкретных людей, являющихся современниками, а нередко и участниками происходивших событий.

Опубликованные материалы участников Гражданской войны на стороне «красных» нередко носили пропагандистский характер. В 1920 г. увидел свет первый сибирский сборник воспоминаний «Три года борьбы за диктатуру пролетариата»[3]. В сборнике были опубликованы воспоминания П. Петрова о деятельности партизанских формирований А. Кравченко и П. Щетинки-

---

[1] *Цветков В.Ж.* Русская православная церковь и Белое движение // Белая гвардия. – М., 2009. – № 10.

[2] *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак: Поворотный момент русской истории 1918–1920 гг. Впечатления и мысли члена омского правительства: в 2 т. – Пекин, 1921.

[3] Три года борьбы за диктатуру пролетариата: сборник. – Омск, 1920.

на на территории Енисейской губернии. В них дается оценка деятельности духовенства в отношении вооруженных отрядов, противостоящих А.В. Колчаку. В воспоминаниях партизана П.Д. Криволуцкого приводятся факты расправы над духовенством[1]. В то же время нужно отметить небольшое количество вышедших материалов, раскрывающих деятельность РПЦ в Сибири в период Гражданской войны.

К шестой группе источников относится агитационно-пропагандистская литература. Этот вид печатной продукции призван был побудить население к непосредственным активным действиям. Его издание широко осуществляло в Сибири Временное церковное управление. Исследователю удалось найти небольшое количество материалов, изданных как ВВЦУ Сибири, так и стороной «красных».

В Историческом архиве Омской области имеется фонд 1015 (Прокламации Колчаковского правительства). Здесь находятся воззвания, листовки, обращения ВВЦУ Сибири, различных правительственных организаций к верующим разных конфессий, крестьянам, рабочим по поводу участия в вооруженной борьбе на стороне «белой» армии.

Также в фонде 140 ГАРФ сохранились прокламации «красных», осуждающие роскошную жизнь высшего духовенства православной церкви и призывающие на борьбу с ним.

Седьмая группа источников – публицистика – представлена работами Н. Устрялова[2] и Д. Болдырева[3], в которых характеризуются причины Гражданской войны и установления власти «белого» движения на территории Сибири, а также возникает один из первых опытов осмысления историософских проблем России. В работах указанных авторов освящаются в небольшом объеме отдельные аспекты деятельности ВВЦУ Сибири, например, органи-

---

[1] *Криволуцкий П.Д.* Шиткинские партизаны. – Иркутск, 1935.
[2] *Устрялов Н.В.* В борьбе за Россию. – М., 2003.
[3] *Болдырев Н.В., Болдырев Д.В.* Смысл истории и революция. – М., 2001.

зация Крестоносного движения, а также формы взаимодействия церковного управления и Главного управления по делам вероисповеданий Всероссийского правительства А.В. Колчака.

Общая концепция диссертационного исследования отражена в основных *положениях, выносимых на защиту*:

1. Создание Временного высшего церковного управления на Томском соборном совещании было вынужденным актом, обусловленным событиями Гражданской войны. Главными предпосылками создания ВВЦУ Сибири стала разделяющая сибирские епархии и патриаршую церковную власть линия фронта и невозможность нормального канонического общения между духовным центром и областями.

2. Православная церковь на востоке России организовалась именно в форме Временного высшего церковного управления по ряду причин. Формулировка «временный» свидетельствует о том, что данная структура не мыслилась её создателями как постоянно действующая (до тех пор, пока не исчезнут предпосылки, послужившие к созданию нового церковного образования). По сути, ВВЦУ Сибири представляет собой модификацию митрополичьего округа во главе с епископом, окормляющим город, который был столицей «белой» Сибири.

3. ВВЦУ Сибири возникло в ноябре 1918 г. на соборном совещании в Томске. Время созыва обусловлено подготовкой к важному церковному совещанию, которая затянулась в связи с опасением некоторых архиереев быть обвиненными в «сибирском сепаратизме». Некоторые епископы уклонились от участия в нем, хотя и признали легитимность собрания и выполняли впоследствии все решения Временного церковного управления.

4. Контакты и взаимодействие ВВЦУ Сибири с правительством А. Колчака осуществлялись через Главное управление по делам вероисповеданий Всероссийского правительства. Управление не являлось органом, вы-

полнявшим функции святейшего Синода, поскольку ведало делами всех конфессий на территории «белой» Сибири, а также потому, что не являлось руководящим органом ни для одной духовной структуры.

5. Правительство адмирала А.В. Колчака рассчитывало получить в лице РПЦ и ВВЦУ Сибири идеологического союзника в антибольшевистской борьбе. Эти ожидания вполне оправдались. Церковное управление развило активную антибольшевистскую деятельность, одобряло и благословляло практически все начинания власти, как в военной сфере, так и в устроении жизни в тылу.

6. Антибольшевистская деятельность ВВЦУ приобрела различные формы. Главные из них – молебны и крестные ходы, проповедническая деятельность епископата и духовенства в тылу и в действующей армии, издание большими тиражами агитационной и проповеднической литературы, организация крестоносного движения.

7. Православный приход членами ВВЦУ мыслился как основная церковно-государственная единица, которая должна объединить православных верующих, а в перспективе и все население вокруг церкви и правительства. Основываясь на положении о приходе, выработанном на Всероссийском поместном соборе РПЦ 1917–1918 гг., ВВЦУ развивало приходскую структуру как организацию, выполняющую экономические, политические, просветительские и богослужебные функции.

8. ВВЦУ Сибири удалось объединить церковные органы и структуры РПЦ, находившиеся за Уралом. Не известно ни одного случая, когда епархия, монастырь или духовное учебное заведение отказывало в послушании распоряжениям или указам управления. В первую очередь это случилось благодаря признанию государством ВВЦУ Сибири как высшего церковного органа на востоке страны.

Научная новизна исследования состоит в следующем. На базе основополагающих принципов исторической науки всесторонне и системно изучена крупная и самостоятельная проблема – причины создания временной церковной институции ВВЦУ Сибири в экстремальных политических условиях и её деятельность по руководству церковной жизнью подконтрольной территории востока России.

На основе вновь вовлеченных в научный оборот документов и материалов рассмотрены различные аспекты участия ВВЦУ Сибири в духовной и идеологической борьбе на стороне «белого» движения, выявлены основные тенденции, характерные черты и результаты этой борьбы.

Установлены основные принципы взаимодействия ВВЦУ Сибири с органами светской власти адмирала А.В. Колчака, специфика организации деятельности военного духовенства. Выявлен круг исторических персоналий и подробно охарактеризована их деятельность, которая была непосредственно связана с созданием и деятельностью ВВЦУ Сибири в 1918–1920 гг.

Практическая значимость исследования обусловлена главным образом приращением исторических знаний по вопросам создания церковной структуры самоуправления на территории «белой» Сибири и её роли в жизни региона и страны в целом в период Гражданской войны, которые могут быть использованы профессорско-преподавательским составом кафедр, преподающих исторические и церковно-исторические дисциплины.

Обобщенные материалы исследования могут использоваться для написания монографий, учебных пособий, научных сообщений и статей, выбора соискателями актуальных тем исследований по истории Гражданской войны в Поволжье, на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке, преподавания курсов «История Сибири», «История РПЦ».

Содержание диссертации сможет оказать значительную помощь профессорско-преподавательскому составу, студентам высших учебных заведе-

ний при изучении истории создания и деятельности Временного высшего церковного управления Сибири.

Апробация результатов исследования. Основные идеи и теоретические положения исследования апробированы и получили положительную оценку в ходе проведения занятий со студентами Омского епархиального духовного училища и Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, в виде сообщений на церковных и светских научно-практических конференциях, таких как Недбаевские исторические чтения (Омск), Международная научная конференции, посвященная 200-летию Омского кадетского корпуса (Омск) и других.

Структура диссертационного исследования. Цель и задачи исследования определили структуру работы, построенную по проблемно-хронологическому принципу. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, приложений.

I. Образование Временного высшего церковного управления (ВВЦУ) Сибири

1.1. Причины и предпосылки возникновения ВВЦУ

Поместный собор РПЦ, состоявшийся в 1917–1918 гг., явился событием огромной значимости. Возродив Патриаршество, Поместный собор хронологически совпал с революционными преобразованиями, с крушением Российской империи. Отречение императора Николая II от престола лишило церковь главного попечителя и гаранта. Иерархи вынуждены были искать формы существования церкви в новых условиях. Необходимо отметить, что плоды революции обнаружились, прежде всего, не в области гражданских отношений, а именно в Церкви. Они выразились в факте созыва Всероссийского поместного собора. Именно Собор заложил и создал для РПЦ прочный канонический фундамент, благодаря которому она не только не погибла от последствий гражданских нестроений, но послужила, как отмечал член ВВЦУ Сибири профессор Л. Писарев, «якорем спасения для русской государственности»[1].

Главной характеристикой Собора является его смешанный состав и особенно процедура принятия решений: правом голоса обладали все члены Собора, но архиереи, собранные в особое архиерейское совещание, были наделены, кроме того, правом вето на постановления пленарного заседания.

Самым важным вопросом для церкви была проблема её взаимоотношений с государством. Синодальное устроение поставило церковь в положение юридической и институционной зависимости. Недовольство по поводу этой ситуации стало ещё более заметным после принятия в 1905 г. указа об укреплении начал веротерпимости, в результате которого православная церковь оказалась в более невыгодной позиции, чем остальные вероисповедания и, в

[1] *Писарев Л.* Русская церковь прежде и теперь // Русская армия. – 1919. – 30 октября.

частности, старообрядцы. Следовательно, вопрос церковно-государственных отношений, одним из аспектов которого стало восстановление патриаршества, являлся одной из важных причин церковных реформ[1].

Введение соборного принципа на всех уровнях церковной жизни стало самой яркой особенностью Собора 1917–1918 гг.: привлечение мирян к участию не только в Поместных соборах, собраниях, но и к участию в избраниях патриарха, а также вообще привлечение мирян к церковному управлению через посредство смешанных советов.

Несмотря на то, что революция застала врасплох скорее государство, а не церковь, Собор 1917–1918 гг., как подчёркивает протоиерей И. Мейендорф, над проблемой церковно-государственных отношений по-настоящему не задумался[2]. Касался он этого вопроса лишь в целях самозащиты: требуя для себя независимости, Собор, тем не менее, не мог смириться с мыслью об отделении церкви от столь давно поддерживавшего её государства[3].

Отдел о Высшем церковном управлении под руководством Тифлисского митрополита Кирилла (Смирнова) предоставил результаты своей работы 18 сентября 1918 г. на 168-м заседании Собора. Докладчик давал оценку ранее делавшимся попыткам организации РПЦ в форме митрополичьих округов. Он подчеркивал, что в образовавшихся обстоятельствах «восстановлена соборность как жизненное начало церковного управления и завершен иерархический строй Русской церкви восстановлением Патриаршества». Следовательно, отношения между церковью и государством, сложив-

---

[1] См.: *Флоровский Г.* Пути русского богословия / отв. ред. О.А. Платонов. – М., 2009. – С. 498.

[2] *Мейендорф И.* Православие в современном мире. – М., 1997. – С. 68–86.

[3] *Дестивель Л.* Поместный Собор Русской Православной Церкви 1917–1918 гг. и принцип соборности: дис. … канд. филос. наук. – СПб., 2007.

шиеся в то время, не имели аналогов в прошлом и обязывали в области церковного управления к исключительным действиям[1].

По словам протоиерея Николая Артемова, «поскольку в отделе о Высшем церковном управлении первоначально не собирались придавать округам “административно-судебное значение”, эти единицы предпочитали называть не митрополичьими, а “церковными” округами. Однако на Соборе было высказано мнение, что в будущем “созыв поместных соборов может сделаться со временем явлением довольно редким”. За таким предположением стояло не только опасение в отношении советской власти, но и сознание того, что организация Поместного собора требует огромных денежных затрат»[2].

В конце концов, Собор решил не лишать митрополичьи округа административных функций[3]. Вопрос об организации в РПЦ митрополичьих округов, по мнению протоиерея Николая Артемова, «был решен Всероссийским поместным собором 1917–1918 гг. положительно, решение принято однозначно»[4].

Примечательно, что в первое время существования советской власти патриарх Тихон старался успокоить революционные страсти. В Послании Священного Собора от 11 ноября 1917 г. говорится: «Вместо обещанного лжеучителями нового общественного строения – кровавая распря строителей, вместо мира и братства народов – смешение языков и ожесточенная ненависть братьев. Люди, забывшие Бога, как голодные волки бросаются друг на друга... Оставьте безумную и нечестивую мечту лжеучителей, призывающих

---

[1] Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Деяние 168. Обзор Деяний, Третья сессия. – М., 2000. – С. 352.

[2] *Артемов Н., протоиерей*. Да единомыслием исповемы // К Всезарубежному собору 2006 г. – URL: http://www.pravos.org/docs/doc311.htm (дата обращения: 15.03.2011).

[3] Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Деяние 168. Обзор Деяний, Третья сессия. – М., 2000. С. 353.

[4] *Артемов Н., протоиерей*. Да единомыслием исповемы // К Всезарубежному собору 2006 г. – URL: http://www.pravos.org/docs/doc311.htm (дата обращения: 15.03.2011).

осуществить всемирное братство путем всемирного междоусобия! Вернитесь на путь Христов!»[1]

Однако в своем Послании от 19 января 1918 г. патриарх уже провозглашает анафему большевикам: «Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело: это – поистине дело сатанинское, за которое подлежите вы огню геенскому в жизни будущей – загробной и страшному проклятию потомства в жизни настоящей – земной. Властию, данною нам от Бога, запрещаем вам приступать к Тайнам Христовым, анафематствуем вас, если только вы носите еще имена христианские и, хотя по рождению своему, принадлежите к Церкви Православной»[2].

После выхода знаменитого декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви 20 января 1918 г. отношения церкви и государства еще более обострились. На своем заседании от 25 января 1918 г. Поместный собор составил постановление, в котором говорилось, что декрет представляет собой «злостное покушение на весь строй церковной жизни и акт открытого гонения на церковь». Также указывалось, что всякое участие в исполнении этого закона навлекает на виновных наказание вплоть до отлучения от церкви. В прессе появилось множество материалов, направленных на дискредитацию иерархов РПЦ, в ряде регионов, в том числе и в Омске, прошли крестные ходы, которые нередко заканчивались арестами и казнями священнослужителей.

На востоке России, также как и во всей стране, Русская православная церковь в этот период разделила бедствия своего народа – ряд её иерархов были репрессированы, активно велась антирелигиозная пропаганда. Структуры российской церкви в Сибири и на Дальнем Востоке не

---

[1] Акты святейшего патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг. / сост. М. Губонин. – М., 1994. – С. 328.

[2] Там же. – С. 405.

могли полноценно выполнять свои функции. Вполне понятно, что иерархи должны были реагировать на революционные преобразования в стране, дать ответы на исторические вызовы, с которыми столкнулась РПЦ. Кроме того, Гражданская война и возникшее летом 1918 г. чехословацкое восстание разделили территорию государства и прервали каноническую связь сибирских епархий с патриаршим центром. Остро возник вопрос самоорганизации и определения основ духовного управления в сложившихся условиях.

Политическую ситуацию в стране, возникшую к осени 1918 г., можно охарактеризовать как весьма сложную. Власть большевиков на огромной территории от Волги до Дальнего Востока оказалась свергнутой. Образовалось множество региональных правительств, таких как Всероссийская директория, КОМУЧ и другие. К концу осени 1918 г. в руках «белой» армии на востоке страны продолжала оставаться огромная территория. Она удерживала основную часть Урала и Оренбургской губернии, а также Сибирь, Дальний Восток и большую часть Степного края – Акмолинскую, Семипалатинскую, Тургайскую и Уральскую области. На этой территории проживало около 22 миллионов человек. Наряду с русскими здесь жили башкиры, татары, киргизы, буряты, якуты и многие другие народы[1].

Вследствие поражений в военном противостоянии осенью 1818 г. назрел правительственный кризис, вызванный недовольством офицерской среды. В.Д. Зимина считает, что события в Омске 18 ноября 1918 г. явились результатом развернувшейся после освобождения от большевиков Поволжья и Сибири «борьбы двух принципов государственного управления: омского внепартийного «правого», олицетворявшегося Временным Сибирским правительством, и самарского узкопартийного «левого» в лице КОМУЧа»[2]. В

---

[1] *Спирин Л.М.* Разгром Армии Колчака. – М., 1957. – С. 16.

[2] *Зимина В.Д.* Белое дело взбунтовавшейся России: Политические режимы Гражданской войны. 1917–1920 гг. – М., 2006. – С. 145.

борьбе принимало участие около 20 противобольшевистских правительств. В этих условиях в ночь на 17 ноября 1918 г. и произошел арест представителей левого крыла Временного Всероссийского правительства и приход к власти А.В. Колчака, впоследствии в советской историографии называемый переворотом.

В результате чехословацкого мятежа на востоке страны установилась власть, которая не являлась враждебной церкви и, следовательно, возникла возможность и необходимость для церкви установления контактов и взаимодействия с новой властью. Как отмечал член Томского собрания протоиерей И. Фигуровский, с которым стоит согласиться, нужда в таком органе стала чувствоваться с мая 1918 г., когда Сибирь оказалась отрезанной от центра и лишилась непосредственного руководства со стороны Святейшего патриарха и Священного синода[1].

По нашему мнению, основными побудительными причинами организации подобного совещания явились:

– отсутствие в нескольких епархиях правящих епископов. Три епархии – Якутская, Приморская и Семиреченская – по разным причинам остались без иерархов и нуждались в духовной власти. Якутская духовная консистория была ликвидирована 24 июля 1918 г., епископ Евфимий (Лапин) в 1919 г. временно управлял Курской епархией, с 1920 г. он епископ Олонецкий и Петрозаводский. В июле 1917 г. архиепископ Приморский Евсевий (Никольский) и викарный епископ Павел выехали в Москву, где приняли участие в работе Всероссийского поместного собора 1917–1918 гг. Из столицы во Владивосток они больше не вернулись из-за развернувшейся Гражданской войны и нестроений внутри самой церкви. Епископ Семиреченский Пимен (Белоликов) был расстрелян большевиками 16 сентября 1918 г. в 8 вер-

[1] Енисейские епархиальные ведомости. – 1919. – № 1/2. – С. 1.

стах от г. Верного, в 2000 г. его прославили в лике священномучеников на соборе РПЦ;

– во многих из восточных епархий назрели вопросы, превышающие полномочия епархиальных управлений. В то же время новая светская власть затруднялась, к кому обращаться с вопросами по церковным делам.

Необходимо отметить, что Сибирское церковное совещание было сформировано из уже прошедших через многоступенчатые выборы участников Всероссийского поместного собора. Таким образом, канонический статус Томского собора определяется каноническим статусом делегатов Поместного собора 1917–1918 гг. Проводить новые выборы организаторы, видимо, посчитали неоправданным в связи с их сложностью и относительно большой продолжительностью во времени, а также тем, что результаты прежних выборов никем не оспаривались.

В период с 14 ноября по 3 декабря 1918 г. в Томске в совещании участвовали 13 архиереев, возглавлявших епархии Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока, то есть именно тех епархий, которые из-за войны прервали свои сношения с центром. Также на нём присутствовали 26 (епископ Андрей Ухтомский считал, что 27[1]) членов Всероссийского поместного собора из духовенства и мирян, оказавшихся на территории, неподконтрольной советской власти. Среди архиереев находились такие архипастыри, как архиепископы Омский и Павлодарский Сильвестр (Ольшевский), Симбирский Вениамин (Муратовский), Иркутский и Верхоленский Иоанн (Смирнов), Оренбургский и Турайский Мефодий (Герасимов), епископы Томский и Алтайский Анатолий (Каменский), Уфимский Андрей (кн. Ухтомский), Екатеринбургский и Ирбитский Григорий (Яцковский), Березовский викарий и управляющий Тобольской епархией Иринарх (Синеоков-Андреевский), Енисейский и Красноярский Назарий (Андреев), Чебоксарский викарий Казан-

[1] Епископ Андрей и сибирский церковный собор // Сибирская жизнь. – 1919. – 16 января.

ской и Свияжской епархии Борис (Шипулин), викарии Томской и Алтайской епархии Бийский Иннокентий (Соколов) и Барнаульский Гавриил (Воеводин).[1] Председателем совещания был избран архиепископ Симбирский Вениамин (Муратовский), а почетным председателем – митрополит Казанский Иаков (Пятницкий). Небольшое количество участников объясняется, видимо, тем, что в условиях военного времени не все члены Поместного собора вовремя получили приглашения, а кто-то приехать не смог.

Соборное совещание в Томске явилось первым опытом распространения решений Всероссийского поместного собора 1917–1918 гг. на территории России, в частности, в вопросах приходского строительства, канонического права и других[2]. Главный вопрос, который необходимо поднять в связи с деятельностью Томского церковного совещания и впоследствии ВВЦУ Сибири, – это вопрос легитимности учреждения данных структур. Он встаёт наиболее остро еще и потому, что ВВЦУ посчитало себя вправе решать самый широкий спектр церковных дел, вплоть до относившихся во все времена к компетенции высшей церковной власти (например, замещения вакантных кафедр и рукоположения архиереев). По крайней мере, две архиерейские хиротонии были совершены в Омске в июне 1919 г. в кафедральном Успенском соборе.

И.Д. Эйнгорн вполне справедливо считал, что одной из предпосылок к организации Сибирского церковного совещания и созданию на нем ВВЦУ являлась реорганизация церковно-приходской системы, начавшаяся на Поместном соборе и опирающаяся на постановление патриарха Тихона и Священного синода «О деятельности церковно-административного аппарата в условиях новой государственной власти» от 28 февраля 1918 г. Постановление предусматривало организацию верующих, приходов в союзы, братства, объе-

---

[1] *Цыпин В., протоиерей.* Русская Православная Церковь в новейший период 1917–1999 гг. // Православная Энциклопедия. Русская Православная Церковь. – М., 2000. – С. 136.

[2] *Цыпин В.* Церковное право. – М., 1996. – С. 195.

динения. Приходское устройство предполагало создание единой централизованной церковной системы сельских, уездных, всероссийских приходских советов. Такая система была создана в Москве, Петрограде во главе с объединенными приходскими советами. По их примеру в марте 1918 г. был организован союз приходских общин в Томске, Иркутске и других городах Сибири.

Еще одной предпосылкой к созыву Томского Соборного совещания явилась дискуссия и принятое решение на Поместном соборе РПЦ 1917–1918 гг., касающееся разделения Русской церкви на церковные (митрополичьи) округа.

Исходя из сказанного, можно выделить главные причины к устройству Томского соборного совещания и организации на нем Временного высшего церковного управления – это стремление церковных иерархов реагировать на вызовы гражданского противостояния, наличие разделяющей линии фронта, необходимость для церкви и власти установить формат взаимного отношения. Наличие линии фронта, делающей невозможным сообщение сибирских епархий со Святейшим патриархом, явилось, пожалуй, главной причиной к созыву Томского соборного совещания и созданию на нем ВВЦУ Сибири.

К предпосылкам можно отнести реорганизацию церковно-приходской системы и постановление Поместного собора Русской православной церкви о митрополичьих округах, делающее необходимым самостоятельную организацию церковной жизни.

В настоящее время трудно ответить на вопрос, кто конкретно стал инициатором созыва Томского соборного совещания. Скорее всего, таковыми нужно считать правящих архиереев сибирских епархий, в первую очередь тех, кто прибыл в ноябре 1918 г. в Томск для выработки церковной политики в сложившихся условиях гражданского противостояния.

1.2. Сибирское соборное совещание в Томске (ноябрь 1918 г.). Конституирование ВВЦУ

В ноябре 1918 г. в Томске проходило Соборное совещание, образовавшее единый центр церковной власти на востоке России. Совещание открылось 14 ноября в кафедральном соборе торжественным богослужением, совершенным архиепископами Симбирским Вениамином, Иркутским Иоанном и Омским Сильвестром, проповедь произносил епископ Андрей (Ухтомский). Заседания проходили 20 дней в здании Томского епархиального училища. Соборное совещание выделило 7 комиссий и 2 подкомиссии, было проведено 21 заседание. Наряду с членами собора к участию в нем были привлечены некоторые специалисты – министр народного просвещения профессор Сапожников, другие профессора, представители армии и иных ведомств. Деятельность Собора нашла отражение в 19 параграфах постановлений Соборного совещания[1]. Созыв совещания объяснялся тем, что в условиях Гражданской войны часть русской церкви оказалась лишена возможности управляться централизованно[2].

Соборное церковное совещание в Томске в ноябре 1918 г. сумело выработать механизмы реализации интересов церкви в Сибири – на территории, оказавшейся свободной от большевистского влияния. Но его деятельность оказалась возможной потому, что годом ранее Поместный собор восстановил принципы соборности церковного управления и заложил основы существования церкви в новых условиях светской власти. В то же время, по словам протоиерея И. Фигуровского, «томское совещание было встречено в церковных кругах с большой опасливостью»[3], поскольку собиралось без благословения патриарха и Священного собора. Кроме того, совещание открывалось тогда, когда в Сибири широко обсуждался вопрос автономности края и суще-

---

[1] Томские епархиальные ведомости. – 1919. – № 1/3.
[2] Там же. – № 4. – С. 11–12.
[3] Енисейские епархиальные ведомости. – 1919. – № 1/2. – С. 2.

ствовала опасность развития церковной автономии в сторону автокефалии по примеру Украины. Видимо, поэтому некоторые священнослужители и миряне, вызванные на Совещание, не приехали в Томск. Как отмечал И. Фигуровский: «Только после того, как в речах всех участников собора было ясно засвидетельствовано, что никаких сепаратистских стремлений Совещание не преследует, что оно собирается вести свою работу в полном послушании Святейшему патриарху и Всероссийскому собору… предубеждение против закономерности его исчезло и работа пошла мирно и гладко в атмосфере взаимного доверия»[1].

Томскому соборному совещанию удалось с самого начала приступить к решению насущных вопросов жизни церкви, связанных в первую очередь с организацией церковного управления. Было принято неотложное решение о замещении Владивостокской (Приморской) кафедры: соборное совещание назначило во вдовствующую епархию епископа Самарского Михаила (Богданова). Впоследствии Высшее временное церковное управление на своём первом заседании 9 декабря 1918 г. в Омске сделало соответствующие распоряжения, связанные с назначением епископа Михаила, а именно – уведомило как самого преосвященного, так и Владивостокский епархиальный совет о состоявшемся назначении, причем предписало последнему выделить епископу Михаилу содержание из епархиальных средств[2].

Позднее, находясь под следствием большевиков, епископ Уфимский Андрей (Ухтомский) так делился своими впечатлениями о Томском соборном совещании: «Это было в Томске в течение первых двух недель ноября месяца 18-го года. В Томске происходило соборное совещание, когда Урал и Сибирь оказались отрезанными от Москвы чешским фронтом. Тогда члены Московского собора 17-го года, находившиеся на этой территории, собрались в Томске, чтобы обсудить церковные дела. Нужно было принять неко-

[1] Енисейские епархиальные ведомости. – 1919. – № 1/2. – С. 3.
[2] Сибирский благовестник. – 1919. – № 1. – С. 5.

торые решения, для того чтобы узаконить отсутствие патриарха. Огромное большинство этого собрания были самые бессмысленные монархисты. Соответственно с этим главным догматом о необходимости и неизбежности восстановления царской власти и начались работы этого Томского собрания. Я стал решительно и твердо протестовать против такого оборота дела, и моим активным единомышленником был только епископ Екатеринбургский Григорий»[1].

Одним из главнейших в этой связи стал вопрос об отношении церкви и государства в новых политических условиях. Совещание постановило в данном случае придерживаться точки зрения, выраженной в определении Всероссийского собора, и это определение представить государственной власти[2].

Основные положения «Определения», принятого Поместным собором 1917–1918 гг., гласили, что РПЦ должна была занимать в российском государстве ведущее положение, она в учении веры и нравственности, богослужении, внутренней духовной дисциплине должна быть независима от государственной власти и пользоваться в делах церковного законодательства, управления и суда правами самоопределения и самоуправления. Православный календарь признавался Собором государственным календарем, а церковные праздники – выходными днями. Венчание по православному обряду считалось легитимной формой заключения брака, богословские школы обладали всеми правами государственных учебных заведений. Закон Божий объявлялся обязательным предметом в учебных заведениях, воинские части обеспечивались военным духовенством[3].

В то же время рассуждали на Соборе и на злобы дня: о Гражданской войне и развале России. «Во всём виноваты евреи», – изрек один архиерей. А епископ Андрей (Ухтомский) дополнил: «Если евреи, то и архиереи, так как

---

[1] Звезда. – 1997. – № 10. – С. 13.
[2] Томские епархиальные ведомости. – 1919. – № 1. – С. 5.
[3] *Цыпин, В*. История Русской церкви, 1917–1990. – М., 1997. – С. 212.

если евреи слишком много делали, то наши архиереи уже ровно ничего не делали».[1] Не обошлось и без обвинений в адрес российской армии. После прочтения протокола комиссии по военно-церковным делам выступил с речью епископ Томский Анатолий (Каменский), который всю вину за распад России приписал разложившейся под влиянием пропаганды армии и военному духовенству. На тяжелые и не вполне обоснованные обвинения ответил Главный священник Сибирской отдельной армии протоиерей Алексий Русецкий, указав на то, что пропаганда разложения началась не на фронте, а в тылу, и армия до конца выполнила свой долг перед Отечеством[2].

Однако к сведению личных счётов работа совещания не свелась и по вопросу о военно-церковных делах были приняты следующие положения:

– во-первых, Главный священник Сибирской армии, временно, до восстановления сношений с военным протопресвитером, объединявший деятельность всего духовенства армии, находился в непосредственном каноническом общении с ВВЦУ. Таким образом, канонический статус Главного священника армии определялся аналогично статусу членов Высшего церковного управления;

– во-вторых, Главному священнику армии временно (до воссоединения с военным протопресвитером) предоставлялось право назначения священников в части действующей армии. В виду особенно важного значения деятельности военных священников высказалось желание, чтобы при назначении их из состава епархиального духовенства предварительно запрашивалось не только согласие и благословение со стороны епархиального епископа, но и отзыв о нравственных качествах кандидата и о степени соответствия его служению в армии[3] (См.: Приложение 2).

---

[1] Епископ Андрей и Сибирский Церковный собор // Сибирская жизнь. – 1919. – 16 января.

[2] РГВА. – Ф. 40253. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 91–92.

[3] Томские епархиальные ведомости. – 1919. – № 1. – С. 7; № 2. – С. 1.

По вопросу о религиозно-нравственном воспитании воинских частей совещание, кроме обычных мер, рекомендованных Положением о военном духовенстве, признавало желательным устройство периодических собраний военного духовенства, организацию деятельной «борьбы с большевизмом» через планомерное воздействие на воинов в проповедях, внебогослужебных групповых и частных собеседованиях и привлечении к участию в чтениях и беседах наиболее активных и почётных членов приходских советов и церковных братств. Принимая во внимание то обстоятельство, что книжный рынок был насыщен не отвечавшей принципам православия литературой (например, «Памятка солдату», «Идея Государства», «Может ли христианин воевать?», «Не убий!», «Письмо к военному фельдшеру графа Л. Толстого», «Четвертая нагорная проповедь»), совещание просило военное начальство ввести в состав военно-цензурного комитета представителя военного духовенства, чтобы такая литература не допускалась в войска.

По итогам Сибирского совещания протоиерей Алексий Русецкий выпустил пастырское обращение «Военному духовенству Сибирской армии», в котором он, отмечая, что церковь и государство переживают времена чрезвычайные, просил всех военных священников Сибирской армии усилить свою пастырскую работу по поддержанию бодрости духа в войсках (См.: Приложение 1). В связи с этим предлагалось восстановить, где еще не восстановлено, утреннюю и вечернюю молитвы, возможно чаще посещать окопы, казармы, вести беседы с офицерами и солдатами, совершать богослужения – всенощные, литургии, молебны, акафисты. В беседах рекомендовалось выяснять «ложь большевизма» и других подобных учений и их гибельность для России, раскрывать опасность упадка духа воинов, для чего самим быть примером мужества, стойкости и воинской дисциплины. При этом священник отмечал, что все эти качества военное духовенство Сибирской армии уже успело проявить на деле, а «некоторые полковые священники запечатлели

свой пастырский долг своею кровью (священники 4-го Енисейского и 6-го Мариинского полков ранены в бою)»[1].

Большое внимание на совещании было уделено организации приходской деятельности. Приход мыслился как основная государственно-церковная административная единица, вокруг которой должна была строиться жизнь в обновлённой России. Каноническую основу для организации церковно-приходской жизни заложил Всероссийский поместный собор, устав которого о приходе как вполне приемлемый немедленно вводился в практику[2]. В то же время местный преосвященный под свою ответственность мог вносить изменения и дополнения в Устав в соответствии с необходимостью. Положение о приходе, разработанное и принятое на Томском совещании, предлагало епархиальным советам безотлагательно организовать Приходские советы, объединив их в особом общеепархиальном Союзе приходов[3].

Союзам приходов каждой епархии отводилась особая роль в церковном и общественном строительстве. Положение рекомендовало им быть в тесном общении между собой, обмениваться постановлениями на общих собраниях, изданиями, воззваниями, при выборах в общесибирские и Всероссийские учреждения держаться одной программы и избирательного списка. В то же время союзы приходов в общественной деятельности должны были держаться строгой внепартийности[4].

Было принято решение немедленно обратиться к Всероссийскому правительству (Директории) с предложением о принятии приходского устава в качестве гражданского закона.

Несомненно, под влиянием епископа Уфимского Андрея (Ухтомского), который являлся председателем комиссии по церковно-приходскому вопросу, был проведен пункт о развитии приходских обществ потребителей

[1] Русская армия. – 1918. – 18 декабря.
[2] Томские епархиальные ведомости. – 1919. – № 2. – С. 3.
[3] Там же.
[4] Там же.

(кооперативов), на средства которых должны были содержаться духовенство, приходские школы, приюты, богадельни и прочее. Управляя Уфимской епархией, епископ Андрей в 1917 г. ввел «Устав православных приходов Уфимской епархии», который позднее лег в основу определения Поместного собора «О православном приходе». Устав утверждал выборность клира и подотчетность его церковно-приходскому совету. Перевод священника и его удаление с прихода определялись исключительно церковным судом[1]. Секретарь уфимской консистории Брянцев подробно доложил на комиссии о деятельности приходских советов в Уфимской епархии, последовательно проводящих решения Всероссийского собора, в том числе и касающиеся развития приходской хозяйственной и общественной деятельности, чем вначале вызвал недоверие слушателей. Впоследствии же деятельность уфимских приходов Сибирское совещание приняло почти как пример для подражания в Сибири[2]. Приходским советам на местах вменялось в обязанность иметь попечение об устройстве увеселений и зрелищ в своих приходах, «чтобы не происходило для верующих соблазнов»[3].

Немаловажным представляется предложение совещания оставить за духовенством обязанность нести труд по метрикации населения, с сохранением соответствующего вознаграждения. На основании определения Всероссийского поместного собора о правовом положении Российской церкви вводилась норма о невозможности отчуждения церковного имущества в виде конфискации или отобрания за долги. Таким же образом это имущество не подлежало обложению государственными налогами, волостными и земскими сборами, если оно не приносило дохода путем сдачи в аренду[4].

---

[1] Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Деяние 214. Обзор Деяний, Четвертая сессия. – М., 2000. – С. 214–219.

[2] Сибирская жизнь. – 1919. – 16 января.

[3] Томские епархиальные ведомости. – 1919. – № 2. – С. 4.

[4] Там же.

Томское соборное совещание в интересах малоимущих граждан крестьянского и духовного сословия рекомендовало настоятелям и духовенству участвовать в заключении коллективно-индивидуальных договоров страхования совместно с управлением государственными сберегательными кассами. Вместе с тем рекомендовалось возобновить работу приходских сберегательных касс по Уставу 1916 г.[1]

Томским соборным совещанием было уделено серьезное внимание вопросу реформы бракоразводного законодательства. Область брачного законодательства в России вплоть до установления советской власти для православных относилась к компетенции Русской православной церкви и её иерархических структур.

Поместный собор Российской православной церкви 1917–1918 гг. принял «Определение о поводах к расторжению брачного союза, освященного Церковью». Законными поводами для ходатайства одного из супругов о расторжении церковного брака Собор признал отпадение от православия, прелюбодеяние и противоестественные пороки, неспособность к брачному сожительству, заболевание венерическими болезнями, безвестное отсутствие, посягательство на жизнь или здоровье супруги или детей, неизлечимую тяжелую душевную болезнь и оставление одного супруга другим[2].

Томское соборное совещание подтвердило принятые ранее канонические нормы, выступив при этом для сибирских епархий в некотором роде новатором. Газета «Сибирская жизнь» отмечала по поводу публикации решений совещания, что по вопросу о безвестном отсутствии супруга введены существенные изменения – сокращение срока с пяти (десяти) до трёх (в некоторых случаях – до двух) лет. Однако самые существенные изменения были введены в процедуру бракоразводных дел. С этого времени весь процесс по-

[1] Томские епархиальные ведомости. – 1919. – № 2. – С. 4.

[2] Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Деяние 214. Обзор Деяний, Четвертая сессия. – М., 2000. – С. 215.

ручалось вести не епархиальной власти – за ней осталось лишь вынесение окончательного определения, а местному священнику и двум членам церковно-приходского совета, которые производили наставление супругам. В случае непримирения предписывалось рассмотреть бракоразводное дело, допросить свидетелей и протокол со своим заключением представить на суд правящего архиерея[1]. Основными причинами, побудившими Собор принять подобное решение, наряду с общей тенденцией к усилению роли прихода в общественной жизни и поднятия его статуса как административной единицы, можно считать следующие: увеличение общего числа разводов и большая загруженность епархиальной власти; большую осведомленность на месте в истинном положении дел; выработку судебного механизма, способствующего принятию быстрого и справедливого решения по бракоразводному делу. Известно, что в синодальный период именно процессы по бракоразводным делам отличались неповоротливостью и вызывали массу нареканий.

На совещании было уделено внимание вопросу реформирования духовных учебных заведений. Епископ Екатеринбургский и Ирбитский Григорий (Яцковский) сообщал об опыте своей епархии: «И советская власть, и сменившее ее Уральское правительство отказало в кредите на духовно-учебные заведения именно как духовно-учебные, не отказываясь дать ассигнования на эти школы, если они будут реформированы в смысле принятия общеминистерских программ, причем Уральское правительство и Камышловское земство согласились оставить преобразованные духовные школы в административном и хозяйственном отношении в ведении церкви. Положение было безвыходным: приходилось или закрывать совсем духовно-учебные заведения, так как епархия не в силах была все их содержать на свои средства, или согласиться на предложенную реформу»[2]. В этих условиях

[1] Сибирская жизнь. – 1919. – 17 января.

[2] *Фигуровский И.* Вопрос о судьбе духовных учебных заведений на Томском Церковном Совещании (Открытое письмо Благочинническим Собраниям Енисейской епархии) // Енисейские Епархиальные Ведомости. – 1919. – № 3. – С. 1–2.

Екатеринбургское епархиальное собрание вынесло решение обратить Екатеринбургское и Камышловское духовные училища и общеобразовательные классы семинарии в гуманитарные христианские гимназии, а богословские классы выделить в особое учебное заведение — богословский институт, приняв его на содержание епархии. Основанием для такого решения было Определение Поместного собора, который, по заявлению участников второй сессии, оставил окончательное решение о типе духовных школ до осени 1918 г., поручив на местах обсудить этот вопрос на епархиальных собраниях и частично разрешить его в зависимости от местных условий.

По словам протоиерея И. Фигуровского, предполагалось, что богословский институт будет давать солидное образование и окончившие его сразу должны поступать на третий курс Духовной академии. Однако, как отмечалось на Томском совещании, для подготовки пастырей требовалась и более доступная школа, куда могли бы поступать лица без законченного среднего образования. «Такие школы, – говорилось на совещании, – могли бы сообща организовать несколько соседних епархий»[1].

Признавая реформирование учебных заведений необходимым, Совещание посчитало нужным создать межведомственную комиссию из представителей церковного ведомства – членов Всероссийского церковного собора и представителей Министерства народного просвещения, с тем чтобы её работы были завершены к концу 1918–1919 учебного года. Вместе с тем, Соборное совещание поручило ВВЦУ обратиться с ходатайством к Временному правительству о восстановлении казённых кредитов на содержание администрации и преподавателей мужских духовных и женских епархиальных учебных заведений[2].

---

[1] *Фигуровский И.* Вопрос о судьбе духовных учебных заведений на Томском Церковном Совещании (Открытое письмо Благочинническим Собраниям Енисейской епархии) // Енисейские Епархиальные Ведомости. – 1919. – № 3. – С. 5.

[2] Томские епархиальные ведомости. – 1919. – № 4. – С. 19.

По вопросу преподавания Закона Божьего в школах Томское соборное совещание заняло консервативную позицию, соответствовавшую дореволюционному законодательству и отменявшую постановления не только большевиков, но и Временного правительства. В первую очередь представлялось на утверждение Всероссийского правительства (Директории) определение Поместного собора РПЦ от 28 сентября 1917 г. об обязательности изучения Закона Божьего в школах с ходатайством о том, чтобы указанное определение возымело силу закона.

Однако в первую очередь для связи с государственной властью и для решения неотложных вопросов церковной жизни в епархиях, оказавшихся под властью «белых» армий, было создано на Томском совещании Высшее временное церковное управление. На заседании 19 ноября 1918 г. были приняты общим собранием Соборного совещания, а 24 ноября утверждены епископским Советом «Положения о Временном высшем церковном управлении Сибири»[1]. Пребыванием ВВЦУ определялся тот город, в котором находилась резиденция правительства, соответственно, председателем ВВЦУ по должности объявлялся епархиальный епископ того города, где пребывало возглавляемое им Церковное управление[2]. Данное решение вполне соответствовало исторически сложившейся церковной практике возвышения столичной кафедры.

В процессе формирования ВВЦУ делегатами старательно соблюдался принцип соборности: в его состав вошли, кроме председателя, два епископа, два пресвитера и два мирянина из членов Всероссийского собора. Для постоянного пребывания в церковном управлении определялись два епископа, один пресвитер и один мирянин. Другие члены Управления приезжали для

[1] Сибирский благовестник. – 1919. – № 1. – С. 1.
[2] Томские епархиальные ведомости. – 1919. – № 4. – С. 19.

участия в рассмотрении вопросов по мере надобности, по вызову председателя[1].

Согласно принятым положениям, председателем ВВЦУ был определен Сильвестр, архиепископ Омский, членами постоянного присутствия избраны: Вениамин, архиепископ Симбирский, протоиерей В.И. Садовский и профессор Л.И. Писарев. Членами присутствия по вызову – Андрей, епископ Уфимский, протоиерей И.И. Галахов и профессор П.А. Прокошев. Также было разработано и положение о штатах канцелярии ВВЦУ. Полномочия Временного церковного управления распространялись до момента восстановления сношений со Святейшим патриархом, которому предстояло дать отчет о его деятельности[2].

Совещанием поручалось вновь созданному Временному высшему церковному управлению обратиться к правительству с представлением о возвращении движимого и недвижимого имущества бывших церковно-приходских школ их владельцам – православным приходам, церквям, монастырям, братствам, попечительствам и другим церковным организациям – согласно определению Поместного собора от 28 сентября 1917 г.

Понимая большое значение печатного слова в целях информационного обеспечения деятельности образуемого ВВЦУ Сибири, Соборное совещание приняло решение учредить при Управлении печатный орган под названием «Сибирский благовестник» под редакцией профессора Л.И. Писарева. В структуре данного издания предусматривалась официальная часть, содержащая соответствующие сведения, и неофициальная, обсуждающая текущие вопросы церковно-общественной жизни. В этот же орган должны были препровождаться из епархий корреспонденции, недоумения, запросы, пожелания, справки, объявления и т.п.[3] Таким образом, «Сибирский благовестник» мыс-

---

[1] Томские епархиальные ведомости. – 1919. – № 1. – С. 6.
[2] Там же.
[3] Там же.

лился как межъепархиальный орган, отражающий всю полноту церковной жизни и выражающий позицию духовной власти по целому спектру вопросов, которые возникали в процессе деятельности ВВЦУ. Издание предполагалось еженедельным, а расходы на его выпуск в обязательном порядке распределялись между епархиями, «освобождёнными от большевизма»[1]. Для издания «Сибирского благовестника», а также другой печатной продукции – молитвословий, грамот, венчиков, бланков, богословской литературы – ВВЦУ организовывало за общецерковный счет центральную типографию, в которой, в случае крайней нужды, предполагалось печатание даже святых антиминсов[2].

Соборное совещание выразило пожелание, чтобы Высшее временное церковное управление позаботилось об издании и распространении книг Священного Писания и богослужебных, а также войти в сношение с Японской и Китайской церковью по вопросу об обеспечении сибирских и приуральских епархий книгами Священного Писания на русском языке[3]. Поскольку в первое время центральная типография была бы не в состоянии удовлетворить все нужды в печатном слове, исполнение некоторых заказов предполагалось передать другим имеющимся в епархиях типографиям, например Иоанно-Дмитриевского братства в Тобольске, братства Св. Димитрия в Томске, Никольско-Уссурийского монастыря, а также типографиям при разных учреждениях, например при Академии генерального штаба[4].

Совещание признало необходимым издание Сибирского патерика, начало которому было положено архиепископом Сильвестром. Все присутствующие архипастыри обязались сделать распоряжение о высылке в адрес ВВЦУ Сибири образцов церковной печати издававшихся в то время в епархиях.

---

[1] Томские епархиальные ведомости. – 1919. – № 3. – С. 1.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же.

В сложное время гражданского противостояния совещание уделило пристальное внимание развитию церковной проповеди, в связи с чем поручило ВВЦУ незамедлительно сделать по епархиям распоряжение о том, чтобы выработанные на Поместном соборе мероприятия о проповедничестве, выраженные в соборном постановлении от 1 декабря 1917 г., проводились в жизнь приходскими священниками. Также поручалось ВВЦУ сделать распоряжение по духовным семинариям о том, чтобы было увеличено количество уроков по гомилетике.

Также совещанием поручалось ВВЦУ просить Министерство народного просвещения об отмене циркулярного распоряжения Министерства от 6 апреля 1917 г. № 2962, которым экзамен по богословию в университете был отнесен к числу факультативных, и о признании изучения богословия обязательным для лиц православного исповедания. Предполагалось признать необходимым, чтобы преподавание Закона Божьего в начальных школах, а равно и других учебных заведениях, поручалось местным священникам и вообще лицам, имеющим священный сан с ведома и согласия епархиального архиерея[1].

По вопросу о беженцах духовного звания Томский собор постановил поручить вновь образованному ВВЦУ сделать по епархиям несколько распоряжений. Беженцы поволжских городов и селений из духовной среды должны были по возвращении в свои места сохранить за собой права на таковые с получением содержания за время своего отсутствия. Также образовывались при местных епархиальных советах особые комитеты по оказанию трудовой и материальной помощи беженцам духовного ведомства. Ходатайствовалось о распространении на беженцев – преподавателей духовно-учебных заведений, всех служащих по епархиальному ведомству и законоучителей светских

[1] Томские епархиальные ведомости. – 1919. – № 4. – С. 25–26.

учебных заведений – правительственного закона от 29 октября 1918 г. «О пособиях»[1].

По вопросу о порядке назначения на должности в духовно-учебные заведения было решено, что кандидаты на места должны избираться педагогическим советом этого учебного заведения. Местный епархиальный архиерей, временно допуская избранных к исправлению должности, своим заключением должен был представлять их на утверждение ВВЦУ. Таким же образом производилось епархиальным архиереем и увольнение указанных лиц по прошениям, с предоставлением на утверждение ВВЦУ. В случае отсутствия связи с ВВЦУ начальствующие и преподаватели духовных учебных заведений назначались и увольнялись епархиальным архиереем. Последний о своих распоряжениях должен был довести до сведения центральной церковной власти[2].

Соборное совещание рассматривало вопрос и об открытии в Сибири православной духовной академии. До Февральской революции РПЦ располагала четырьмя учреждениями высшего духовного образования – академиями в Москве (Сергиев Посад), Санкт-Петербурге, Киеве, Казани. Прием в академию осуществлялся по результатам вступительных экзаменов по территориальному принципу – из восточных епархий выпускники семинарий поступали в Казань, из северных – в Санкт-Петербург и т.д. В Сибири никогда не существовало духовной академии, однако до революции разрабатывался проект учреждения Сибирской духовной академии в Томске[3]. Совещание признало необходимость скорейшего открытия Сибирской духовной академии. Оно поручало ВВЦУ уделить внимание осуществлению этого вопроса в таком размере, в каком это окажется возможным в зависимости от духовных и материальных средств, запросив о последних правитель-

---

[1] Томские епархиальные ведомости. – 1919. – № 4. – С. 28–29.
[2] Там же.
[3] Сибирская Духовная Академия. – Томск, 1914.

ство, причем ВВЦУ было поручено образовать комитет для сбора средств на устройство академии[1].

Таковы итоги Соборного совещания в Томске в ноябре 1918 г. Примечательно, что Высшему церковному управлению, согласно принятому обращению к чадам православной церкви от 29 ноября, присваивались полномочия только в неотложных делах и временно, пока не откроется возможность общения со святейшим Патриархом Московским и всея России. После прекращения своих полномочий ВВЦУ должно было дать отчёт святейшему Патриарху[2].

Таким образом, создание ВВЦУ на Томском соборном совещании в ноябре 1918 г. было обусловлено в первую очередь сложившейся ситуацией в стране, наличием разделяющей восточную и западную части страны линии фронта. В то же время развитие церковного правосознания, вызванное решениями Поместного собора РПЦ 1917–1918 гг., явилось предпосылкой для самоорганизации иерархов в интересах полноценного развития церковной жизни. Фактически Томское соборное совещание явилось правопреемником Поместного собора РПЦ, проводником его постановлений в церковную жизнь. Соборное совещание развило многие вопросы, поднятые на поместном соборе РПЦ 1917–1918 гг., образовало Временное высшее церковное управление Сибири, тем самым заложив основу для существования церковной структуры в условиях Гражданской войны. Изменения в церковном законодательстве, принятые на совещании в Томске, следует признать закономерным результатом осмысления сложившейся ситуации и стремлением к тому, чтобы обеспечить стабильное функционирование церкви в сложившихся условиях. Решения Томского совещания стали необходимым основанием, программой деятельности ВВЦУ Сибири.

---

[1] Томские епархиальные ведомости. – 1919. – № 4. – С. 20.
[2] Там же. – С. 13.

II. Временное высшее церковное управление Сибири и правительство адмирала А.В. Колчака

2.1. Взаимодействие Главного управления по делам вероисповеданий с ВВЦУ Сибири и церковными иерархами

После окончания Томского соборного совещания, на котором был решен вопрос о создании ВВЦУ Сибири, постановлением Совета министров от 27 декабря 1918 г. было составлено положение о Главном управлении по делам вероисповеданий. Создание этого управления мы можем расценить как закономерную реакцию светской власти на появление централизованного церковного органа, с которым необходимо было установить рабочее взаимодействие. Согласно положению, Главное управление становилось высшим органом, через который осуществлялись мероприятия правительства в области отношений с существующими вероисповеданиями и в первую очередь с православной церковью[1].

Управление составляли главноуправляющий, его товарищ, канцелярия, департаменты по делам православной церкви, а также инославных и иноверных вероисповеданий. В свою очередь, Департамент по делам православной церкви состоял из отделений общих дел, учебного и хозяйственного, а Департамент инославных и иноверных вероисповеданий – из отделений по делам христианских и нехристианских исповеданий. Главноуправляющий участвовал в работе Совета министров, однако решающий голос имел лишь по делам своего ведомства. По своим функциональным обязанностям главноуправляющий получал статус министра, согласно Своду законов Российской империи, а само Управление, соответственно – статус министерства[2].

И главноуправляющий, и его товарищ назначались из лиц православного вероисповедания. Они обязательно присутствовали на заседаниях Церков-

---

[1] ГАРФ. – Ф. 140. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 1.
[2] Там же.

ного собора и Временного высшего церковного управления, где должны были давать необходимые разъяснения и имели совещательный голос.

Ведению Департамента по делам православной церкви был определен следующий круг вопросов:

– разработка и проведение в жизнь государственного законодательства о православной церкви;

– посредничество в связях правительства с центральными и местными органами церковного управления, суда, школы и хозяйства;

– выполнение роли контролирующего органа над деятельностью православных церковных учреждений и должностных лиц в пределах допускаемых автономией православной церкви;

– посредничество в связях правительства с автокефальными церквами православного Востока и разными церковными учреждениями, находящимися за границей;

– разработка и проведение в жизнь мероприятий в области финансовых отношений государства к церкви и её учреждениям;

– дела по открытию новых и материальному обеспечению существующих учреждений православной церкви, сопряженные с расходами из Государственного казначейства или иной помощью правительственной власти в этом деле;

– дела по наделению учреждений православной церкви правами юридического лица;

– дела по назначению пенсий и единовременных пособий должностным лицам разных церковных учреждений и их семействам;

– вопросы брачного права и метрикации;

– вопросы о правовом и экономическом положении православного духовенства в пределах России и за границей (Департаменту инославных и

иноверных вероисповеданий передавались дела, составляющие до того времени предмет ведения Министерства внутренних дел по Департаменту духовных дел иностранных исповеданий)[1].

В этот же день указом Верховного правителя главноуправляющим по делам вероисповеданий с оставлением в должности профессора Томского университета был назначен доктор церковного права Павел Александрович Прокошев. Его товарищем 7 февраля 1919 г. был определен ординарный профессор Казанской духовной академии, доктор церковной истории Леонид Иванович Писарев с оставлением в должности профессора, без сохранения содержания, а директором канцелярии главноуправляющего – преподаватель Томской духовной семинарии, юрист, кандидат богословия Александр Петрович Успенский.

Главной проблемой взаимоотношения православной церкви в лице ВВЦУ Сибири и колчаковского правительства в лице Главного управления по делам вероисповеданий было разграничение полномочий, определение зон ответственности сторон, поскольку прежняя форма взаимодействия Святейшего синода и обер-прокурора была признана отжившей и неприемлемой. Позиция председателя ВВЦУ архиепископа Сильвестра по вопросу взаимоотношений церкви и государства нашла яркое отражение в его совместном с профессором П.А. Прокошевым интервью по вопросу о необходимости учреждения специального ведомства по делам вероисповедания. В частности, архиепископ Сильвестр отметил, что в данном вопросе он руководствуется решениями Поместного собора 1917–1918 гг. По его мнению, необходимо было установить такую форму взаимоотношений между правительственной властью и церковью, которая соответствовала бы достоинству как одной, так и другой стороны. При этом совершенно невозможно было повторение дореволюционной формы обер-прокуратуры Св. синода. Архиепископ Сильвестр

[1] ГАРФ. – Ф. 140. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 2.

считал, что государственное учреждение, ведающее церковными делами, не должно мыслиться как обладающее исключительными полномочиями в отношении внутренней жизни церкви.[1]

Впоследствии во втором мартовском номере «Сибирского Благовестника» вышла программная статья профессора Прокошева «Основные начала, определяющие взаимные отношения между церковью и государством в России», в которой главноуправляющий по делам вероисповеданий обосновывал позицию правительства по взаимодействию с доминирующей вероисповедной конфессией страны. В статье отмечалось, что правительство не только не хотело порывать связи между русским государством и православной церковью, но и отчетливо осознавало, что содействие православной церкви в деле возрождения России и государственного строительства особенно необходимо и не противоречит принципам правового государства. По мнению П.А. Прокошева, православная церковь имела исторически обоснованное притязание на религиозную работу в народе, церковь могла гораздо лучше, чем государство, осуществить наполнение народной жизни христианскими принципами[2].

Таким образом, полагал Прокошев, государство, не нарушая правового принципа о свободе совести и независимости гражданских и политических прав от вероисповедания, должно было прислушаться к голосу Всероссийского поместного собора о признании православной веры первой между равными. Профессор П.А. Прокошев как знаток светского и церковного права считал, что привилегированное положение православной церкви не только не противоречит теории правового государства, но и прямо оправдывается ей. По его мнению, если на территории государства действует несколько конфессий, то отношение властей к ним должно быть равным, однако это равенство (паритет) должно было быть понимаемо не в смысле «каж-

[1] Правительственный вестник. – 1919. – № 40.
[2] Сибирский благовестник. – 1919. – № 2.

дому поровну», а в смысле справедливого «каждому свое». Ту церковь, к которой принадлежит большая часть населения, государство должно ценить выше и ставить её в более привилегированное положение по сравнению с прочими. Поскольку ВВЦУ было создано для решения неотложных дел и вопросов и главным образом для установления взаимодействия с правительством, то, заключал Прокошев, и в самом правительстве необходимо иметь специальный орган в виде министерства исповеданий[1].

Министерство исповеданий являлось органом, через который светская власть осуществляла наблюдение за деятельностью церковной власти: за тем, чтобы её определения не противоречили государственным законам. По делам смешанной компетенции, а также по делам, составляющим компетенцию светской власти, министерство являлось посредником между государством и церковью. Решения церковных органов по делам, требовавшим материального попечения государства (например, о приходе, о правовом и экономическом положении духовенства и т.д.), должны были быть представляемы «на уважение» соответствующих государственных учреждений через министерство. В министерстве производилась и разработка государственных законопроектов, касающихся церкви (например, по наделению церковных учреждений правами юридического лица, по охране церковного имущества). По всем этим вопросам признавался необходимым предварительный диалог с высшей церковной властью. Министр исповеданий и его товарищ должны были присутствовать на заседаниях ВВЦУ с правом совещательного голоса.

Таким образом, учреждение Главного управления по делам вероисповеданий мыслилось правительством как орган по взаимодействию прежде всего с православной церковью и избранным на Томском соборном совещании Временным высшим церковным управлением. Руководящий состав Главного управления был подобран из мирян православного вероисповеда-

[1] Сибирский благовестник. – 1919. – № 2. – С. 6.

ния, профессионалов, из числа преподавателей и профессоров светских и духовных учебных заведений. Круг вопросов, входящих в его компетенцию, очерчивался достаточно широко, однако не простирался на область административного управления. Власть, вполне разделяя принцип внутренней церковной автономии, считала себя вправе просить у церкви поддержки в борьбе с большевизмом, которая должна была выражаться как в проповеди в тылу, так и в служении православных капелланов. Модель отношений церкви и светского государства, созданная в Сибири в 1918–1919 гг., не нарушала ни церковной автономии во внутренних делах, ни принципа светскости государства.

Рассматривая деятельность ВВЦУ Сибири как создание канонического прецедента, необходимо прояснить вопрос о благословении патриархом Тихоном «белого» движения. По этому поводу существуют противоречивые точки зрения. С одной стороны, ни одного официального документа, позволяющего однозначно ответить на поставленный вопрос, не существует. С другой – православная церковь на свободных от большевиков территориях всегда неизменно поддерживала «белое» движение. Однако, если бы существовало прямое благословение патриарха, то он, скорее всего, рисковал бы своей свободой и даже жизнью. И всё же широко распространялось мнение, что свое благословение «белой» армии патриарх Тихон передал через епископа (впоследствии – митрополита) Нестора Камчатского, который осенью 1919 г. прибыл в Омск. 15 сентября 1919 г. в омской газете «Сибирская речь» появляется информация о том, что «епископ Нестор заявил, что по отъезду из Москвы патриарх Тихон поручил ему передать в Сибири и на Дальнем Востоке всем верным сынам церкви его патриаршее благословение и просил всех объединиться для избавления от большевиков России и Москвы и её святынь»[1]. Устное же патриаршее послание, со слов епископа Нестора, было та-

[1] Сибирская речь. – 1919. – 15 сентября.

ково: «Скажите народу, что если они не объединятся и не возьмут Москву опять с оружием в руках, то мы погибнем, и Святая Русь погибнет с нами»[1]. Сообщение это было широко известно, в том числе и в советской России. Но что удивительно – патриарх Тихон не опроверг данную информацию.

На допросе патриарха в ВЧК 23 декабря 1919 г. первым был вопрос о епископе Несторе. Допрашивал его известный чекист М.И. Лацис. Позади Тихона сидел человек, приехавший с Казанского фронта. Вероятно, он и привез известия о сообщениях омской печати. «Решительно заявляю, что никакого благословения Колчаку с епископом Нестором я не посылал, да и послать не мог, т.к. епископ Нестор скрылся с нашего горизонта еще в начале сентября 1918 г. до окончания работы Поместного Собора, и я, по крайней мере, с тех пор, его и не видел, а Колчак появился на политическом горизонте позднее, и, следовательно, я никак не мог поручить епископу Нестору благословить дело Колчака, которое тогда ещё совсем не имело места. Это явная неправда, и я её с решительностью отвергаю», – сказал Патриарх[2]. Следствие поставило перед патриархом вопрос: если он не благословлял Колчака, то почему, прочтя известие в газетах на эту тему, он не сделал официального опровержения. Патриарх отвечал: «Никогда такого опровержения моего в газетах не напечатали бы, а если бы и напечатали, то опять, как и бывало прежде, с новыми нападками на меня и вообще на высшую церковную власть»[3]. Допрашивающий спросил, почему же тогда не было выпущено особого послания на эту тему. Ответ патриарха пресекает дальнейшие вопросы: «Делать это не считал нужным, после того как мною выпущено последнее послание, в

---

[1] Сибирская речь. – 1919. – 15 сентября.

[2] *Ефремова О., Кривошеева Н.* Новые архивные документы о преследовании властями Святителя Тихона в 1918–1923 гг. // Богословский сборник. – М., 2000. – Вып. 6. – С. 166.

[3] Там же.

коем духовенству предлагается не вступать в политическую борьбу»[1]. Речь шла в данном случае о знаменитом послании от 8 октября 1919 г., в котором Тихон говорил о том, что церковь не связывает себя ни с какой определенной формой правления, которое имеет лишь относительное историческое значение. В протоколе допроса патриарха от 25 января 1923 г. написано: «Ввиду моих настроений в то время я лишь оказывал Деникину и Колчаку моральную поддержку, не доходившую, однако, до дачи им благословения»[2].

А.Н. Кашеваров небезосновательно считает, что патриарх Тихон не благословил вождей «белого» движения, поскольку не допускал, чтобы церковь оказывала предпочтение какой-либо из враждующих сторон, принадлежащих к православию по рождению. Также, по его мнению, «высшая церковная власть, находившаяся в Москве, не имела в условиях разделенности страны фронтами Гражданской войны полной и достоверной информации о церковной деятельности и акциях политического характера временных церковных управлений «белого» духовенства, которые неоднократно заявляли, что отчет о своей работе представят патриарху после восстановления нормального с ним общения»[3].

Принципиально соглашаясь с позицией А.Н. Кашеварова, можно уточнить, что в то же время патриарх Тихон и не осудил деятельность временных церковных управлений, поддерживающих «белое» движение, и косвенно признал все их решения дисциплинарного и управленческого характера, не оспаривая даже архиерейских хиротоний.

Тем не менее, несмотря на отсутствие однозначного благословения патриарха, сибирское Временное церковное управление с сочувствием отнеслось к присвоению А.В. Колчаку звания Верховного правителя России. 25

---

[1] Акты святейшего патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг. / сост. М. Губонин. – М., 1994. – С. 163–164.

[2] Следственное дело Патриарха Тихона. – М., 2000. – С. 198.

[3] *Кашеваров А.Н.* Православная Российская церковь и Советское государство (1917–1922). – М., 2005. – С. 325.

декабря 1918 г. ВВЦУ рассмотрело доклад Омского епархиального совета от 17 декабря с просьбой дать указания о том, как поминать на богослужениях государство Российское и его правительство, и постановило: «На ектениях и на Великом входе поминать «Богохранимую Державу Российскую, Благоверное правительство и Христолюбивое воинство ея», причем порядок поминовения церковной и гражданской власти установить следующий – на ектениях и Великом входе поминать сначала Святейшего патриарха и церковную власть, на многолетиях же вперед поминать гражданскую власть, а затем – церковную. Настоящую формулу указано сообщить всем епархиям»[1].

По-видимому, А.В. Колчак рассчитывал, что православная церковь поможет ему укрепить идеологическую ситуацию в Сибири. Он говорил: «Ослабла духовная сила солдат. Политические лозунги, идеи Учредительного собрания и неделимой России больше не действуют. Гораздо понятнее борьба за веру, а это может сделать только религия»[2]. В своей речи перед присягой нового правительства адмирал еще раз засвидетельствовал «закрепление религиозно-нравственной основы… государственного строительства»[3].

Что касается отношения архиепископа Сильвестра к адмиралу и к власти, им представляемой, то, как мы знаем, сам архиерей участвовал в приведении к присяге Верховного правителя России и членов его правительства при открытии Временных присутствий правительствующего сената 29 января 1919 г. По окончании торжеств архиепископ Сильвестр вручил Верховному правителю и в его лице правительству образ Христа, на обороте которого имелась надпись: *«В мире скорбни будете, но дерзайте, яко Аз победих мир* (Иоанна 16, 33). В благословенную память восстановления правительствующего сената, принесения присяги господином Верховным правителем адми-

---

[1] Сибирский благовестник. – 1919. – № 1. – С. 5–6.

[2] Цит. по: *Эйнгорн И.Д.* Союз несбывшихся надежд // Наука и религия. – 1987. – № 2. – С. 34.

[3] Цит. по: *Субботковский И.* Союзники, русские реакционеры и интервенция. Краткий обзор. – Л., 1926.

ралом А.В. Колчаком и членов правительства 16–29 января 1919 г. Омск». При этом владыка произнес речь о нравственной силе, укрепляющей связь между деятелями государства и представителями церкви[1]. 23 марта в 13.00 Главным священником армии и флота протоиереем А. Касаткиным были приведены к присяге на верность службе чины Главного штаба российской армии[2]. По благословению архиепископа Сильвестра Омское епархиальное братство ревнителей православия и христианского благочестия представило в начале 1919 г. Верховному правителю адрес.

В начале мая 1919 г., обращаясь к сотрудникам созданного Главного управления по делам вероисповеданий, профессор П.А. Прокошев охарактеризовал принципы взаимодействия церкви и государства в сложившихся исторических условиях. Он подчеркнул, что Главное управление по делам вероисповеданий как орган государственной власти по духу и настроению, по характеру работы не имеет ничего общего с прежней обер-прокуратурой Синода. Он заявил, что Всероссийский поместный собор в Москве утвердил полную независимость православной русской церкви в сфере внутренних церковных отношений. «Таким образом, – заключил свою речь П.А. Прокошев, – перед нами огромная творческая работа – работа совершенно новая, чрезвычайно трудная и ответственная, т.к. для неё нет примеров и аналогий, руководящих традиций и указаний в прошлой русской истории. Перед Главным управлением в данном отношении нетронутая целина, по которой необходимо провести новые борозды и потому нашему маленькому служебному аппарату предстоит развить необычайную энергию»[3].

И вновь созданная структура начала свою деятельность с изучения религиозной обстановки на местах, в связи с чем в приходы была разослана

---

[1] Правительственный вестник. – 1919. – № 57.
[2] РГВА. – Ф. 40253. – Д. 2. – Л. 94.
[3] Сибирская речь. – 1919. – 10 мая.

подробная анкета, освещающая состояние религиозных общин после господства советской власти.

В числе вопросов находились следующие:

1) Декреты советской власти против религии и её представителей, опубликованные и проводившиеся в данной местности;

2) Отношение большевиков к религиозному культу;

3) Отношение большевиков к имуществу религиозных обществ;

4) Отношение большевиков к духовным учебным заведениям;

5) Отношение большевиков к преподаванию Закона Божия и вероучения;

6) Отношение большевиков к священно-церковнослужителям;

7) Деятельность местного духовенства и приходов в защиту веры, церкви, её учреждений и имуществ;

8) Пропаганда атеизма и способы её осуществления центральной местной советской властью.

Наряду с православными приходами подобные анкеты, касающиеся отношения большевиков к религиозным группам, рассылались и в инославные, и даже в сектантские общины[1].

В связи с намечаемыми объёмами работы, Главное управление по делам вероисповеданий планировало значительно увеличить штат сотрудников и создать целый институт чиновников особых поручений на местах. Задачами этого института планировалось сделать информирование широких кругов населения и власти о работах вновь организованного правительственного органа, разъяснения практического характера от имени Главного управления, посредничество в связях между Главным управлением и местными религиоз-

[1] Сибирская речь. – 1919. – 22 мая.

ными учреждениями и должностными лицами, принятие неотложных мер административного характера[1].

Важным вопросом, который решало государство в отношении религиозных, в первую очередь православных, структур, было обеспечение устойчивого функционирования церковных институтов. Для этого требовалось как законодательное оформление их деятельности, так и определение форм материальной поддержки религиозных объединений. 3 марта 1919 г. Главноуправляющий по делам вероисповеданий представил в Совет министров «Представление на уважение Временному всероссийскому правительству», постановления Всероссийского поместного собора «О правовом положении православной церкви», «Положение о Приходе» и другие. По мнению П.А. Прокошева, скорейшее их признание настоятельно диктовалось потребностями жизни[2]. Интересно, что 21 марта 1919 г. Министерство финансов, видимо, полагая, что на его плечи ляжет проблема обеспечения создаваемых церковных структур, а также поддержка епархиальных и приходских организаций, просило Совет министров всесторонне рассмотреть законопроект на своем заседании и рассмотреть его на специально созданном межведомственном совещании[3]. Основываясь на этом представлении, Совет министров постановлением от 28 марта 1919 г. признал Высшее временное церковное управление высшим представительным органом православной церкви[4], что было в этот же день утверждено Верховным правителем[5]. Этим же постановлением Совет министров определил порядок взаимодействия с ВВЦУ при посредничестве Главного управления по делам вероисповеданий (согласно п. 2 ст. 10 Положения о Главном управлении по делам вероисповеданий и

[1] Сибирская речь. – 1919. – 22 мая.
[2] ГАРФ. – Ф. 140. – Оп. 1. – Д. 12. – Л. 12–13 об.
[3] Там же. – Л. 14.
[4] Там же. – Д. 14. – Л. 12.
[5] РГВА. – Ф. 40253. – Д. 2. – Л. 121.

постановления Совета министров от 27 декабря 1918 г.)[1]. В то же время представитель высшей церковной власти не лишался права непосредственного обращения к Верховному правителю в необходимых случаях.

Также определялась норма по расходам на содержание ВВЦУ в 32350 рублей с 1 декабря 1918 г. Эта норма была установлена Главным управлением по соглашению с Высшим церковным управлением. Указанные суммы выделялись и осваивались Временным высшим церковным управлением Сибири вплоть до ноября 1919 г., т.е. до того, как «белая» армия была вынуждена оставить Омск[2].

26 сентября 1919 г. Омское правительство утвердило решение Совещания о придании уставам церковных епархиальных и приходских структур статуса государственных законов[3]. Таким образом, взаимно направленными усилиями государственной и церковной власти была заложена необходимая нормативная база для выработки оптимальных решений в уникальных исторических условиях.

Помимо признания важной роли церкви в государственной и общественной жизни, правительство брало на себя заботу и о материальном содержании духовенства, причем не только православного, но и инославного. 14 августа 1919 г. главноуправляющий по делам вероисповеданий П.А. Прокошев представил в Совет министров проект постановления «Об отпуске из средств Государственного казначейства пособия на содержание православного и инославного духовенства», где обосновывал необходимость установить нормы на содержание лиц духовного звания. Главное управление по делам вероисповеданий назначило содержание духовенству и церковным структурам, вошедшим в юрисдикцию Временного высшего церковного управления. Так, например, содержание епархиальных архиереев Благове-

---

[1] Правительственный Вестник. – 1919. – № 46.
[2] ГАРФ. – Ф. 140. – Оп. 1. – Д. 13. – Л. 151.
[3] Русская армия. – 1919. – 3 октября.

щенской, Владивостокской, Екатеринбургской, Енисейской, Забайкальской, Иркутской, Оренбургской, Омской, Тобольской, Томской, Уфимской и Якутской епархий обходилось в 12600 рублей в год за вычетом 20 % квартирных расходов и 1 % пенсионного взноса. Кроме этого, выделялось на содержание архиерейских домов по 25000 рублей (20000 – на личный состав и 5000 – на хозяйственные нужды)[1].

Викарные епископы также пользовались поддержкой государства, но в меньшем размере – Златоустовский (Уфимская епархия), Семипалатинский (Омская), Кустанайский (Оренбургская), Соликамский (Пермская), Челябинский (Оренбургская), Бийский (Енисейская), Киренский (Иркутская), Березовский (Тобольская), Барнаульский (Томская), Петропавловский (Омская), Петропавловский (Благовещенская), Селенгинский (Забайкальская) обеспечивались 9300 рублями с соответствующими вычетами, однако без содержания архиерейских домов[2]. Всего на содержание высшего духовенства православной церкви Главное управление по делам вероисповеданий тратило 600400 рублей в год.

Что касается приходского духовенства, то всего получали ежегодное жалование священнослужители 4386 приходов тринадцати епархий, общая сумма составляла 11866300 рублей согласно утвержденной смете[3]. Необходимо признать эти средства достаточно внушительными. Трудно сказать, в какой мере они покрывали реальные расходы православного духовенства и церковных учреждений, особенно на фоне инфляции, однако не стоит забывать, что речь идет о государственной поддержке, которая отнюдь не является единственной статьей дохода, как причта, так и епархиальных структур. Приходы действовали и как самостоятельные хозяйствующие единицы, получая средства от прихожан, благотворителей и т.п. Отметим, что в

[1] ГАРФ. – Ф. 140. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 16.
[2] Там же. – Л. 16 об.
[3] Там же. – Л. 19.

сегодняшнее время, характеризуемое многими как благоприятное для развития церкви и её структур, никакого государственного жалования для духовенства и поддержки духовных учебных заведений не существует.

Государственной поддержкой пользовалось, кроме православного, и католическое духовенство девятнадцати приходов Иркутского, Томского, Омского, Пермского и Владивостокского деканатов. Ежегодная сумма на содержание составляла 58950 рублей[1]. Не осталась без внимания Главного управления по делам вероисповеданий и деятельность старообрядцев. «Сибирская речь» 11 июля 1919 г. сообщила о прошедшем старообрядческом съезде. Перед его открытием была получена за подписью П.А. Прокошева приветственная телеграмма. Съезд старообрядцев поблагодарил Министерство вероисповеданий за пожелание плодотворной работы и сообщил о том, что он разработал законопроект о старообрядчестве. Главное управление по делам вероисповеданий обещало обсудить законопроект о положении старообрядчества в государстве совместно с делегатами старообрядческого съезда.

Кроме плановых расходов на содержание религиозных организаций, Управление по делам вероисповеданий несло и внеплановые расходы, например, такие как выделение средств на ремонт сгоревшего архиерейского дома в Иркутске (1000000 рублей)[2].

30 октября 1919 г. своим постановлением о новых нормах пособия на содержание приходского духовенства Совет министров «проиндексировал» заработную плату лицам духовного звания. В соответствии с ним пособие для православного священника назначалось в 4500 рублей в год, псаломщика – 2400 рублей. Соответственно, изменялись и нормы для римско-католического и лютеранского духовенства. Декан наделялся 6000 рублями, настоятель – 4500, викарий – 3000. Евангелическо-лютеранский пастор стал

[1] ГАРФ. – Ф. 140. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 20.
[2] Там же. – Л. 1.

получать от государства 4500 рублей пособия в год. Примечательно, что начало действия пособия Совет министров относил к 1 июля 1919 г.[1]

Не остались без попечения Главного управления по делам вероисповеданий и так называемые разъездные причты. Эти церковные структуры создавались для окормления переселенческих сибирских поселков, возникших в начале XX в. и устраиваемых часто на значительном расстоянии друг от друга, в случае если не представлялось возможной организация на месте православного прихода. Эти причты назначались с походными храмами с содержанием и дотациями на разъезды из государственных средств.

По мнению Главноуправляющего по делам религий, представленному им в докладе в Совет министров 14 августа 1919 г., ясно, что содержание разъездного духовенство должно было составлять 4800 рублей, а псаломщика – 3000 рублей в год[2]. Согласно этому документу и финансирование на разъезды православного и инославного духовенства должно было быть значительно увеличено. Кроме того, исходя из соображений целесообразности и справедливости, П.А. Прокошев представлял необходимым порядок расходования разъездных денег изменить и поставить размер средств в зависимость от количества разъездов и их стоимости, выделяя деньги в подотчет. Главноуправляющий предлагал установить священнослужителю христианского вероисповедания от 1000 до 2000 рублей годового содержания, псаломщику православной церкви – от 750 до 1250 рублей. С применением этих норм общий расход существующих 30 разъездных причтов составил бы в год 234000 рублей, на разъезды – 75000 рублей, на разъезды римско-католического и лютеранского исповедания – 60000 рублей (итого – 369000 рублей в год).

---

[1] ГАРФ. – Ф. 140. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 9.

[2] Там же. – Л. 21.

Прошедшее в мае 1919 г. Межведомственное совещание при Главном управлении по делам вероисповеданий с участием представителей Министерства финансов и государственного контроля признало возможным увеличить нормы содержания разъездных причтов и разъездных денег до требуемых размеров и рекомендовало Главному управлению по делам вероисповеданий представить в Совет министров соответствующее представление, а сумму в 369000 внести в смету 1919 г. Межведомственное совещание при Главном управлении по делам вероисповеданий с участием представителей Государственного контроля, Пенсионного отделения Государственного казначейства 11 августа рассмотрело законодательное предложение Главного управления по делам вероисповеданий «о дополнении узаконений, действующих в отношении пенсионного обеспечения православных священно-церковнослужителей»[1].

Представление предлагало дополнить статью 15 устава о пенсиях и единовременных пособиях священнослужителям и псаломщикам епархиального ведомства от 3 июня 1902 г. примечанием следующего содержания: «Служба в должности члена Епархиального совета считается службой епархиальной и, как таковая, подлежит означенному в сей статье зачету»; статью 18 того же устава – следующим примечанием: «Лицам, состоявшим на должности члена Епархиального совета не менее 6 лет беспрерывно, оклад пенсии увеличивается на 1/5 часть основной пенсии в год, хотя бы при выходе за штат они и не состояли в этой должности; Начало действия постановления отнести к 1 июля 1919 г.»[2]. Заслушав предложенные дополнения, члены Совещания после обмена мнениями не выразили возражений против него по существу и одобрили его к внесению в Совет министров[3].

---

[1] ГАРФ. – Ф. 140. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 32 об.
[2] Там же. – Л. 32.
[3] Там же. – Л. 32 об.

Не оставалась без внимания Главного управления по делам вероисповеданий и проблема социальной адаптации беженцев духовного звания. Для решения данного вопроса оно направило в Совет министров представление «К вопросу об отпуске из средств казны 2-х миллионов рублей на оказание помощи беженцам духовного звания»[1]. Таких беженцев в пределах сибирских епархий находилось до 3000 семейств, в том числе до 500 семейств мусульманского духовенства. Как правило, эвакуированное духовенство стремилось устроиться на временное жительство в крупные города, рассчитывая найти здесь какие-либо, пусть даже случайные, заработки. Сельская местность для проживания была гораздо менее популярна, особенно это касалось районов, в которых действовали партизаны. Вполне понятно, что эта значительная масса людей испытывала нужду и, по сути, влачила жалкое существование. По мнению П.А. Прокошева, причина этого печального явления лежала в первую очередь в обособленном социальном положении духовных беженцев. В то время как беженцы – правительственные чиновники находились под покровительством закона, в силу которого они получали более или менее достаточное содержание, беженцы духовного звания «как неквалифицированные работники негосударственного положения» не пользовались этими преимуществами[2]. При этом остающиеся в распоряжении духовного ведомства жилые помещения, где большими партиями и были расквартированы беженцы, оказались мало приспособлены для проживания.

В связи с этим Главное управление по делам вероисповеданий обращало внимание Совета министров на крайне тяжелое положение беженцев духовного звания и предлагало оказать содействие в деле организации им помощи в рамках закона от 4 июля 1919 г. Также Главное управление надеялось, что ему удастся наиболее полно привлечь к этому делу местные епархиальные органы, используя их готовый административный и хозяйственный

[1] ГАРФ. – Ф. 140. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 44.
[2] Там же. – Л. 79.

аппарат. Представление заканчивалось просьбой отпустить в распоряжение Главноуправляющего 2000000 рублей для «приведения в действие предложенных начинаний»[1]. Но не только выделением единовременной, хотя и значительной суммы ограничивалось попечение о беженцах духовного звания. В октябре 1919 г. П.А. Прокошев в виду предполагаемой «разгрузки Омска», а также в целях поддержки материального положения беженцев направил в Совет министров представление и проект постановления, регламентирующего эвакуационные выплаты лицам духовного звания, вынужденным оставить места своего служения ввиду чрезвычайных обстоятельств[2] (См.: Приложение 4).

Оторванное от приходов и лишенное обычных источников дохода и имущества в большинстве многосемейное духовенство находилось в местах своего временного пребывания в исключительно тяжелых материальных условиях. Нельзя при этом сказать, что государство в лице своих структур, в частности Главного управления по делам вероисповеданий, оставалось безучастным к нуждам эвакуированного духовенства. Другое дело, что ввиду его многочисленности, а также ограниченности бюджетных средств оказать более значительную помощь не представлялось возможным.

Дальнейшее изложение вопроса профессором П.А. Прокошевым представляет собой весьма ценный материал, характеризующий финансовую политику Всероссийского правительства в отношении беженцев духовного звания. В более привилегированном положении, как он считал, оказывались представители православного духовенства, так как еще подпадали под действие закона от 20 августа 1914 г. «О вывозе за счет казны по военным обстоятельствам государственного имущества, правительственных учреждений, служащих и их семейств», гарантирующего выделение суточных пособий и выплат на выезд. Постановление Совета министров от 29 октября 1918 г. «О

[1] ГАРФ. – Ф. 140. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 79.
[2] Там же. – Л. 78.

порядке привлечения эвакуировавшихся из Европейской России служащих правительственных учреждений к исполнению служебных обязанностей и о вознаграждении названных служащих», согласно которому эвакуированные священно-церковнослужители получали пособия из средств Государственного казначейства, а также постановлений от 5 мая 1919 г. «Об окладе содержания эвакуированных служащих, состоящих в резерве» и «О вывозе за счет казны эвакуированных по военным обстоятельствам служащих правительственных учреждений», от 5 сентября 1919 г. «Об изменении приложения II к ст. 7 Временного положения от 20 августа 1914 г. о вывозе за счет казны по военным обстоятельствам государственного имущества, правительственных учреждений, служащих и их семейств» являлись дополнениями к этому закону и не предусматривали выплат инославным священнослужителям. Да и сами эти выплаты составляли весьма скромные суммы. Так, единовременные пособия для семейных священнослужителей выделялись в размере двухмесячного, одиноких – месячного государственного оклада. Семейные священнослужители получали единовременно от 150 до 250 рублей, церковнослужители – от 110 до 130 рублей, а одинокие церковнослужители, имеющие право на получение только суточных денег и эвакуационного пособия, – от 15 до 50 рублей[1].

В дополнение к этим скудным средствам Главное управление при взаимоотношении с Министерством внутренних дел выдавало эвакуированному духовенству ссуды в размерах, установленных постановлением Совета министров от 4 июля 1919 г., не свыше 500 рублей, и лишь в крайних случаях (многосемейности, болезни, преклонности возраста и снижения трудоспособности) выдавались безвозвратные единовременные пособия в суммах от 100 до 600 рублей. Указанные постановления не охватывали представителей высшей духовной власти – епархиальных и викарных епископов, а

[1] ГАРФ. – Ф. 140. – Оп. 1. – Д. 12. – Л. 78 об.

также духовных лиц инославных исповеданий, которые также нуждались в материальной поддержке. В связи с изложенным П.А. Прокошев предлагал распространить действие закона от 20 августа 1914 г. с последующими его изменениями и дополнениями на епархиальных и викарных епископов и духовных лиц всех христианских и иноверных исповеданий, что, по его мнению, предоставляло эвакуированному духовенству резервное содержание, а духовному начальству – право откомандировывать получающих такое содержание по соображениям общественно-государственной пользы[1].

Эта «общественно-государственная польза» понималась прежде всего как проповедническая работа в тылу, которая еще летом 1919 г. приобрела исключительное значение. Антиколчаковские настроения и даже партизанская борьба приобрели значительное распространение и требовали в первую очередь духовного противостояния. Главное управление по делам вероисповеданий и Высшее временное церковное управление остро осознавали недостаток опытных проповедников для укрепления неутвержденных слоев населения в началах «добра, законности и порядка»[2]. По мнению Главноуправляющего по делам вероисповеданий, необходимо было лучших представителей духовенства, наставников веры и нравственности, командировать в самые отдаленные селения, наиболее подверженные протестным влияниям, для распространения того здорового настроения, которое осенью 1919 г. вылилось в так называемое Крестоносное движение. Именно эту цель в первую очередь и преследовало предлагаемое постановление, дающее беженцам духовного звания альтернативную возможность реализовать себя в качестве священнослужителей и проповедников. Очевидно, что в данном случае Главное управление по делам вероисповеданий стремилось стать координирующим органом между государственными и епархиальными структурами в деле решения такого непростого социального вопроса, как работа с беженцами,

[1] ГАРФ. – Ф. 140. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 79 об.
[2] Там же. – Д. 12. – Л. 79.

облеченными духовным авторитетом. Кроме того, беженцы духовного звания становились реальной опорой антикоммунистического правительства, пополняя ряды, например, военного духовенства и составляя его большинство. Это был значительный пассионарный резерв общества, очевидно, до конца не использованный.

Таким образом, Временное высшее церковное управление осуществляло тесное взаимодействие с государственной властью Всероссийского «колчаковского» правительства. Хотя святейший патриарх Тихон открыто не благословил «белое» движение, тем не менее, оно пользовалось несомненной и всесторонней поддержкой ВВЦУ. Также можно расценивать как определенного вида легитимизацию приведение к присяге архиепископом Сильвестром А.В. Колчака и его правительства при открытии Временных присутствий правительствующего Сената 29 января 1919 г. (Главный священник армии и флота привел к присяге чины Главного штаба российской армии) и поминовение имени Верховного правителя на богослужении. Кроме того, православное военное духовенство занималось проповеднической работой в действующей армии, тыловые районы посещались талантливыми проповедниками (в первую очередь самим архиепископом Сильвестром). Позднее, осенью 1919 г., вновь созданное братство святителя Гермогена явилось инициатором организации Крестоносного движения. При этом необходимо отметить, что использование духовных лозунгов в вооруженной борьбе по вине государства, безусловно, запоздало и не дало ожидаемого мобилизационного и победоносного эффекта. Не случайно Г.К. Гинс характеризовал ВВЦУ как центр духовного бюрократизма – такого же, как и большинство министерств[1]. Другое дело, что он мог принять за бюрократизм консерватизм сибирских иерархов (для него примером архиерея служил еп. Андрей Ухтом-

[1] *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920: впечатления и мысли члена Омского правительства. – М., 2007. – С. 495.

ский), но доля правды в словах бывшего управляющего делами Совета министров, безусловно, есть.

В свою очередь, Главное управление по делам вероисповеданий, осуществляло последовательную поддержку деятельности церкви. Признание ВВЦУ Сибири высшим представительным органом православной церкви и принятие расходов по его содержанию, придание уставам церковных епархиальных и приходских структур статуса государственных законов, материальное содержание духовенства, в том числе и беженцев духовного звания, – все указанные меры говорят о глубоком осознании государством и церковью своей роли во взаимных отношениях в сложное время вооруженной борьбы и взаимном стремлении к строительству новой России, хотя и как светского государства, но осознающего определяющую роль церкви в жизни людей. Примечательно, что принцип светскости нисколько не мешал государству фактически содержать материально церковные и инославные организации, а самому пользоваться духовной поддержкой ВВЦУ Сибири. Взаимное стремление Колчаковского правительства и ВВЦУ Сибири было искренним и могло открыть неизвестные до тех пор горизонты труда на благо народов России. Однако военные поражения и падение власти адмирала А.В. Колчака не дали развиться этим отношениям в полной мере.

2.2. Организация работы военного духовенства и руководство его деятельностью. Проповеднические отряды

Как уже говорилось выше, Томское соборное совещание уделило большое внимание церковной проповеди в действующей армии и, в частности, состоянию военного духовенства. Церковные иерархи полагали, что в «белой» армии должны были быть сконцентрированы лучшие проповеднические кадры и организована максимально эффективная работа.

По окончании Томского сибирского соборного совещания Высшее временное церковное управление Сибири обратилось со своим первым посланием к «Воинству, подвизающемуся на всех фронтах». Это воззвание было составлено в патриотическом духе. В воззвании указывалось, что «большевики, под предлогом быстрого заключения мира с внешними врагами, разложили и обессилили некогда доблестную и непобедимую русскую армию <…> они, заключив Брестский мирный договор 1918 г., вовлекли русский народ в братоубийственную гражданскую войну»[1]. В заключительных словах авторы послания обращались к воинам с призывом встать на защиту «поруганной Родины» и изгнать из неё «насильников и предателей»[2]. Послание было напечатано двумя тиражами в 5000 и 60000 экземпляров и отправлено на фронт.

На своем первом заседании Временное высшее церковное управление рассмотрело проект приказа Верховного правителя адмирала А.В. Колчака об учреждении должности священников в отдельных войсковых частях и управлении ими через Главного священника армии и флота. Томское совещание наметило основные направления деятельности духовенства по просвещению фронта и тыла и выработало критерии назначения военного священника из

---

[1] Сибирский благовестник. – 1919. – № 1. – С. 15.
[2] Там же.

штата епархий, для чего требовалось не только согласие и благословение со стороны епархиального епископа, но и отзыв о нравственных качествах намеченного кандидата и степени соответствия его пастырскому служению в армии. По итогам Сибирского совещания протоиерей Алексий Русецкий выпустил пастырское обращение «Военному духовенству Сибирской армии».

Правда, вскоре Главным священником армии и флота был назначен протоиерей Александр Касаткин, бывший священник штаба Первой Армии, не участвовавший в Томском соборном совещании. Вероятно, на это назначение повлиял его доклад на имя Верховного Главнокомандующего вооруженными силами России А.В. Колчака, в котором о. Александр высказал свою боль за состояние военного духовенства: «Весь кадр военных священников… бедствуя и нуждаясь, ждет только призыва Верховного Главнокомандующего, чтобы с радостью и любовью снова приняться за то святое дело, от которого их силою отстранили, за дело служения дорогой Родине и столь же дорогой и родной нам армии»[1].

В то же время в докладе протоиерей Касаткин подверг критике архиепископа Сильвестра, пытающегося, по его мнению, подчинить себе, а не Главному священнику армии и флота совместно с высшим военным начальством все военное духовенство: «В самом деле, как может знать местный епархиальный епископ всех кандидатов, желающих поступить в военные священники? Разве военные священники комплектуются из одной епархии? Между тем Главный священник действительно может выбирать кандидатов на должности полковых священников только вполне достойных и совершенно отвечающих своему назначению, и вот почему: к его услугам целый кадр испытанных военных священников, проявивших себя с самой лучшей стороны и в деле проповеди, и в мужестве на поле брани, и в братской любви к

[1] РГВА. – Ф. 40253. – Д. 1. – Л. 349.

ближнему даже до смерти»[1]. Заканчивалось послание и вовсе пафосно: «Вообще полковое военное духовенство на протяжении своего 200-летнего существования получило определенный облик и успело зарекомендовать себя с самой лучшей стороны, как в мирное, так и в военное время. Оно слилось с армией, и является надежным проводником в жизнь её всех мероприятий, предпринимаемых высшим командным составом. Поэтому-то меры, предпринимаемые архиепископом Сильвестром по упразднению военного духовенства как определенной организации со своим Главным священником и подчинению его местному епископу, такою глубокою скорбью и отозвались в сердце каждого военного священника. С упразднением военного духовенства армия потеряет в нем свою прочную опору»[2].

Несмотря на столь эмоциональные слова, критику по адресу председателя ВВЦУ архиепископа Сильвестра следует признать необоснованной. Ничего подобного предложениям упразднить военное духовенство или подчинить его самому себе владыка не предлагал, и итоги Томского совещания свидетельствуют об этом. В заметке из газеты «Заря», на которую ссылается протоиерей Александр Касаткин, сообщающей о постановлении Омского епархиального духовенства в целях поднятия религиозного настроения в войсках, говорится лишь о том, что необходимо «просить преосвященного Сильвестра войти в сношение с высшими военными властями, чтобы лица, неизвестные епархиальному архиерею своей опытностью в проповеди и религиозной настроенности не допускались в военные священники» [3]. Впоследствии эта норма вошла в постановление Томского соборного совещания и являлась руководством к деятельности Главного священника армии и флота.

Тем не менее, протоиерей Александр Касаткин был назначен Главным священником армии и флота. 16 декабря 1918 г. на заседании ВВЦУ Сибири

---

[1] РГВА. – Ф. 40253. – Д. 1. – Л. 348 об.
[2] Там же. – Л. 349.
[3] Заря. – 1918. – № 117.

слушалось отношение канцелярии Верховного правителя от 13 декабря за № 194 об ускорении дачи заключения по кандидатуре протоиерея А. Касаткина в Главные священники армии и флота и краткой записки о его службе и образовательном цензе. Было постановлено согласиться с назначением протоиерея А. Касаткина Главным священником армии и флота. На этом же заседании рассматривалось предложение Высокопреосвященнейшего Вениамина (Муратовского) о необходимости выпуска пастырского обращения к воинам. Главному священнику армии и флота протоиерею А. Касаткину было поручено написать проект обращения и предоставить его Высшему церковному управлению[1].

30 января 1919 г., заслушав на своем заседании представленный проект пастырского обращения Управления к воинам, ВВЦУ признало его удовлетворяющим своему назначению и выразило свою благодарность протоиерею А. Касаткину за исполненное поручение[2]. Протоиерей Алексий Русецкий был назначен Главным священником Западной армии[3].

12 февраля 1919 г. был издан циркуляр «Духовенству действующей армии»[4] (См.: Приложение 3). В этом обширном документе Главный священник армии и флота прот. А. Касаткин рассматривал четыре главных средства пастырской деятельности – богослужение, пастырские собеседования, требоисправления и пример личной жизни. По его мнению, богослужению в военное время священник должен был придавать особенное значение и совершать его во все воскресные и праздничные дни и накануне их. Проповедь должна была быть краткой, ясной и вразумительной, продумана проповедником и согрета его чувством. Кроме проповеди церковной, священник должен обратить особенное внимание на так называемые домашние беседы с воинами. Молебны, панихиды, чины погребения и вообще все требоисправления

[1] РГВА. – Ф. 40253. – Д. 3. – Л. 7.
[2] Там же. – Л. 9.
[3] Там же. – Д. 1. – Л. 58.
[4] Там же. – Д. 4. – Л. 1–2.

должны совершаться истово и по возможности при участии хора певчих. Также военные священники не должны отказываться от исполнения пастырских обязанностей и для окружающего населения в тех местностях, где нет епархиальных священников. Наконец, пастыри должны примером собственной жизни на деле оправдывать то, чему они учат, о чем проповедуют, к чему призывают. Таким образом, протоиерей А. Касаткин наметил в своем послании подведомственному духовенству программу деятельности, в соответствии с которой впоследствии осуществлял за ним контроль.

Первое, что необходимо было решить Главному священнику армии и флота, – вопрос о назначении и утверждении военных священников на местах: в действующей армии, в военных школах и лазаретах. С этой целью протоиереем Касаткиным были направлены запросы в крупные воинские соединения с просьбой уведомить, имеются ли пастыри в полках и дивизиях, кто они и кем назначены[1]. В то же время на имя дежурного генерала Главного штаба Верховного главнокомандующего был послан запрос сведений о частях «белой» армии и местах их расположения[2]. Аналогичный запрос на имя Главного начальника военно-санитарных учреждений касался сформированных госпиталей и лазаретов и мест их расположения[3].

Для военных священников устанавливался высокий образовательный и нравственный ценз. Для них было обязательно богословское образование (духовная семинария) и разрешение, а также положительный отзыв о служебных качествах священника от местного епископа[4]. В то же время протоиерей Александр считал, что уже принятые священники должны оставаться на своих местах, если будут пригодны для службы по военно-духовному ведом-

[1] РГВА. – Ф. 40253. – Д. 1. – Л. 27.
[2] Там же. – Л. 26.
[3] Там же. – Л. 24.
[4] Там же. – Л. 22.

ству[1], тем более что воинские части испытывали недостаток в кадрах военного духовенства. В первую очередь это касалось действующей армии.

Иногда священник, окормлявший тыловую часть, при отправлении её на фронт отказывался следовать на боевые позиции, ссылаясь на проблемы со здоровьем, наличие малолетних детей, собственный преклонный возраст и т.п. Так, например, священник Феодор Крутовский рапортом сообщил, что ввиду невозможности поместить к кому-либо на воспитание его двух малолетних детей, за неимением родственников отправиться с полком на фронт он не может. Распоряжением Главного священника армии и флота в 51-й Сибирский стрелковый полк был назначен священник Леонид Богородицкий[2]. Иерей Феодор Крутовский, согласно собственному прошению, был уволен от службы по военно-духовному ведомству с направлением в распоряжение Омского епархиального управления[3]. Священник Алексий Протопопов поступил на службу в 43-й стрелковый полк, рассчитывая, что «он все время будет запасным, неподвижным», а при направлении полка на фронт, ссылаясь на свое слабое здоровье, просил оставить его для службы в другом тыловом соединении. Просьба была удовлетворена[4]. Священник И. Черепнин вместо исполнения приказания о назначении в 24-й Саткинский стрелковый полк вообще самовольно отправился в Томск и оттуда просил о назначении его в одну из воинских частей, расположенных в Томске. В данном случае священнослужитель, отказавшийся от назначения в действующую армию, был уволен со службы по военно-духовному ведомству как неподходящий для неё[5]. В связи с этим протоиерей А. Касаткин разослал телеграммы в военные части, находящиеся в тылу, с просьбой о командировании военных

[1] РГВА. – Ф. 40253. – Д. 1. – Л. 83.
[2] Там же. – Л. 90.
[3] Там же. – Л. 299.
[4] Там же. – Л. 413–413 об.
[5] Там же. – Л. 273–273 об.

священников, если такие имелись, в Омск для назначения в действующую армию[1].

В конце февраля 1919 г., получив более или менее полное представление о кадровом составе подведомственного ему духовенства, Главный священник армии и флота обратился с просьбой в ВВЦУ о распоряжении приглашения или командирования священников-беженцев, живущих в районах епархий Западной Сибири на службу по военно-духовному ведомству «ввиду недостатка кандидатов со среднебогословским образованием для замещения военно-служительских мест в частях армии»[2]. ВВЦУ на своем заседании 4 марта рассмотрело этот вопрос и рекомендовало обратиться с ходатайством непосредственно к преосвященным Западной Сибири[3].

Военное духовенство, в свою очередь, волновал вопрос о собственном правовом положении. Собрание полковых священников 11-й дивизии 3-го Уральского корпуса, созванное по вопросу о пастырском служении в Сибирской армии 13 декабря 1918 г., высказало пожелание, чтобы «все кадровые военные священники были восстановлены во всех своих прежних правах по службе». Священники же, назначенные в войска из приходов, должны были считаться «командированными с предоставлением им всех прав службы и должны были сохранить за собой право по демобилизации на беспрепятственное занятие своих прежних мест и должностей»[4].

Духовный пастырь, окормляющий воинскую часть, получал достойное материальное обеспечение. Согласно штатам (приказ начальника штаба Верховного Главнокомандующего от 28 декабря 1918 г.), по содержанию священник был приравнен к помощнику командира полка, а благочинный – к

---

[1] РГВА. – Ф. 40253. – Д. 1. – Л. 15.
[2] Там же. – Л. 186.
[3] Там же. – Л. 323–323 об.
[4] Там же. – Л. 67.

командиру полка[1]. Значительный размер оклада военного священника вызвал даже недоумение некоторых высокопоставленных чиновников. В начале февраля 1919 г. протоиерей А. Касаткин вынужден был встать на защиту подведомственного ему духовенства военных госпиталей. Главный военно-санитарный инспектор выразил недовольство большим, на его взгляд, размером содержания священников. По мнению Главного священника армии и флота, оклад главного врача госпиталя был все же больше, чем духовника, и ни о каком несоответствии окладов начальника и подчинённого не могло в быть и речи. Кроме того, протоиерей счел нужным заметить, что «в данных случаях возбуждают ходатайство об увеличении содержания подчинённым лицам, а не рекомендуют делать в отношении лиц другого ведомства обратное»[2].

31 марта 1919 г. было утверждено временное штатное расписание управления Главного священника армии и флота, согласно которому штат состоял из Главного священника (оклад 1120 рублей), начальника канцелярии (700 рублей), трех писарей, двух уборщиков и вестовых[3]. Впоследствии, 10 мая 1919 г., штатное расписание управления Главного священника было откорректировано в сторону повышения оклада на 20 %[4].

Внимание светской и духовной власти к должности военного священника побудили некоторых лиц диаконского звания возбудить прошения на имя местных преосвященных о рукоположении их в сан иерея с последующим назначением на должности штатных войсковых священников[5]. К лету 1919 г. кадровый кризис в среде военного духовенства был преодолен. В первую очередь этому способствовало наличие большого количества беженцев духовного звания, составивших основу корпуса военных священни-

---

[1] РГВА. – Ф. 40253. – Д. 1. – Л. 49.
[2] Там же. – Д. 2. – Л. 37.
[3] Там же. – Д. 4. – Л. 8.
[4] Там же. – Д. 2. – Л. 450.
[5] Там же. – Д. 1. – Л. 63, 108.

ков, а также достойным материальным содержанием и практически полным отсутствием мест служения в сибирских епархиях. В августе и сентябре 1919 г. Главному священнику армии и флота приходилось отказывать просителям в вакантных местах не только при госпиталях или тыловых воинских частях[1], но и в действующей армии. При этом формулировка звучала однозначно: «Отказать за отсутствием вакансий и достаточных запасных кандидатов»[2].

Согласно приказу по управлению Главного священника армии и флота № 17 от 21 февраля 1919 г. в действующей армии вводился институт гарнизонных благочинных. В каждом гарнизоне, где имелось более двух военных священников, старший по рукоположению принимал на себя обязанности благочинного. Должностная инструкция предусматривала следующие обязанности благочинного: руководство деятельностью всего военного и морского духовенства, состоящего при различных учреждениях действующей армии, расположенных в районе данного гарнизона, контроль за поведением вверенного духовенства и наблюдение за тем, чтобы никакая часть вверенного гарнизона не осталась без пастырской помощи. Инструкция предполагала ежемесячный отчет[3].

Одним из важнейших вопросов в деятельности военных священников, требующих незамедлительного разрешения, был вопрос о войсковых храмах. В ответ на рапорт Главного священника армии и флота от 29 января ВВЦУ 5 февраля 1919 г. подчинило ему все неподвижные военные церкви, а также состоящее при них духовенство[4]. Однако в военное время, когда количество войсковых частей, находящихся как на передовой, так и на фронте, многократно увеличилось по сравнению с мирным, также возросла и потребность в военных церквах. В какой-то мере духовные нужды военнослужащих на пе-

[1] РГВА. – Ф. 40253. – Д. 2. – Л. 451, 462.
[2] Там же. – Л. 459.
[3] Там же. – Л. 17–17 об.
[4] Там же. – Д. 1. – Л. 150.

редовой удовлетворялись за счет походных храмов и вагонов-церквей[1]. В случае частого передвижения полков с одной боевой позиции на другую богослужение совершалось по мере возможности в воскресные и праздничные дни. Там, где полки задерживались на продолжительное время (на неделю и больше), литургия совершалась в местных храмах с участием епархиального духовенства[2].

В том случае, если воинская часть (как правило, отдельный полк) расквартировывалась в каком-то городе, вставала необходимость о выделении в его пользование одного из городских храмов. Наиболее полно идею организации гарнизонных церквей обосновал благочинный 5-го Сибирского армейского корпуса (Курган) протоиерей Александр Тверитин в рапорте на имя Главного священника армии и флота протоиерея А. Касаткина 5 июня 1919 г. По его мнению, необходимо по возможности в каждом городе, стоящем на пути передвижения войск, иметь особую гарнизонную церковь, не нужную для епархии, свободную или приписанную к какой-либо приходской церкви. Нужда в особой гарнизонной церкви объяснялась тем, что нередко, особенно в большие праздники, воинские части, вместо того чтобы помолиться в своей церкви, бывали вынуждены переходить из храма в храм, где из-за большого количества своих прихожан воины являлись не всегда желанными гостями. При наличии гарнизонных церквей могло быть обеспечено снабжение ризницей, богослужебными книгами, церковным вином, свечами и ладаном через привлечение церквей и прихожан к пожертвованию деньгами и вещами[3].

Однако в полной мере идея гарнизонных храмов развития не получила. Как правило, под войсковые храмы выделялись вместительные городские церкви со своим причтом и прихожанами. Например, таким образом обстояло дело, согласно отчету благочинного 2-й Степной Сибирской кадровой ди-

---

[1] РГВА. – Ф. 40253. – Д. 2. – Л. 186.
[2] Там же. – Л. 3.
[3] Там же. – Л. 23–24 об.

визии, в Семипалатинске и Тюмени. В Петропавловске и вовсе не обошлось без конфликта – для полковых богослужений была отведена совсем не подходящая для этого маленькая Васильевская церковь, которая находилась далеко от казарм[1]. Не во всех городах находилась возможность выделить для нужд воинов не только отдельный храм, но и приспособленное помещение для совершения богослужения. В том же Кургане, например, оба расквартированных полка – 1-й Троицкий и 4-й Тюменский – стояли на окраине города и не имели не только собственного богослужебного помещения, но и возможности пользоваться приходскими храмами, которых в городе насчитывалось лишь три. Таким образом, воины совершенно лишены были возможности участвовать в богослужении[2].

Весьма непростым оставался и вопрос обеспечения военных храмов, неподвижных и походных, необходимыми богослужебными предметами – облачением, утварью, свечами, ладаном и т.д. Чаще всего недостаток этого восполнялся за счет местных епархиальных средств – или в виде жертвы, или на возмездной основе. В своем рапорте от 12 марта 1919 г. на имя ВВЦУ протоиерей А. Касаткин указывал, что епархиальные склады и заводы часто отказывали военным церквам в продаже их, и полковые церкви были поставлены в чрезвычайно тяжелые условия. Полковые священники совершали богослужение без свеч, ладана, а совершение литургии вынуждены были и совсем прекратить за неимением красного вина[3]. Главный священник армии и флота просил ВВЦУ принять все меры к удовлетворению насущной потребности военных.

В дальнейшем положение с материальным обеспечением военных храмов также оставляло желать лучшего, и храмы действующей армии вынуждены были поддерживаться из материальных средств тыловых церквей. Это

[1] РГВА. – Ф. 40253. – Д. 1. – Л. 146–148.
[2] Там же. – Д. 6. – Л. 30.
[3] Там же. – Д. 1. – Л. 303–303 об.

следует из протокола № 4 Братского собрания военного духовенства Владивостока от 4 августа 1919 г., на котором рассматривалась телеграмма Главного священника армии и флота от 27 июля на имя священника штаба округа о снабжении церквей действующей армии предметами церковного обихода из переизбытка тыловых военных и епархиальных церквей. Собрание постановило предложение Главного священника исполнить[1]. Доходило даже до того, что само военное духовенство предпринимало ряд мер к сбору пожертвований на устройство походных церквей и вообще на приобретение предметов богослужения[2]. Еще одним больным вопросом являлось комплектование военных церквей штатами псаломщиков и регентов[3].

Как уже говорилось выше, пастырская деятельность военного священника в первую очередь выражалась в совершении богослужения, которому управление Главного священника армии и флота придавало особенное значение. Так, собрание полковых священников 11-й дивизии 3-го Уральского корпуса, состоявшееся 13 декабря 1918 г., постановило, что богослужение должно совершаться во все воскресные и праздничные дни, а также в дни полковых и ротных праздников[4].

Как следует из отчетов гарнизонных и дивизионных благочинных, практически во всех пунктах сосредоточения войск, а также на передовых позициях священнослужители старались всегда совершать воскресные и праздничные службы – литургии и всенощные бдения. Так, например, в отчете за сентябрь 1919 г. благочинного Воткинской дивизии священника Георгия Желватых указано, что он в период Тобольского наступления совершал Божественные службы – воскресное всенощное бдение и литургию, а также всенощную и литургию на праздник Рождества Пресвятой Богородицы пря-

[1] РГВА. – Ф. 40253. – Д. 6. – Л. 50.
[2] Там же. – Д. 1. – Л. 204–204 об.
[3] Там же. – Д. 6. – Л. 35–35 об.
[4] Там же. – Д. 1. – Л. 146.

мо на военных пароходах. При этом 21 сентября на торжественном богослужении на пароходе «Европа» присутствовали более 100 человек из воинских чинов и солдат[1]. 25 сентября во второй роте Егерского полка был отслужен молебен на барже перед наступлением. Солдатам была дана общая исповедь и окропление святой водой. В этот же день дивизия взяла с. Усть-Ишим, «красные» стреляли по пароходу, на котором находились полевые штабы дивизии ружейным и пулеметным огнем, священник Михаил Базилевский был легко ранен в левую ногу. Такой же образ самоотверженного служения благочинным был предписан и священникам вверенного ему благочиния – совершение ежедневных богослужений о даровании победы, а по субботам – панихиды по убиенным воинам[2].

Согласно отчету благочинного 4-го Оренбургского армейского корпуса протоиерея Стефана Каверзиева за август-сентябрь 1919 г., в указанном соединении по случаю частого передвижения полков с одной боевой позиции на другую богослужение совершалось по мере возможности в воскресные и праздничные дни. Благочинный 2-й дивизии Георгиевский имел возможность в поселке Федосеевском в праздник Воздвижения Креста Господня совершить соборно с двумя полковыми священниками литургию в походном храме на открытом месте, причем участвовали в богослужении почти все части дивизии. Молебен с проповедью и многолетием закончился военным парадом[3].

15 марта 1919 г. священник 4-го Кадрового Тюменского полка протоиерей Александр Тверитин обратился с рапортом к Главному священнику армии и флота А. Касаткину. В нем он просил ходатайства своего непосредственного начальника перед ВВЦУ в лице архиепископа Сильвестра, о разрешении военному духовенству совершения литургий святого Иоанна

---

[1] РГВА. – Ф. 40253. – Д. 2. – Л. 482.
[2] Там же. – Л. 483–483 об.
[3] Там же. – Д. 7. – Л. 4 об.

Златоустого в течение недель Великого поста для причащения воинов, в частности, во вторник и четверг[1]. Столь необычная просьба была вызвана военными условиями, невозможностью долго (в течение 3–5 дней) сохранять Св. Дары и необходимостью всегда иметь возможность к приобщению воинов Св. Тайнам. 25 марта 1919 г. на своем заседании ВВЦУ рассмотрело предложенный вопрос и пошло навстречу просьбе военных священников, разрешив им совершать в Великий пост по вторникам и четвергам литургию И. Златоустого[2].

В дни Великого поста православное духовенство стремилось разнообразить богослужебную практику, приблизить её к требованиям военного времени. 10 марта 1919 г. собрание военного и морского духовенства Омского гарнизона постановило ввести братское служение пассий и молебнов с акафистами в воскресные дни с 16 часов; для утешения верующих, потерявших близких лиц в войне, соборно совершать панихиды по четвергам с 18 часов. При этом особо отмечалось, что богослужения должны сопровождаться проповедью, пробуждающей религиозное и патриотическое чувство. Согласно резолюции архиепископа Сильвестра, гарнизонным храмом в Омске назначался старый военный Воскресенский собор, где могли бы быть совершены все подобные службы[3]. Одним из основных направлений богослужебной деятельности военных священников являлось напутствование больных и раненых. При этом нередко в этом деле войсковые священники находили помощников в лице епархиального духовенства[4].

Третьим важнейшим направлением деятельности военных священников было духовно-нравственное просвещение воинов. Еще 13 декабря 1918 г. собрание полковых священников 11-й дивизии 3-го Уральского кор-

---

[1] РГВА. – Ф. 40253. – Д. 1. – Л. 357.
[2] Там же. – Л. 367.
[3] Там же. – Л. 294.
[4] Там же. – Д. 7. – Л. 5.

пуса таким образом высказалось по вопросу о пастырском служении в Сибирской армии: «Пастырское служение в полку не должно быть только формальным исполнением духовных треб, а должно быть живым, творческим делом. Желательно видеть в военном пастыре живую культурную силу, с широкой инициативой по организации христианских и других просветительских кружков»[1]. Именно эти тезисы лежали в основе проповеднического служения военных пастырей Сибирской армии.

Главным средством воздействия на душу воина являлась пастырская проповедь. Выше цитируемый протокол собрания полковых священников 11-й дивизии 3-го Уральского корпуса отразил требование о том, что церковные и частные службы непременно должны быть сопровождаемы краткими, но доходчивыми поучениями. Особенной торжественностью должны быть обставлены напутственные молебны частям, отправляющимся на фронт или позицию.

Сам протоиерей А. Касаткин в разъяснении благочинному Отдельной Уссурийской стрелковой бригады протоиерею А. Паевскому указывал, что иметь предметом поучений и проповедей одни лишь истины веры и христианской морали на основании Святого Евангелия, Апостольских посланий и Творений Святых отцов едва ли было бы применимо даже в мирное время, а тем более в военное. По его мнению, вопросы текущей жизни, с её ужасами и уродливостями, не должны избегаться пастырями[2]. Таким образом, можно отметить, что к самой священнической проповеди в войсках предъявлялись вполне определенные требования, способствующие тому, чтобы пастырское поучение доходило до сознания простого солдата и в первую очередь разъясняло ему задачи вооруженной борьбы и спасения души посредством её.

Другим средством просветительской деятельности военного духовенства были религиозно-нравственные беседы. То же самое собрание свя-

[1] РГВА. – Ф. 40253. – Д. 1. – Л. 67–68 об.
[2] Там же. – Л. 33–34 об.

щенников 11-й дивизии 3-го Уральского корпуса от 13 декабря 1918 г. постановило, что в каждой роте должны быть устраиваемы религиозно-нравственные беседы полкового священника в послеобеденные часы занятий, отнимая времени не более часа в неделю. Темы бесед должны были быть интересными и близкими к жизни солдат[1]. Однако очевидно, что священник не должен быть ограничен временем, назначенным для беседы (одним часом), а должен стараться духовно сближаться со своими пасомыми и как можно чаще присутствовать в казармах для бесед.

Некоторое затруднение вызывали у проповедников составление программы бесед духовно-нравственного характера и их содержание. В данном случае можно констатировать, что каждый проповедник в своей деятельности руководствовался выработанным им планом, исходя из своего опыта. В то же время съезды и собрания военного духовенства пытались сформулировать некоторые принципы, которыми должны руководствоваться пастыри при проведении ими религиозных бесед в войсках. Так, например, братское собрание военного духовенства Владивостока 25 августа 1919 г. постановило, что при ведении бесед военный священник должен руководствоваться указаниями из «Памятки духовенству армии и флота», изданной протопресвитером Шавельским в 1917 г[2]. Духовенство Амурской стрелковой дивизии, столкнувшись с затруднениями в подборе пособий и руководства при ведении бесед, воспользовалось трудами протоиерея Конно-Егерского полка Николая Дьякова, который предложил свою программу – конспект для ведения бесед применительно к современным условиям военной жизни[3]. Совещание Уфимской группы войск в с. Лихачево, состоявшееся 8 октября 1919 г., рекомендовало культурно-просветительскую работу в частях вообще и антибольшевистскую агитацию в частности признать возможным вести исходя из

[1] РГВА. – Ф. 40253. – Д. 1. – Л. 67–68 об.
[2] Там же. – Д. 6. – Л. 47–47 об.
[3] Там же. – Л. 35–35 об.

особенностей каждого пастыря, придерживаясь библейского, мистического, а также патриотического освящения текущих событий[1]. В своем ответе на запрос благочинного Отдельной Уссурийской стрелковой бригады протоиерея А. Паевского Главный священник армии и флота А. Касаткин отметил, что «сегодня трудно составить и утвердить какую-нибудь программу бесед, когда эту программу диктует сама жизнь. Пусть каждый пастырь работает в общем деле возрождения и оздоровления нашей Родины, не закрепощая себя в узкие рамки раз изданной программы»[2].

В конце концов, и Временное высшее церковное управление в своей инструкции «Об участи военного духовенства в культурно-просветительской работе по внешкольному образованию в войсках во всей её полноте» рекомендовало всем представителям духовенства озаботиться выработкой программ своих бесед и составлением списка наглядных пособий и руководств для работы в частях армии[3]. Сама же духовно-просветительская деятельность духовенства в частях отличалась разнообразием и полнотой. Инициативные пастыри, понятно, не ограничивали своё время общения с воинами одним часом, а старались как можно больше уделять времени воспитанию и наставлению бойцов. Тем более что, по свидетельству самих военных священников Уфимской группы войск, собравшихся 8 октября 1919 г. на совещание в с. Лихачево, во главе с преосвященным Николаем, епископом Златоустовским, «в частях группы вкоренились и даже практикой командного состава узаконены такие пороки, как сквернословие, карточная игра и мародерство»[4]. Думается, что указанные пороки в военное время были характерны не только для Уфимской группы войск.

В связи с этим в первую очередь пастырями было уделено внимание общевойсковой утренней и вечерней молитве. Повсеместное её введение бы-

[1] РГВА. – Ф. 40253. – Д. 8. – Л. 125–125 об.
[2] Там же. – Д. 6. – Л. 33–34 об.
[3] Там же. – Д. 2. – Л. 67–67 об.
[4] Там же. – Д. 8. – Л. 125–125 об.

ло установлено еще Томским соборным совещанием, и духовенство старалось ввести в молитвенную практику благочестивые дополнения. Так, например, священник Отдельного батальона морских стрелков Дальнего Востока отец Челпанов ввел в батальоне чтение на утренней молитве дневного евангельского отрывка с кратким объяснением прочитанного. Братское собрание военного духовенства Владивостока, состоявшееся 25 августа 1919 г., высказало пожелание, чтобы военные священники приняли меры к введению дневного евангельского чтения и в других частях гарнизона[1].

Главной внебогослужебной деятельностью войскового духовенства являлись просветительские беседы с воинами. Практически все отчеты подведомственных Главному священнику армии и флота священников отражают труды по разъяснению воинам христианской нравственности и особенностей военного времени. Как сообщает в своем рапорте на имя А. Касаткина благочинный 2-й Степной сибирской кадровой дивизии, в этих беседах объяснялись вопросы религиозно-нравственного и военно-патриотического характера, пробуждалась у солдат любовь к родине, уяснялась необходимость строгого порядка и подчинения личной воли и желаний требованиям высшего командования. Также в беседах раскрывались понятия «солдат», «защитник», «долг» и обязанности, налагаемые им, заслуги и ответственность солдата перед «всеми борцами за счастье и свободу русского народа». На таких беседах присутствовали и офицеры[2]. Благочинный 10-й стрелковой Казанской дивизии в своем докладе на имя Главного священника армии и флота указывал, что подведомственное ему духовенство дивизии организовало миссионерский проповеднический кружок. Личный состав духовенства обслуживает в проповедническом и миссионерском отношении не только воинские части дивизии, но и некоторые церковные приходы города[3]. Представители от

[1] РГВА. – Ф. 40253. – Д. 6. – Л. 47–47 об.
[2] Там же. – Д. 1. – Л. 146.
[3] Там же. – Л. 204–204 об.

управления Главного священника армии и флота принимали участие в составлении каталогов книг для библиотек частей, причем имели заботу о том, чтобы в библиотеки не проникали книги вульгарного содержания и книги, подрывающие основы религиозности и нравственности[1].

Издательские мощности тыла не всегда удовлетворяли действующую армию в специальной агитационной литературе. Вследствие этого штабы действующих армий принимали решение об организации издания соответствующей продукции самостоятельно. Это решение в сложившейся ситуации должно быть признано единственно верным, тем более что, по свидетельству Г.К. Гинса, армейская агитационная литература отличалась разнообразием и актуальностью, в отличие от тыловой[2]. Чиновники из особого отдела разъезжали в вагонах-читальнях, ездили на фронт, собирали книги и газеты.

Многие дивизионные и гарнизонные благочинные свидетельствовали о крайнем недостатке проповеднической и агитационной литературы непосредственно в войсках. Так, например, благочинный 4-го Оренбургского армейского корпуса в отчете за август-сентябрь 1919 г. указывал, что раздачи книг и брошюр религиозно-нравственного содержания почти не делалось за отсутствием таковых, хотя просветительская деятельность духовенства велась в проповедях за богослужением и в частных беседах при всяком удобном случае[3]. 19 июня 1919 г. съезд представителей духовенства Западной армии, проходивший на ст. Бердяуш, рассмотрел предложение штаба Западной армии о принятии военным духовенством на себя дела издания фронтовой литературы. Съезд постановил «приложить свои труды к возможно более широкой деятельности по изданию фронтовой и прифронтовой литературы», поскольку «умелая и широкая постановка агитационно-информационного

---

[1] РГВА. – Ф. 40253. – Д. 2. – Л. 67–67 об.

[2] *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920: впечатления и мысли члена Омского правительства. – М.: Крафт+, 2007. – С. 522.

[3] РГВА. – Ф. 40253. – Д. 7. – Л. 2–6 об.

дела у большевиков дает им, хотя и временный, успех, а, к сожалению, издательская работа агитационно-информационного отдела по внешкольному образованию солдат пока нам неизвестна»[1]. Планируемая к изданию литература классифицировалась по пяти направлениям – обращенная к солдатам, офицерам, мирному населению, к духовенству армии и даже к красноармейцам. Вся она должна была быть издаваема крупным шрифтом, на доступном для простого народа языке, с иллюстрациями[2].

Большое внимание военное духовенство уделяло ограждению своей паствы от влияния антирелигиозной и сектантской пропаганды. Главный священник Западно-Сибирской отдельной армии протоиерей А. Русецкий 25 марта 1919 г. информировал уполномоченного командующего Сибирской армией по охране государственного порядка и общественного спокойствия в Пермской губернии о том, что в Екатеринбурге готовится к постановке в кинематографе картина «Отец Сергий», которая в Омске, согласно просьбе священника, запрещена к постановке в кинематографах как кощунственная и оскорбительная для религиозного чувства православных[3]. Реакция последовала незамедлительно. Уже 27 марта 1919 г. старший помощник начальника военного контроля при уполномоченном по охране государственного порядка и общественного спокойствия в Пермской губернии капитан Шуминский докладывал протоиерею А. Русецкому: «Ваше Высокопреподобие! Согласно Вашей просьбе сего числа я конфисковал всю картину «Отец Сергий», как оскорбляющую религиозное чувство»[4].

Ввиду имевшихся случаев посещения воинскими чинами омского дома баптистских собраний протоиерей А. Касаткин обратился 23 апреля 1919 г. к гарнизонному благочинному Омска протоиерею Иоанну Туторскому с предложением совместно с благочинным 11-й Сибирской стрелковой дивизии

[1] РГВА. – Ф. 40253. – Д. 3. – Л. 55.
[2] Там же. – Л. 55–56.
[3] Там же. – Д. 2. – Л. 487–487 об.
[4] Там же. – Л. 488.

священником Андреем Успенским выработать и принять меры по ограждению воинских чинов от баптистской пропаганды[1].

Как известно, лучшим средством проповеди для пастыря является собственная праведная жизнь. Тем более, благочестивое поведение требовалось для военных священников, призывающих солдат жертвовать собой на поле брани. Осознавая это, Главный священник армии и флота уделял пристальное внимание нравственному облику войскового духовенства. 13 марта 1919 г. протоиерей А. Касаткин разослал секретный циркуляр священникам 3-й Сибирской армии, 4-й Западной армии, 11-го Сибирского корпуса, в котором просил сделать распоряжение, чтобы военные священники всячески заботились о поддержании своего авторитета и пастырского звания, избегали всего того, что служит к соблазну пасомых и дает повод к нареканиям (игра в карты, винопитие и прочее)[2].

18 июня 1919 г. протоиерей А. Касаткин для ознакомления и руководства деятельностью подведомственного духовенства сам отправился на фронт. С собой священник вез 20 пудов литературы и 3 походные церкви весом до 10 пудов[3], имея в распоряжении собственный вагон-церковь[4]. По соглашению с начальником военных сообщений ему был предоставлен служебный вагон на всё время объезда частей Сибирской армии с тем, чтобы остановки и отправления производились по первому требованию[5].

Героизм военных священников носил массовый характер. Газета «Русская Армия» приводит свидетельство некоего приехавшего с позиций генерала, где он характеризует деятельность полкового священника: «Я видел одного батюшку в горячей работе по переноске в вагон раненых, привезенных с поля брани. До спасения последнего солдата, безостановочно, видне-

---

[1] РГВА. – Ф. 40253. – Д. 6. – Л. 7.
[2] Там же. – Л. 5–5 об.
[3] Там же. – Д. 2. – Л. 185.
[4] Там же. – Л. 186.
[5] Там же. – Л. 166.

лась его фигура в рядах носильщиков. Я в этом усматриваю благородную черту его духовного склада. Видно, что человек пришел истинно ради дела, ради помощи, а не для рисовки и показа своего здесь присутствия»[1].

По свидетельству самого протоиерея А. Касаткина, выраженному им в послании «Духовенству действующей армии» от 12 апреля 1919 г., некоторые полковые священники, находясь со своими частями среди местного населения, располагали его к содействию армии в деле облегчения её тягот и трудов в военной борьбе. Видя, что она испытывает крайнюю нужду в белье и других вещах, священники убеждали население к пожертвованию этими вещами в пользу армии, нередко принимая на себя инициативу по сбору этих пожертвований. Одобряя отзывчивость военных пастырей к нуждам своей паствы не только духовным, но и материальным, Главный священник армии и флота рекомендовал всему военному духовенству действующей армии подражать своим сослуживцам в деле пастырского служения воинам, чтобы быть по слову апостола «Всем вся»[2].

Даже в тяжелый период отступления, когда войска с боями, теснимые «красными», проходили сотни верст, и их боевой дух значительно снижался, именно полковые священники оставались наиболее твердыми и последовательными противниками большевизма. Благочинный 4-го Оренбургского армейского корпуса протоиерей Стефан Каверзиев в своем отчете Главному священнику армии и флота протоиерею А. Касаткину за август-сентябрь 1919 г. отмечал, что под влиянием победоносного шествия «красных» среди солдат стали появляться тревожные, панические слухи, распространяемые шпионами и провокаторами. В предотвращение подобных толков отец Стефан 1 сентября разослал полковым священникам письмо следующего содержания: «Напоминаю военному духовенству его священную обязанность всемерно воодушевлять и ободрять воинов, с ревностью убеждать их твердо

[1] Военное духовенство в современной войне // Русская Армия. – 1919. – 2 мая.
[2] РГВА. – Ф. 40253. – Д. 2. – Л. 347 об.

стоять на фронте, не поддаваясь унынию и малодушию, свойственным низким и бесчестным людям, а в особенности отвращаться панических слухов и всяких кривотолков, распускаемых шпионами и провокаторами, всегда памятуя о правоте нашего долга и твердо веруя, что рано или поздно правда воскреснет, как воскрес Христос – Солнце Правды» [1].

Несмотря на то, что военное духовенство сибирских «белых» армий в целом добросовестно выполняло свой долг, известен и ряд негативных проступков, получивших огласку и ставших предметом рассмотрения священноначалия. Самым вопиющим в ряду негативных явлений стало дело священника 7-го Кузнецкого Сибирского стрелкового полка Симеона Трейерова по поводу хищения церковного имущества из с. Каменское. Факт церковного мародерства стал предметом рассмотрения на заседании ВВЦУ 8 сентября 1919 г. Постановление церковного органа, в соответствии с духом переживаемого времени, было сурово – «имея ввиду вполне установленные факты мародерства и исчезновение Трейерова из расположения части», ВВЦУ нашло возможным лишить священника Симеона сана с преданием его уголовной ответственности[2].

В то же время в среде военного духовенства был отмечен и другой вид проступков – самовольное оставление воинской части ради воссоединения с семейством[3]. Особенно это было развито в период отступления колчаковских войск на восток. В первую очередь данное явление происходило потому, что большинство войсковых священников составляли беженцы из Поволжья и Урала, которые не хотели далеко отступать от родных мест.

7 августа 1919 г. приказом Главного священника армии и флота протоиерея А. Касаткина была введена должность помощника Главного священника. Его функциональные обязанности ограничивались ведением сле-

---

[1] РГВА. – Ф. 40253. – Д. 7. – Л. 2–3 об.
[2] Там же. – Д. 10. – Л. 37–37 об.
[3] Там же. – Л. 44–44 об.

дующих дел: организацией и наблюдением за церковно-просветительской и патриотической деятельностью духовенства в Омске; снабжением церквей необходимыми принадлежностями; изготовлением, выдачей, приемом и рассмотрением документов – метрических, приходно-расходных и обыскных книг; заготовкой свечей и вина для нужд военных храмов; наблюдением за денежной отчетностью по церквам; делами по созданию фонда для выдачи пособий нуждающемуся духовенству и издательским делом при управлении[1].

В начале октября 1919 г. в военно-духовном ведомстве наметились изменения – решением ВВЦУ с рекомендации Верховного правителя была учреждена должность епископа армии и флота. Титул епископа армии и флота в РПЦ неизвестен. Церковное управление Сибири считало, что введение этой должности поможет поднять боеспособность армии и престиж военного духовенства. Пойти на столь беспрецедентный шаг, вполне вероятно, заставили крупные поражения на фронтах и случаи падения дисциплины в действующей армии. Главному священнику армии и флота протоиерею А. Касаткину было предложено высказать свое мнение относительно идеи введения новой должности. 6 октября 1919 г. протоиерей А. Касаткин составил на имя Верховного правителя А.В. Колчака историческую справку, касающуюся вопроса о возглавлении военного духовенства лицом в сане епископа, рассматриваемого во Временном высшем церковном управлении.

Отмечая, что «учреждение в России Управления военно-морским духовенством под властью особого духовного сановника именно из белого духовенства, а не епископа, явилось не случайно», священник в исторической ретроспективе рассматривает историю института военных священников Российской империи. Протоиерей А. Касаткин делал вывод, что возглавление военного духовенства духовным лицом в сане пресвитера оправдывается многолетним опытом управления военным духовенством, пользой дела и со-

[1] РГВА. – Ф. 40253 – Д. 4. – Л. 9–9 об.

ответствием такого управления с исключительными условиями военной жизни и быта. Изменить установившуюся традицию, тем более при наличии (на службе) протопресвитера военного и морского духовенства Георгия Шавельского, возможно лишь при разрешении этого вопроса в решениях законодательного органа[1].

Тем не менее, ВВЦУ не приняло во внимание доводы Касаткина и ввело должность епископа армии и флота. Член ВВЦУ профессор протоиерей И. Галахов в статье «Епископ армии и флота», обосновывая позицию церковного управления, отмечал, что повышение статуса главного военного священника должно способствовать укреплению дисциплины в среде военного духовенства, повышению религиозного духа в армии и даст возможность употреблять все меры воздействия, которыми не располагает пресвитер[2].

По нашему мнению, решение о возглавлении военного и морского духовенства «лицом в сане епископа» является исторически и канонически оправданным. Оно повышает статус руководителя ведомства, расширяет круг рассматриваемых им вопросов (вплоть до рукоположения священнослужителей). Что же касается епархиального статуса епископа, то, как и сегодня, он может являться викарием Святейшего патриарха. Ничего не мешает военному святителю быть и членом Священного синода. Реакция протоиерея Алексия Касаткина вполне понятна – в свете принятого решения о повышении уровня руководителя духовного военного ведомства его должность упразднялась.

Епископом армии и флота был назначен преосвященный Чебоксарский Борис (Шипулин), известный А.В. Колчаку еще со времен взятия Перми, когда владыка поднес ему икону св. Николая Чудотворца. Однако обстановка на фронте ухудшалась с каждым днем, и управление епископа армии и флота

---

[1] ГАРФ. – Ф. 140. – Оп. 1. – Д. 12. – Л. 61–63 об.

[2] *Галахов И., прот*. Епископ армии и флота // Русская армия. – 1919. – 23 октября.

было вынуждено практически сразу по назначении эвакуироваться в Иркутск вместе с правительственными учреждениями.

Одним из основных направлений деятельности по развитию духовного просвещения в армии было создание ВВЦУ Сибири отрядов проповедников, состоящих из наиболее подготовленных представителей священства и мирян. В данном случае ВВЦУ не принадлежит честь изобретения новой формы миссионерской работы. Еще протопресвитер военного и морского духовенства Георгий Шавельский в Первую мировую войну активно применял практику посылки на фронт проповедников, как столичных, так и провинциальных[1]. Тем более в условиях гражданской войны, рассматриваемой церковной властью как духовное противостояние, необходимо было постоянно разъяснять воинам цели и задачи борьбы.

А.Н. Кашеваров отмечает, что из 3,5 тысяч священнослужителей, находившихся на территории, занятой войсками адмирала А.В. Колчака, около 2-х тысяч человек составляло военное духовенство, бывшее в армии «сибирского правителя»[2]. Эта цифра представляется ошибочной, тем более что в структурах военного духовенства и ВВЦУ активно обсуждался вопрос о мобилизации даже приходских священников в действующую армию, вплоть до временного закрытия некоторых приходов. Благочинный 11-го армейского корпуса подчеркивал, что армия испытывала недостаток в лицах священного сана[3].

Состояние дел было обсуждено на заседании ВВЦУ. Присутствующий там Главный священник армии и флота прот. А. Касаткин высказался отрицательно по поводу принудительной мобилизации духовенства, мотивируя это тем, что на штатных местах в армиях имеются священники почти везде, за

---

[1] РГВА. – Ф. 40253. – Д. 1. – Л. 345.

[2] *Кашеваров А.Н.* Временные церковные управления на территориях, занятых белыми // История Русской Православной Церкви в XX веке (1917–1933): материалы конференции. – Ч. 1. – Мюнхен, 2002. – С. 74.

[3] Русская армия. – 1919. – 11 июля.

исключением Южной армии, сформированной позднее, и что острой нужды в священниках его ведомство не ощущает[1]. Тем не менее, было принято решение ускорить формирование проповеднических отрядов, составленных из наиболее грамотных священников и направить их на фронт, причем работу таких отрядов сделать постоянной. Членам отряда выдавалось суточное содержание в размере 25 рублей на человека при бесплатном проезде, как по железным дорогам, так и на лошадях для передвижения по воинским частям фронта. Сам отряд имел в своем распоряжении один из вагонов-церквей Омской железной дороги. Кроме того, каждый проповедник был снабжен документами от военного начальства и от Главного священника армии и флота для беспрепятственного проезда по фронту и для обращения к воинским частям[2]. Таким образом, можно предположить, что формирование проповеднических отрядов осуществлялось в дополнение недостаточной миссионерской деятельности войсковых священников.

Начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал-майор Лебедев 23 декабря 1918 г. разослал телеграммы генералу М.К. Дитерихсу, командующему Западной армии, и генералу А.И. Дутову, командующему Юго-Западной армии, с просьбой сообщить, желательно ли направление проповеднических отрядов в части войск Западного фронта с целью поднятия религиозного чувства. При этом предлагалось сообщить, в какие именно части желательно направить отряды в первую очередь[3].

К сожалению, не удалось найти точных сведений о количестве проповеднических отрядов, однако известно, что их деятельность осуществлялась регулярно, вплоть до поздней осени 1919 г. По-видимому, первый подобный отряд был отправлен на фронт 8 января 1919 г. С благословения Высшего церковного управления на фронт выехало Омское проповедническое форми-

---

[1] Русская армия. – 1919. – 25 июля.
[2] РГВА. – Ф. 40253. – Д. 1. – Л. 69.
[3] Там же. – Л. 74.

рование из трех священников, одного диакона и трех мирян. Задача отряда – подъем религиозно-нравственного духа и содействие укреплению начал государственности в сознании воинов[1].

Еще одна группа духовенства в составе протоиереев Леонида Покровского, Петра Рождественского, Михаила Орлова, диакона Федора Третьякова и мирян Ф.В. Качеровского, К.А. Болдакова и Б.Д. Сезеневского отправилась на Западный фронт 20 января 1919 г., имея своим ближайшим назначением Челябинск. Отряд проповедников отправлялся с целью провести ряд бесед в полках на фронте, в тылу в местах мобилизации солдат и на некоторых больших уральских заводах. Управление отрядом поручалось протоиерею Леониду Покровскому[2].

Согласно отчету благочинного 12-й Уральской стрелковой дивизии священника Безсонова, все проповедники в своих речах призывали воинов к сохранению веры Христовой, любви к родине и защите государства, к соблюдению строгой дисциплины в армии и к защите правительства в лице адмирала Колчака, ведущего к созыву Учредительного собрания, предупреждая воинов не верить льстивым и обманчивым речам «большевиков-предателей». 7 февраля в расположении 45-го полка в д. Тикеевка ораторы подверглись артиллерийскому обстрелу, несколько снарядов разорвались вблизи места беседы. Каждое собеседование сопровождалось общим пением и молитвой и оканчивалось кратким молением с провозглашением многолетия Верховному правителю. Благочинный в своем рапорте приветствовал начинание и благодарил самоотверженных проповедников[3].

В другой проповеднический отряд из Омска на фронт входили протоиерей М. Орлов, священники Н. Кощеев и И. Попов, диакон В. Ефимаков и отставной полковник В.П. Мельников. Кроме религиозно-просветительских за-

---

[1] Русская армия. – 1919. – 25 января.
[2] РГВА. – Ф. 40253 – Д. 1. – Л. 69.
[3] Там же. – Л. 342–342 об.

дач отряд должен был выполнить еще одну – отвезти на фронт подарки к Св. Пасхе. Проповедники направлялись на фронт в собственном вагоне-церкви, что повышало их мобильность и способствовало более полному окормлению воинов, выражающемуся в возможности совершения всех церковных Таинств. Отъезд из Омска состоялся заблаговременно, накануне Вербного воскресенья, но прибыть на передовые позиции к Пасхе проповедникам не удалось из-за многочисленных задержек в пути. В Уфу прибыли только в Великую Пятницу и там же встретили Пасху.

За свою работу отряд получил благодарность начальника 8-й Камской стрелковой дивизии, изложенную в отношении на имя протоиерея Михаила Орлова. Общее впечатление от посещения фронта проповедники вынесли самое хорошее. В конце концов, они пришли к заключению, что посылка отрядов на фронт весьма желательна и полезна в том отношении, что их просветительская деятельность служит живой связью тыла с фронтом. Вместе с тем, сравнивая настроение войск и населения фронта с настроением в тылу, они признали не менее важной для успеха военных операций работу в том же направлении в тылу[1].

О том, какое значение имела просветительская поддержка воюющих солдат, говорят, например, такие отчеты с мест, как статья-письмо «Самоотверженные проповедники» благочинного 12-й Уральской дивизии священника Безсонова[2]. Проповеднические отряды имели значительный резонанс не только среди солдат. Они вдохновляли и духовенство для более ревностного служения на местах. Военно-морское духовенство постановило по воскресениям совершать молебны об избавлении родины от бедствий и укреплении чад ее в борьбе за восстановление России[3].

---

[1] РГВА. – Ф. 40253 – Д. 1. – Л. 342–342 об.
[2] Сибирская Речь. – 1919. – 2 марта.
[3] Там же. – 15 февр.

24 июля 1919 г. было принято решение о создании проповеднических отрядов для всех фронтов. В войсках действовали такие отряды, сформированные из духовенства Тобольска, Омска, Томска, Иркутска[1]. Еще один отряд из Омска, состоящий из протоиерея Николая Ивановича Знаменского и миссионера Димитрия Архиповича Несмеянова, был командирован на фронт 19 сентября 1919 г[2]. Согласно заметке, опубликованной в газете «Русская Армия», Н.И. Знаменский – инспектор Пермской духовной семинарии, окончил Казанскую духовную академию кандидатом богословия. Отец Николай состоял членом Поместного собора от Пермского края. Николай Иванович Знаменский – знаток церковной службы, отличный проповедник. Д.А. Несмеянов – известный Оренбургский миссионер, окончил Казанскую духовную академию. Член Церковного собора, знаток церковной и государственной жизни[3].

Несмотря на то, что каждое посещение фронта проповедническими отрядами сопровождалось благодарственными письмами, у самой идеи их организации нашелся неожиданный противник в лице Главного священника армии и флота. Еще 14 ноября 1918 г., на стадии обсуждения, протоиерей А. Касаткин, в то время священник штаба 1-й Армии, в докладе на имя Верховного главнокомандующего подверг сомнению целесообразность приглашения приходских священников и тем более мирян в действующую армию. По его мнению, приглашение городского духовенства для совершения богослужений и проповеди в казармы может принести вместо пользы только вред: «Для произнесения хорошей проповеди, могущей захватить слушателей и повлиять на них, мало одного желания, надо иметь достаточные силы к этому – это, во-первых, а во-вторых, необходимо, чтобы проповедник знал развитие, быт, условия жизни солдата и его запросы (ума и сердца). Кто же

[1] *Эйнгорн И.Д.* Очерки истории религии и атеизма в Сибири (1917–1937 гг.). – Томск: Изд-во Томского университета, 1982. – С. 75.

[2] Русская армия. – 1919. – 19 сентября.

[3] Командирование на фронт проповедников // Русская армия. – 1919. – 19 сентября.

об этом может лучше знать, как ни полковой священник? Если, с точки зрения Омского епархиального духовенства, полковые священники оказываются малосильными справиться с задачей поднятия религиозности в войсках, то приходские священники, с утра до вечера занятые то уроками, то требами, а тем более и миряне, будут для этой цели уже совсем непригодны»[1]. То же самое, по его мнению, относится и к организации проповеднических отрядов[2].

Тем не менее, ВВЦУ не только не прекратило формирование проповеднических отрядов, но и планировало открыть в июле 1919 г. совместно с руководством штаба Верховного Главнокомандующего в Омске курсы для подготовки лиц, предназначенных для агитационной работы среди войск и населения. При этом организацию курсов (время, лекторов и оплату труда лиц, желающих отправиться на фронт для агитационных целей) брало на себя военное начальство. Высшее церковное управление, в свою очередь, обязывалось предоставить слушателей[3]. Согласие изъявили 14 человек (из Омска – 5 и других городов – 9). По неизвестной причине эти курсы не состоялись[4].

На наш взгляд, проповеднические отряды как форма миссионерской работы вполне заслужили право на жизнь и явились значительным подспорьем для военного духовенства. Солдаты действующей армии через проповедников ощущали заботу о себе со стороны тыла. Кроме того, объектом проповеди назначались не только воины действующей армии, но и тыловые формирования, призывные пункты и поселения прифронтовой полосы. Таким образом, проповедники выполняли миссионерскую работу во всей полноте, не суживая её рамками передовой. Высшее церковное управление, развивая проповедническое движение, поступало весьма справедливо, полагая, что именно в сфере проповеди и разъяснения задач государственного строитель-

[1] РГВА. – Ф. 40253. – Д. 1. – Л. 344–346.
[2] Там же. – Л. 346–348.
[3] Там же. – Д. 2. – Л. 221–221 об.
[4] Там же. – Л. 470.

ства нужно искать залог победы в Гражданской войне. Однако проводимые мероприятия и в силу недостаточной организованности, и в силу общих военных неудач не привели к достижению поставленной цели.

Можно сделать вывод о том, что ВВЦУ Сибири уделяло достаточное внимание церковной проповеди в действующей армии и, в частности, состоянию военного духовенства. Для военных священников устанавливался высокий образовательный и нравственный ценз. Духовный пастырь, окормляющий воинскую часть, получал достойное своему ответственному званию материальное обеспечение. Окормление православным духовенством воинов строилось на тех же принципах, что и в дореволюционной России. Каждый полк, лазарет и военное учебное заведение имели приписанного священника, осуществлявшего все пастырские мероприятия – богослужения, проповедь, духовные беседы, распространение агитационных материалов. В основном военные пастыри набирались из беженцев духовного звания, которых в Сибири находилось в то время до 3000 семей. Героизм военных священников носил массовый характер. В то же время условия Гражданской войны требовали от пастырей более четкой расстановки акцентов на духовное противостояние. Военные неудачи явились определяющими даже в этой духовной борьбе. Здесь можно усмотреть и долю вины православного духовенства, отчасти живущего еще категориями Синодального периода.

В начале октября 1919 г. решением ВВЦУ с рекомендации Верховного правителя была учреждена должность епископа армии и флота. ВВЦУ Сибири считало, что введение этой должности поможет поднять боеспособность армии и престиж военного духовенства. Пойти на столь беспрецедентный шаг, вполне вероятно, заставили крупные поражения на фронтах и случаи падения дисциплины в действующей армии.

III. Проблемы внутрицерковной жизни и их разрешение

3.1. Приходской вопрос

Одним из главных вопросов в деятельности Временного высшего церковного управления был приходской вопрос. Как уже отмечалось выше, приход мыслился ВВЦУ как основная государственно-церковная административная единица, вокруг которой должна была строиться жизнь в «белой» России. В связи с этим задачей церковной власти было формирование отвечающего потребностям времени Положения о православном приходе и претворение его в жизнь.

В постановлении Собора 1917–1918 гг. дано определение прихода: «Приходом в православной церкви называется общество православных христиан, состоящее из клира и мирян, пребывающих на определенной местности и объединенных при храме, составляющее часть епархии и находящееся в каноническом управлении своего епархиального архиерея, под руководством поставленного последним священника-настоятеля»[1]. Для решения вопросов, связанных с сооружением, ремонтом и содержанием храма, содержанием клириков и обеспечением их помещением, а также вопросов, касающихся избрания должностных лиц прихода, предлагалось не реже двух раз в году созывать приходские собрания, постоянно действующими органами которых являются приходские советы, состоящие из избранных на приходском собрании клириков, церковного старосты или его помощника и нескольких мирян[2].

Как уже отмечалось, Томское соборное совещание постановило немедленно вести в практику выработанный Поместным собором РПЦ приходской устав. Положение о приходе, принятое на Томском совещании, предлагало епархиальным советам организовать приходские советы, объединив их в

---

[1] Собрание определений и постановлений Священного собора Российской православной церкви. – М., 1918. – Вып. 3. – С. 13.

[2] Там же.

особый общеепархиальный Союз приходов. Политические цели этой системы сформулированы в постановлении Сибирского поместного собора о деятельности приходского духовенства, призывающего распространять принятый Всероссийским поместным собором 1917–1918 гг. приходской устав и проводить его в жизнь[1].

Решение Томского совещания вызвано, вероятно, непосредственным влиянием епископа Уфимского Андрея (Ухтомского), организовавшего подобный Союз в Уфимской епархии. Для выполнения поставленной задачи по проведению в жизнь приходского устава в епархиях издавались брошюры и памятки соответствующего содержания. Например, Енисейская епархия осуществила в апреле 1919 г. издание «Что такое православный приход?»[2], в котором было подробно разобрано положение о приходе, принятое на Поместном соборе 1917–1918 гг. Памятка имела практическую направленность и предназначалась каждому мирянину.

Газета «Сибирская речь» в заметке «Церковная жизнь» сообщила, что на прошедшем в начале июня 1919 г. заседании ВВЦУ было издано распоряжение епархиальным преосвященным о проведении в жизнь приходского устава, выработанного Всероссийским поместным собором в 1918 г. По этому уставу право назначения на церковнослужительские должности принадлежало епархиальному архиерею, который назначал лиц, предложенных приходским собранием. Председателем приходского собрания по уставу являлся приходской священник, а его помощниками могли быть и миряне. Наблюдение за правильной постановкой дела, а также ревизии приходских советов возлагались на епархиального архиерея[3]. Мы можем согласиться с И.Д. Эйн-

---

[1] Итоги Сибирского Поместного собора // Енисейские епархиальные ведомости. – 1919. – № 3. – С. 32–34.

[2] ГАРФ. – Ф. 140. – Оп. 1. – Д. 20. – Л. 1–4.

[3] Сибирская речь. – 1919. – 19 июня.

горном в том мнении, что правительство А.В. Колчака совместно с ВВЦУ пыталось создать новые органы власти на основе церковных приходов[1].

В ВВЦУ главным апологетом идеи создания прихода как культурно-просветительской экономически самостоятельной единицы управления был епископ Уфимский Андрей (Ухтомский). Как отмечал сам преосвященный Андрей, в Уфе при советской власти именно государственная необходимость заставила организовать приходы. Они были организованы по принципу внепартийности. В приходские организации входили представители разных сословий и партий. Прихожане вели большую работу в экономической области – при приходских общинах организовались мастерские. На выборах в городскую думу приходские организации Уфы получили больше всего голосов. Соединившись в блоке с мусульманами, они получили в думе абсолютное большинство и провели своих кандидатов на пост городского головы, председателя думы, членов управы, причем в президиум ими был проведен рабочий социал-демократ[2]. Подлинной трибуной епископа Андрея стала Златоустовская газета «Наше Возрождение», названия статей которой говорят сами за себя: «Краткая программа деятельности церковно-приходских советов»[3], «Призыв к интеллигенции», «Об организации новой народной православно-приходской партии»[4], «В правлении союза приходских советов г. Златоуста»[5], «Социализм и литургийность»[6], «Отделение церкви от государства»[7].

Как видим, политические устремления владыки Андрея шли далеко – он предлагал создать новую «народную православно-приходскую партию», исходя из предположения, что «новые обстоятельства требуют новых слов»[8].

---

[1] *Эйнгорн И.Д.* Очерки истории религии и атеизма в Сибири (1917–1937 гг.). – Томск: Изд-во Томского университета, 1982. – С. 72.

[2] Доклад епископа Уфимского Андрея // Сибирская речь. – 1919. – 13 мая.

[3] Наше Возрождение. – 1919. – 30 марта.

[4] Там же. – 6 апреля.

[5] Там же. – 13 апреля.

[6] Там же. – 1–8 июня.

[7] Там же. – 22 июня.

слов»[1]. По его мнению, прежде церковь враждебно относилась ко всякой партийности, но «когда партийность стала фактом, отрицать её не приходится»[2]. Надо только стараться, чтобы «эта партийность не переходила во взаимную враждебность и озлобленность, чтобы она была введена в границы приличия в слове и деле»[3]. Но позиция епископа Андрея по приходскому вопросу, да и не только по нему, была далека от общецерковной. Даже в среде той немногочисленной сибирской православной общественности, за умножение которой так ратовал владыка, она не получила признания. Константин Ларский в статье «Около церкви» высказал серьёзные и вполне обоснованные опасения в её соответствии христианской традиции[4].

В конце концов, позиция епископа Андрея вызвала обеспокоенность и во Временном высшем церковном управлении. Находившийся в Омске на майской сессии ВВЦУ профессор Томского университета протоиерей Иаков Галахов опубликовал в газете «Сибирская речь» статью «Позиция епископа Андрея», в которой подвергал жесткой критике позицию владыки. По его мнению, взгляд преосвященного Андрея на церковь напоминал взгляд типичного интеллигента. Вследствие этого владыка выдвигал на первый план в приходском вопросе не веру, а доброе дело, не Царствие Божие, а экономическую сторону. Он считал, что приходу нужно заняться кооперацией, торговлей, экономическим обеспечением своих членов. Путь, который указывал епископ Андрей, его оппонент назвал антиканоническим[5].

Неслучайно поэтому, когда при ВВЦУ был образован Совещательный приходский отдел, перед которым была поставлена задача разработать меры проведения в жизнь утвержденного Священным собором Российской церкви приходского устава, его заведующим был назначен не епископ Андрей (Ух-

---

[1] *Ларский К.* Около церкви // Сибирская речь. – 1919. – 22 мая.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] *Галахов И., прот.* Позиция епископа Андрея // Сибирская речь. – 1919. – 31 мая.
[5] Там же.

томский), а протоиерей В. Садовский[1]. Лицам, интересующимся приходским делом, предлагалось подавать свои письменные доклады, которые по рассмотрении заслушивались и обсуждались в отделе.

В дальнейшем епископ Андрей не оставил своих взглядов, продолжая выступать в печати по различным вопросам, в том числе и в отношении организации приходской жизни. К осени 1919 г. в связи с отступлением войск его предложения приобрели уже совсем экзотический характер – строить приходскую деятельность на местах он предлагал «…героической русской армии»[2].

После утверждения омским правительством 26 сентября 1919 г. церковных епархиальных и приходских уставов в качестве государственных законов епископ Андрей назвал этот день поворотным пунктом в истории русской церкви: «Омское правительство исправило двухвековую ошибку петербургского правительства и признало православный приход за единицу общественного самоуправления. Отныне православный приход, которому даны права юридического лица, может быть фундаментом для создания здоровой русской общественности»[3]. При этом у него нашлись последователи. Профессор Н. Фиолетов считал, что церковь должна участвовать в выборах в Государственное земское совещание именно через приходские организации[4]. В другой своей статье[5] профессор считал, что признание церковных уставов открывает широкую возможность для церковной общественности и для общественной деятельности церкви.

В целом церковно-приходская реформа не получила той поддержки верующего населения, на которую рассчитывало ВВЦУ. Епископ Томско-

---

[1] ГАРФ. – Ф. 140. – Оп. 1. – Д. 14. – Л. 10.

[2] *Андрей (Ухтомский), епископ.* Нужно организовать государственные элементы деревни // Русская армия. – 1919. – 21 сентября.

[3] *Андрей (Ухтомский), епископ.* Омское правительство и церковь // Русская армия. – 1919. – 3 октября.

[4] *Фиолетов Н.* Представительство церкви // Русское дело. – 1919. – 18 октября.

[5] *Фиолетов Н.* Церковная реформа // Русское дело. – 1919. – 16 октября.

Алтайской епархии вынужден был признать, что приходской устав встречал противодействие со стороны прихожан[1]. В.Г. Болдырев в своих воспоминаниях писал, что идея создания административно-религиозного прихода не имела успеха[2]. В чем же причина относительной неудачи приходской реформы? Почему религиозная структура не стала в полной мере объединяющим центром для проявления всей полноты человеческой жизни на территориях, освобожденных «белой» армией? И.Д. Эйнгорн видит причины в том, что «теократическая схема Царства Божия в рамках церковно-государственной организации не могла устранить классовых противоречий, была утопичной и реакционной. Трудящимся Сибири были чужды церковно-административные преобразования, а наступление Красной армии сорвало проведение церковной реформы»[3].

На наш взгляд, в полной мере можно согласиться лишь с последним утверждением. Именно решительное и победоносное наступление большевиков сорвало многие начинания и колчаковской власти, и ВВЦУ. Реформа прихода – предприятие долгосрочное и связанное, прежде всего с изменением личности человека, точнее – с воцерковлением. Неслучайно Константин Ларский говорил о том, что в церковную ограду должны войти только преображенные Божественным Словом человеческие начинания. Требовать такового в условиях Гражданской войны и наличия большого количества беженцев духовного и мирского звания было преждевременным. В чем-то приходская реформа была и утопичной. В первую очередь это касалось вопроса выборности клириков.

Тем не менее, несмотря на многочисленные препятствия, приходская жизнь сибирских епархий развивалась. В ноябре 1919 г. в Красноярске пла-

---

[1] Протоколы второго Томского епархиального собрания духовенства и мирян. – Томск, 1919. – С. 5.

[2] *Эйнгорн И.Д.* Очерки истории религии и атеизма в Сибири (1917–1937 гг.). – Томск: Изд-во Томского университета, 1982. – С. 73.

[3] Там же.

нировалась организация съезда представителей союзов приходских советов сибирских епархий и, кроме того, представителей епархий России, священники и беженцы которых находились в то время в Сибири. На заседании совета братства Св. Гермогена 15 октября выступил с докладом протоиерей Игнатьев (Екатеринбург) о съезде в Красноярске представителей союзов приходских советов. В Красноярск должны были съехаться, по замыслу организаторов, представители епархий Вятской, Сарапульской, Пермской, Екатеринбургской, Уфимской, Самарской, Оренбургской, Тобольской, Омской, Томской, Красноярской, Иркутской, Якутской, Благовещенской, Владивостокской, Читинской и Камчатской. Цель съезда декларировалась как информационно-ознакомительная: «Приходские деятели хотели познакомиться, узнать, что и как делается в каждой епархии и что можно сделать впредь».[1] Планировалось начать подготовку к организации всероссийского органа союзов приходских советов в Москве (видимо, считалось, что Москва скоро будет в руках «белой» армии). Идея Красноярского съезда братством св. Гермогена была одобрена, однако самому съезду не суждено было состояться в связи со скорым отступлением и сдачей Омска.

Даже после эвакуации Главного управления по делам вероисповеданий и ВВЦУ в Иркутск именно на развитие приходской жизни руководством этих структур возлагались особые надежды в деле церковно-государственного строительства[2].

Таким образом, можно отметить, что приходской вопрос был одним из центральных во внутренней деятельности церковного управления. Православный приход мыслился как основная государственно-церковная административная единица, вокруг которой должна была строиться жизнь в новой России. Уже Томское соборное совещание постановило немедленно вести в практику выработанный Московским поместным собором приходский устав.

[1] Сибирская речь. – 1919. – 17 октября.
[2] ГАРФ. – Ф. 140. – Оп. 1. – Д. 15. – Л. 6.

Положение о приходе, принятое на Томском совещании, предлагало епархиальным советам безотлагательно организовать приходские советы, объединив их в особом общеепархиальном Союзе приходов.

Развитие приходского вопроса проходило в полемике архиепископа Андрея (Ухтомского) с другими членами ВВЦУ Сибири с широкой православной общественностью. Члены ВВЦУ признавали справедливым, что приходская жизнь должна занимать в обществе значительное место, а сам православный приход стать государствообразующей единицей. Однако это могло произойти лишь при условии воцерковления большего числа крещеных чад церкви. До тех пор преобразования, основанные на «механическом» привлечении в церковную ограду человеческих предприятий, будут иметь характер утопических и скорее исказят саму приходскую жизнь, чем преобразят общество.

3.2. Проблемы формирования церковных структур и духовного образования

Временное высшее церковное управление приступило к исполнению обязанностей, возложенных на него Томским соборным совещанием, 9 декабря 1918 г. На своем первом заседании оно рассмотрело ряд вопросов:

Один из них – учреждение должности священников в отдельных частях армии и флота и управление ими. В связи с этим было постановлено, что положения об учреждении должности священников в воинских частях и об управлении военным духовенством через Главного священника армии и флота следует признать отвечающим существующим нормам и каноническим правилам. При этом было указано, что Главный священник армии и флота управлял военным духовенством временно впредь до момента восстановления связи с патриархом, а до этого момента находился в каноническом общении с Высшим временным церковным управлением[1]. Таким образом, члены ВВЦУ подчеркивали временный характер своей деятельности, что вводило их решения в область канонически допустимых.

Также было принято решение о временном замещении епископом Михаилом (Богдановым) Владивостокской кафедры[2].

На последующих заседаниях были рассмотрены другие вопросы:

13 декабря 1918 г. слушали прошение священника А. Смирнова о позволении ему вступить в ряды армии с оружием в руках. Постановили отклонить просьбу как несовместимую с духовным саном; командировали епископа Мефодия Петропавловского, второго викария Омской епархии, в Семиреченскую епархию для временного управления ею[3].

16 декабря в расположение ВВЦУ пришло известие о смерти архиепископа Иркутского Иоанна (Смирнова). Высшее церковное управление пору-

---

[1] Сибирский Благовестник. – 1919. – № 1. – С. 4.
[2] Там же.
[3] Там же. – С. 5.

чило совершить погребение преосвященному Мелетию, епископу Забайкальскому, совместно с Иркутским викарием Зосимой, епископом Киренским. Последнему поручалось управление овдовевшей кафедрой[1].

20 декабря 1918 г. было принято решение удовлетворить ходатайство командующего Сибирской армии генерал-майора П.П. Иванова-Ринова о награждении Главного священника армии и флота Алексия Русецкого саном протоиерея и Георгиевской лентой для ношения наперсного Креста[2]. Также на заседании в этот день был заслушан доклад члена ВВЦУ протоиерея В.П. Садовского об организации ряда лекций на станциях железных дорог по вопросам церковно-приходской жизни. Устройство таких лекций признано желательным. В этот же день было принято решение оповестить восточные заграничные церкви (японскую в Токио, китайскую в Пекине и американскую в Нью-Йорке) о том, что образовано Сибирским соборным совещанием в Томске Временное высшее церковное управление. В адрес указанных церквей выслано «Положение о ВВЦУ».

5 января 1919 г. решали вопрос о временном замещении Пермской кафедры ввиду убийства местных епископов, где постановили поручить временное управление Пермской епархией преосвященному Борису, епископу Чебоксарскому, викарию Казанской епархии. Епископ Борис прибыл в Пермь 14 февраля 1919 г. и вступил в управление Пермской епархией, при этом на ектениях его поминали как епископа Чебоксарского[3]. В этот же день ВВЦУ было постановлено оставить за Зосимой, епископом Иркутским, временное управление Якутской епархией до получения соответствующих распоряжений[4].

---

[1] Сибирский Благовестник. – 1919. – № 1. – С. 5.
[2] Там же.
[3] Пермские Епархиальные ведомости. – 1919. – № 1. – С. 8.
[4] Сибирский Благовестник. – 1919. – № 1. – С. 6.

5 февраля состоялось постановление ВВЦУ, которым были подчинены Главному священнику армии и флота все неподвижные военные церкви, а также состоящее при них духовенство[1].

25 февраля на заседании Временного высшего церковного управления слушался доклад протоиерея В. Садовского о необходимости для высшей церковной власти приступить к исполнению определений Священного собора РПЦ от 18 апреля 1918 г. в пунктах 1, 2, 3 и 4, указывающих установить возношение в храмах за богослужением особых прошений о гонимых за православную веру и Церковь. Также Поместный собор постановил «установить по всей России ежегодное молитвенное поминовение в день 25 января или следующий за ним воскресный день всех усопших в гонениях исповедников и мучеников; установить в понедельник второй седмицы после Пасхи во всех приходах, где были отдавшие жизнь свою за веру и церковь исповедники и мученики, крестные ходы к местам их погребения, с совершением торжественных панихид и прославлением их памяти»[2].

В связи с этим ВВЦУ Сибири постановило составить особое прошение для возношения в храмах на богослужении о гонимых за православную веру и церковь[3]. Форма прошений о гонимых за Святую церковь, возносимых в конце сугубой ектении, была такая: «Еще молимся о милости, жизни, здравии и спасении, посещении, прощении и оставлении грехов рабов Божиих, гонимых и страждущих за святую православную церковь и отечество наше»; «Еще молимся о упокоении блаженной памяти и оставлении согрешений преставльшихся рабов Божиих, умученных и убиенных за святую православную церковь и отечество наше (на заупокойной ектении)»[4].

11 мая 1919 г. на своем заседании ВВЦУ приняло важнейшее каноническое решение – о возведении в сан епископов архимандрита Софрония

---

[1] РГВА. – Ф. 40253. – Д. 1. – Л. 150.
[2] *Цыпин, В.* История Русской церкви, 1917–1990. – М., 1997. – С. 187.
[3] Пермские Епархиальные ведомости. – 1919. – № 2. – С. 43.
[4] Там же.

(Арефьева) и архимандрита Варлаама (Новгородского). Будущему владыке Софронию присваивался новый титул епископа Семиреченского и Верненского, викария Туркестанской епархии и поручалось управление Якутской епархией, а владыка Варлаам назначался епископом Соликамским, викарием Пермской епархии с временным управлением Сарапульским викариатством[1]. Не вдаваясь в рассуждения о достоинствах кандидатов – оба были ректорами семинарий (Иркутской и Оренбургской соответственно), людьми образованными, имеющими необходимый духовный и административный опыт, – необходимо выяснить вопрос о канонической оценке принятого решения, а именно – имело ли Временное церковное управление право распространять свою ответственность до такой степени, как избрание и рукоположение архиереев?

По канонам православной церкви избрание на епископскую степень осуществляется при участии первого архиерея области (в РПЦ – Святейшего патриарха и Священного синода при нем). Но именно этот принцип был в условиях Гражданской войны и наличия линии фронта наиболее труднособлюдаем. Таким образом, руководствуясь стремлением сохранить церковную иерархию, ВВЦУ создает в некоторой степени канонический прецедент, который в дальнейшем послужит примером к действию в 1920-е гг.

В связи с этим необходимо выяснить, какую оценку получили действия ВВЦУ Сибири у высшей духовной власти в лице Святейшего патриарха и Священного синода. На сегодняшний день неизвестно ни одного церковно-исторического документа, прямо оценивающего деятельность этой временной структуры. Косвенным же актом, по-видимому, одобряющим деятельность Сибирского и других временных управлений, можно считать известное Постановление Тихона, патриарха Московского, Священного синода и Высшего церковного совета № 362 от 20 ноября 1920 г., в котором, в частности,

[1] Сибирский Благовестник. – 1919. – № 3/4. – С. 1.

говорится: «В случае если епархия, вследствие передвижения фронта, изменения государственной границы и т.п. окажется вне всякого общения с Высшим церковным управлением, или само Высшее церковное управление во главе со Святейшим патриархом почему-либо прекратит свою деятельность, епархиальный архиерей немедленно входит в сношение с архиереями соседних епархий на предмет организации высшей инстанции церковной власти для нескольких епархий, находящихся в одинаковых условиях (в виде ли Временного высшего церковного правительства или митрополичьего округа или как-то иначе). Попечение об организации Высшей церковной власти для целой группы оказавшихся в вышеуказанном положении епархий, составляет непременный долг старейшего в означенной группе по сану архиерея»[1]. Не исключено, что появление этого документа вызвано деятельностью временных церковных структур Сибири и Юга России.

Таким образом, Высшая церковная власть в лице патриарха впоследствии легитимизировала деятельность Сибирского ВВЦУ, оправдав её сложными и уникальными историческими условиями. Как одобрение можно расценивать и тот факт, что впоследствии все кадровые решения, включая наградные, никем не оспаривались, и вопрос об их правомочности не поднимался. Кроме того, само назначение будущего епископа Софрония управляющим Якутской епархией носило временный характер до возвращения преосвященного Евфимия, епископа Якутского и Вилюйского. Поскольку преосвященный Евфимий не вернулся, епископ Софроний утверждался Якутским и Вилюйским[2].

В период с 25 февраля по 17 июня 1919 г. на своих еженедельных заседаниях, прерываемых постовыми и пасхальными службами, Временное высшее церковное управление рассматривало вопросы об утверждении членов епархиальных советов. Так, были утверждены:

---

[1] Церковные ведомости. – 1926. – № 17. – С. 6–7.
[2] Сибирский Благовестник. – 1919. – № 3/4. – С. 1.

25 февраля – Уфимский епархиальный совет,

4 марта – Оренбургский епархиальный совет,

10 марта – Енисейский и Омский епархиальные советы,

14 марта – Тобольский епархиальный совет,

1 апреля – Забайкальский епархиальный совет,

11 апреля – Пермский епархиальный совет,

15 мая – Владивостокский епархиальный совет,

1 июня – Томский епархиальный совет,

17 июня – Иркутский епархиальный совет.[1]

30 мая 1919 г. под председательством Сильвестра, архиепископа Омского, с участием членов ВВЦУ архиепископа Симбирского Вениамина, епископа Уфимского Андрея, профессора протоиерея И.И. Галахова, протоиерея Садовского, протоиерея И.В. Фигуровского и Д.А. Несмеянова рассматривалось заявление Главноуправляющего по делам вероисповеданий о вопросе по назначению пенсии за службу по духовно-учебному ведомству[2]. Из пояснительной записки ясно, что главное управление по делам вероисповеданий обращалось по этому делу с запросом в министерство финансов, которое рекомендовало придерживаться в данном случае старого порядка, согласно которому пенсии по духовно-учебному ведомству назначались из двух источников: государственного казначейства и духовно-учебного капитала.

Также на этом заседании слушали доклад комиссии ВВЦУ по рассмотрению проекта Главного управления по делам вероисповеданий о введении особого государственного налога на метрические документы, имеющие гражданское значение. По данному вопросу было постановлено признать возможным ввести налоги на документы, связанные с метрикацией населения. Плата за метрикацию населения всегда составляла существенную часть дохода православного причта. По решению ВВЦУ оплата указанного налога

[1] Сибирский Благовестник. – 1919. – № 3/4. – С. 2

[2] ГАРФ. – Ф. 140 – Оп. 1. – Д. 14. – Л. 8.

производилась при помощи особых метрикационных гербовых марок, а оплата бракоразводных свидетельств – на особой гербовой бумаге. Главное управление по делам вероисповеданий таким образом вводило единообразную форму самой метрикации для всех приходских общин всех вероисповеданий, находящихся на территории России[1].

Заседание 6 июня 1919 г. было посвящено награждению священнослужителей. При этом ВВЦУ считало себя вправе распоряжаться наградами не только низшими, но и высшими, в настоящее время требующими утверждения главной церковной власти в лице святейшего патриарха, – саном протоиерея и палицей. На указанном заседании палицей были награждены 17 протоиреев, саном протоиерея – 24 священника (1 – саном игумена), золотым наперсным крестом – 36 священнослужителей, подчиняющихся ВВЦУ епархий[2].

13 мая 1919 г. открылось заседание, посвященное неотложным церковным вопросам, которое продолжалось 10 дней[3]. 10 июня 1919 г. Временное высшее церковное управление рассмотрело проект содержания календаря (административный отдел) на 1920 г., предполагаемого к выпуску издательской комиссией при Главном управлении по делам вероисповеданий, и постановило одобрить представленный проект[4].

Газета «Сибирская речь» сообщала, что на своем заседании ВВЦУ разрешило вопрос о кремации трупов умерших[5]. Признавая недопустимым с православной христианской точки зрения сжигание трупов умерших, Высшее церковное управление нашло возможным в Приморской области в виду исключительных условий (эпидемии) дать согласие на сожжение трупов лиц,

---

[1] Сибирский Благовестник. – 1919. – № 3/4. – С. 2.
[2] Там же. – С. 3–4.
[3] Сибирская речь. – 1919. – 13 мая.
[4] ГАРФ. – Ф. 140. – Оп. 1. – Д. 14. – Л. 11.
[5] Сибирская речь. – 1919. – 28 октября.

умерших от холеры. Сжигание трупов должно было производиться с разрешения родственников умерших, с церковной молитвой.

Кроме того, ВВЦУ Сибири выпустило ряд обращений к армии и населению, разъясняющих характер своей деятельности. Первое обращение от имени управления «воинству, подвизающемуся на всех фронтах», составленное в ноябре 1918 г., указывало на повсеместную разруху, призывало встать «теснее около своего Верховного вождя, плотнее сомкнуть вкруг него свои ряды, чтобы защитить родину»[1].

Обращение от 20 июня 1919 г. носит выраженный нравственный характер. Для спасения отечества гражданам надлежало исправить свою жизнь, сделать её благочестивой и объединиться вокруг церкви Христовой. По мнению членов церковного управления, в тот момент долг христианина состоял в том, чтобы объединиться вокруг «благоверного правительства» в восстановлении порядка и «христолюбивого воинства», ведущего борьбу с врагами[2].

20 сентября 1919 г. Церковное управление обратилось к Верховному правителю с грамотой в связи с созывом Государственного земского совещания, в которой выражалась молитвенная поддержка этому начинанию[3].

В деятельности ВВЦУ и Омского правительства уделялось большое внимание вопросам духовного образования. Действующие на территории, окормляемой Церковным управлением Сибири, духовные учебные заведения – православные семинарии и училища – были взяты на частичное государственное обеспечение. Согласно утвержденному штатному расписанию, расходы на содержание одной семинарии только в части заработной платы составляли 42180 рублей в год[4]. Учреждения среднего духовного образования – епархиальные училища – по своему статусу распределялись на 3 класса. К

[1] Сибирский благовестник. – 1919. – № 1. – С. 15.
[2] Правительственный вестник. – 1919. – 20 июня.
[3] Там же. – 20 сентября.
[4] ГАРФ. – Ф. 140. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 23.

первому классу относились Пермское, Екатеринбургское, Челябинское, Томское, Иркутское, Уфимское. Ко второму классу – Барнаульское и Красноярское. И, наконец, к низшему, третьему, классу относились Соликамское, Камышловское, Ишимское, Бийское, Курганское и Тобольское духовные училища[1]. Соответственно, разнились и суммы на их содержание.

В Сибири была широко известна деятельность Екатеринбургского богословского института. «Минувшей зимой в Екатеринбурге с большим успехом действовал Народно-богословский институт, где православные верующие люди могли восполнить свое духовное развитие и расширить круг богословских знаний», – писал в 1919 г. журнал «Вестник Омской церкви»[2].

Идея организации пастырских курсов, высказанная на Томском соборном совещании, получила свое воплощение также в Екатеринбургской епархии в 1919 г. В Омской епархии, где не существовало духовной семинарии и отсутствовали подготовленные кандидаты священства, этот проект вызвал большой интерес[3]. Устав и программа Екатеринбургских пастырских курсов были перепечатаны в официальной части «Вестника Омской церкви» (1919. № 11/12).

Вопрос об открытии епархиальной пастырской школы обсуждался и в Красноярске, где имелся опыт учреждения пастырских курсов при Духовной семинарии, с разрешения святейшего синода еще в январе 1917 г. Собрание представителей духовно-учебных заведений и епархиальных учреждений, созванное по предложению епископа Енисейского и Красноярского Назария (Андреева) 21 марта (3 апреля) 1919 г. приняло документ, в котором указывалось, что специальная пастырская школа даже при наличии духовной се-

---

[1] ГАРФ. – Ф. 140. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 34.

[2] *Поселянин Е.* Проект пастырских курсов в Екатеринбургской епархии в 1919 г. // Вестник Омской церкви. – 1919. – № 11/12. – С. 5.

[3] Там же. – С. 5–6.

минарии очень нужна[1]. Пастырские курсы, открытые в Красноярске 8 января 1917 г., должны были быть двухгодичными. Перед ними ставилась цель подготовки к служению, как духовных, так и светских лиц[2].

Необходимо сказать о проекте учреждения богословского факультета при Томском университете и Практической академии, разрабатывавшемся в Сибири комиссией при Главном управлении по делам вероисповеданий. Эти учебные заведения должны были принимать лиц обоего пола со средним образованием. Практическая академия с двухлетним курсом «практических прикладных наук православного богословия» имела основной задачей подготовку священников православной церкви[3]. Вопрос об открытии Духовной академии в Сибири стоял в повестке дня Томского соборного совещания, которое приняло специальное постановление по этому поводу[4]. Однако решение вопроса откладывалось из-за отсутствия материальных средств. Член ВВЦУ профессор Томского университета протоиерей Иаков Галахов на Соборном совещании предложил вместо дорогостоящей академии открыть при Томском университете богословский факультет. В своей статье «Духовная академия или богословский факультет» протоиерей обосновывал это предложение тем, что правительство охотнее дало бы средства на факультет, чем на академию. Эту точку зрения разделял и представитель Министерства народного просвещения.

---

[1] Программа вопросов, подлежащих обсуждению очередного Епархиального Собрания // Енисейские Епархиальные Ведомости. – 1919. – № 4. – С. 46–47.

[2] *Сорокин В., прот., Бовкало А.А., Галкин А.К.* Духовное образование в Русской Православной Церкви при святейшем Патриархе Московском и всея России Тихоне (1917–1925) // Христианское чтение. – 1992. – № 7. – С. 34.

[3] Высшая богословская школа // Енисейские епархиальные ведомости. – 1919. – № 6. – С. 16.

[4] *Иванов П., священник.* Сибирское соборное Церковное Совещание // Тобольские Епархиальные Ведомости. – 1918. – № 34. – С. 330–331.

Обосновывая далее идею открытия богословского факультета, Иаков Галахов писал, что отечественное университетское образование при отсутствии богословских факультетов не имеет необходимой полноты[1].

Богословский факультет Томского университета предполагал наряду с изучением христианского богословия преподавать и изучение нехристианских религиозных учений. Вводилась специализация: 1) библейская, 2) богословско-философская, 3) церковно-историческая, 4) богословско-словесная и 5) церковно-практическая. Предполагалось установить четырехгодичный курс для богословского факультета, и открыть доступ в него как для мужчин, так и для женщин[2].

Подобного межрелигиозного учебного заведения в русской истории никогда не было. Единственный богословский факультет при университетах дореволюционной России существовал с 1802 г. в Юрьеве (Дерпте, ныне Тарту), но он носил конфессиональный протестантский характер. Сроком открытия богословского факультета в Томске намечалось начало 1919/20 учебного года[3]. Но по причине военных неудач открытие этого факультета не состоялось.

ВВЦУ осуществляло окормление православной паствы на территории, занятой «белой» армией, во всей полноте. Замещение архиерейских кафедр, новые хиротонии свидетельствуют о высокой степени канонической свободы, вызванной решениями Поместного собора РПЦ. Вообще в решениях Сибирского церковного управления можно увидеть первые примеры проведения в жизнь постановлений Поместного собора – от установления особого

---

[1] Сибирская жизнь. – 1919. – 30 января.

[2] К открытию богословского факультета при Томском университете // Вестник Омской церкви. – 1919. – № 11/12. – С. 16.

[3] *Сорокин В., прот., Бовкало А.А., Галкин А.К.* Духовное образование в Русской Православной Церкви при святейшем Патриархе Московском и всея России Тихоне (1917–1925) // Христианское Чтение. – 1992. – № 7. – С. 40.

дня поминовения погибших в большевистских гонениях до коррекции списка поводов к разводу.

Образовательная политика Временного высшего церковного управления отражала стремление иерархов придать духовному образования статус государственного и общественного дела. Это вполне отражало характер архиепископа Сильвестра Омского – приверженца церковного просвещения. Кроме того, мысль об открытии богословского факультета при Томском университете – старейшем высшем учебном заведении Сибири – опередила своё время, как оказалось, на 75 лет. Другое дело, что, на наш взгляд, этот факультет должен был носить не межрелигиозный характер, а выполнять образовательный заказ одной из традиционных конфессий, как это и реализуется сегодня в большинстве подобных учебных заведений страны.

IV. Антибольшевистская борьба ВВЦУ. Прекращение деятельности ВВЦУ

4.1 Проповеди, крестные ходы и выступления в печати в поддержку правительства адмирала А.В. Колчака

Антибольшевистская деятельность ВВЦУ Сибири имела для его членов самое приоритетное значение. В силу своего сана и положения они не строили иллюзий относительно возможных изменений в настроении коммунистических правителей, отдавая себе отчет в неизбежности гонений на церковь в случае поражения колчаковской армии. Вследствие этого Церковное управление использовало все доступные православному священнослужителю средства для организации систематической работы – обращения к братским православным церквям и представителям инославных конфессий, крестные ходы, издание проповеднических листков, канонические запрещения и анафематствования, благословение солдат на поле брани и т.п. Например, 7 июня 1919 г. в Успенском Кафедральном соборе архиепископом Сильвестром Омским был отслужен молебен по случаю годовщины падения власти большевиков в Омске. Он выступил с проповедью перед войсками о необходимости продолжать борьбу за спасение России. Затем на площади перед собором состоялся торжественный парад войск, на котором присутствовал и сам А.В. Колчак[1].

3 февраля 1919 г. Церковное управление Сибири направило в Париж католическому архиепископу, в Лондон – архиепископу Кентерберийскому, в Рим – Папе Римскому, в Нью-Йорк – архиепископу католической церкви, в Белград – митрополиту Сербскому, в Бухарест – митрополиту Бухарестскому, в Афины – митрополиту Афинскому послания. В них сообщалось, что советская власть преследует все религии и их представителей и уничтожает

[1] Правительственный Вестник. – 1919. – 12 июня.

почитаемые памятники религиозных культов[1]. Отмечалось, что только Сибирь и Приуралье изгнали большевиков и под защитой закона устраивают свою гражданскую и церковную жизнь. В конце выражалась надежда на христианское участие и высказывалась просьба к окормляемой пастве посочувствовать и помолиться «Владыке жизни и смерти о столь страждущих за Имя Христово исповедниках XX столетия на северо-востоке Европы»[2]. Необходимо отметить, что данное послание не являлось, как выразился И.Д. Эйнгорн, «выдумками для получения военной помощи от иностранных государств»[3]. Во-первых, большинство фактов, приведенных в нем, – истина, а во-вторых, для составителей послания, верующих христиан и церковных деятелей, именно молитва считалась важной и действенной помощью.

Основываясь на данных архиепископа Сильвестра, госсекретарь Ватикана кардинал Гаспари 12 марта послал В.И. Ленину телеграмму следующего содержания: «Из осведомленного источника сообщают, что члены Вашей партии преследуют служителей Бога, особенно исповедующих православие. Святейший Отец Бенедикт XV заклинает Вас строжайше приказать, чтобы воздавалось должное уважение священникам, к какой бы религии они ни принадлежали»[4].

Папа ответил ВВЦУ телеграммой: «Являясь наместником Того, Кто есть Князь мира, мы воссылаем к небу горячие молитвы о том, чтобы мир и спокойствие как можно скорее вновь водворились в России и чтобы вам способствовали все утешения и небесная помощь, о которых мы слезно молимся. Папа Бенедикт XV» [5].

---

[1] Сибирский благовестник. – 1919. – № 1. – С. 12.

[2] Там же.

[3] *Эйнгорн И.Д.* Очерки истории религии и атеизма в Сибири (1917–1937 гг.). – Томск, 1982. – С. 66.

[4] *Роод В.* Рим и Москва. Отношения между Святым Престолом и Россией (Советским Союзом) в период от Октябрьской революции 1917 года до 1 декабря 1989 года. – Львов. 1995. – С. 89.

[5] Сибирская Речь. – 1919. – 12 февраля.

Архиепископ Кентерберийский в ответ прислал телеграмму следующего содержания: «Тяжкие гонения и жестокие страдания, испытываемые ныне Русской церковью, которые Вы описываете в посланной ко мне телеграмме, причиняют мне неизъяснимое горе. Пастыри и паствы, от имени которых Вы взываете ко мне, могут быть уверены, что мы не пощадим усилий к тому, чтобы внушить нашим соотечественникам ясное сознание обо всех переживаемых вами ужасах и усердно будем содействовать всем мерам помощи, которые будут союзными правительствами признаны осуществимыми. Молим Бога и Христа Спасителя, да пошлёт Он вам радостное избавление от страданий».[1]

В ответ на переданное сообщение греческий синод постановил:

«1. В праздник Православия отслужить во всех церквах панихиды по убиенным и произнести в Афинах и главных епархиях разъяснительные речи;

2. Прибавить к ектении особые прошения eucholgion;

3. Послать копии документов патриархатам;

4. Просить Венизелоса обратиться к Ватикану с просьбой стараться улучшить положение страдающей русской Церкви…

5. Просить Американскую церковь, Архиепископов Кембриджа и Йорка приложить все усилия к прекращению преследований русского православия;

6. Приказать Синодальному Епитропу и греческим священникам в Европе выработать общую молитву за страждущих;

7. Стараться войти в сношение с Патриархом Тихоном для выражения соболезнования»[2].

Если говорить о «пастырских» средствах воздействия на души людей, то в первую очередь необходимо осветить деятельность по организации кре-

---

[1] Сибирский благовестник. – 1919. – № 1. – С. 12.
[2] Там же. – С. 13.

стных ходов на территории, подконтрольной ВВЦУ Сибири. Согласно церковной традиции крестный ход есть торжественное шествие с крестом, хоругвями и иконами, сопровождаемое молебнами по тому или иному случаю. В РПЦ можно выделить несколько основных поводов совершения такой формы молебствия: 1) определенные постоянные (престольные) праздники, дни святых и чудотворных икон; 2) молебны по конкретным обстоятельствам, потребностям (требы) (начало и конец сельскохозяйственных работ, первый выгон скота, засуха, непрерывные дожди, эпидемии и эпизоотии, необходимость освятить определенные места (перекрестки, колодцы и др.)); 3) молитвословия, связанные с нашествием неприятеля, и вообще крестные ходы в действующей армии с использованием чудотворных икон и мощей.

Особняком, но одновременно в соответствии с духом особенного молебна, связанного с нашествием неприятеля, стоят те несколько крестных ходов, которые были совершены архиепископом Сильвестром в 1919 г. Владыка при поддержке подчиненного ему духовенства, всех военных священников, находившихся в Омске, а также беженцев духовного звания совершил общегородские молитвенные шествия с целью укрепления духа омичей, действующей армии и всех верующих людей[1]. Неслучайно было и выбрано время крестных ходов – перед весенним наступлением и в период отхода действующей армии на восток, когда люди нуждались в наибольшем духовном укреплении.

Омская газета «Русская армия» от 23 марта 1919 г. сообщила, что в этот воскресный день состоялся общегородской крестный ход с чтимым списком иконы Николая Чудотворца, находящейся на Никольских воротах Московского Кремля, с которой связано известное чудо избавления от поругания[2]. По воспоминаниям премьер-министра П.В. Вологодского, она пред-

---

[1] РГВА. – Ф. 40253. – Д. 2. – Л. 60.

[2] Вот что говорит об этой иконе газета «Русская армия» от 25 марта 1919 г.: «Икона представляла собой точный список расстрелянного большевиками образа Святителя Ни-

ставляла собой «копию образа на Никольских воротах в Кремле, послереволюционных дней 1917 года, из уральских камней…»[1]. Этой иконой преосвященный Борис, епископ Чебоксарский, в то время управляющий Пермской епархией, благословил Верховного правителя А.В. Колчака при посещении им на фронте войск 19 февраля 1919 г. На иконе имелась знаменательная надпись: «Проведением Божиим поставленный спасти и собрать опозоренную и разоренную Родину, прими от православного града первой спасенной области дар сей – святую икону, и да поможет тебе Всевышний Господь и Угодник Святый Николай достигнуть сердца России – Священной Москвы. В день посещения Перми 19 февраля 1919 г.».

Через неделю, 30 марта, был совершен крестный ход уже через весь город с заходом во все храмы центральной его части и совершением литии на Казачьем кладбище. Во всех храмах настоятели приветствовали крестоходцев проповедями, у каждого храма производились сборы на подарки воинам, которыми руководили церковные старосты[2]. Закончилось молитвенное шествие у дома А.В. Колчака, где также совершилось молебное пение, и было провозглашено многолетие богохранимой державе Российской и Верховному главнокомандующему[3]. Не только православные организовывали свои молитвенные шествия. 26 августа в Омске состоялся первый старообрядческий крестный ход, который привлек массы народа.

колая Чудотворца, находящегося на Никольских воротах Московского Кремля. Ни одна пуля не коснулась лика Святителя, а все они дивно легли частью венцом над головой его, частью окоптили ризу. По свидетельству очевидцев, к 1 мая святая икона была кощунственно завешена красной материей. У ворот стояли часовые, никого не пропускавшие в Кремль. После 1 мая материя оказалась разорванной как раз над ликом лучами во все стороны. В последующие дни разрыв красного полотна постепенно увеличивался, а в день Св. Николая Чудотворца, 22 мая, материя упала на землю и оказалась полуистлевшей. Верующий народ видел в этом чудо Божие и толпами собирался для поклонения и совершения молебнов».

[1] Дневник П.В. Вологодского // За спиной Колчака: документы и материалы / под ред. А.В. Квакина. – М., 2005. – С. 47–302.

[2] РГВА. – Ф. 40253. – Д. 1. – Л. 326 об.

[3] С Крестным ходом вокруг Омска // Русская армия. – 1919. – 3 апреля.

В сентябре и октябре 1919 г. в Бийске и Барнауле обществом Святителя Гермогена устраивались крестные ходы с целью укрепления духа в районах, наиболее подверженных партизанскому движению[1]. В начале сентября 1919 г. состоялось перенесение святых мощей Иоанна, Митрополита Тобольского из Тобольска в Томск по старому Сибирскому тракту, которое сопровождалось торжественными богослужениями, антибольшевистской проповедью с призывами о защите святыни от надругательства безбожной власти[2]. В действующей армии также регулярно устраивались молебные шествия, часто связанные с награждением отличившихся солдат и офицеров. Зачастую награды вручали священники[3].

В сентябре, когда напряжение на фронте достигло своей высшей точки, и всерьез встал вопрос о дальнейшем существовании «белой» власти, был совершен другой крестный ход, носивший уже характер покаяния в грехах. В этот период многими уже осознавалась большая вероятность и даже неизбежность военного поражения, поэтому молебное шествие можно рассматривать не столько как просьбу о даровании победы, сколько как средство укрепления духа и тех, кто планировал уйти с отступающей «белой» армией, и тех, кто намеревался остаться. В этом смысле мы можем выделить 4-й, особенный тип крестохождения, направленный не на достижение просимого, а в первую очередь на духовное очищение молящихся. В этот день по желанию и инициативе верующих духовной властью был объявлен День покаяния и молитвы. Во вторник, 2 сентября, во всех церквях Омска были отслужены всенощные бдения с всенародным покаянием, а на следующий день, в среду,

---

[1] *Флеров В.С.* Контрреволюционная роль церковников и сектантов на Дальнем Востоке в 1918–1923 гг. // Ученые записки Томского Государственного университета. – Томск: Изд-во Томского университета, 1959. – № 37. – С. 77.

[2] Там же.

[3] *Эйнгорн И.Д.* Очерки истории религии и атеизма в Сибири (1917–1937 гг.). – Томск: Изд-во Томского университета, 1982. – С. 75.

3 сентября, после Божественной литургии и акафиста Святому Кресту совершены крестные ходы к Успенскому Кафедральному собору.

Перед началом молебна высокопреосвященный Сильвестр обратился к народу с кратким словом, в котором сравнил «совершающиеся сейчас и переживаемые нами» события с тем, что было почти 2000 лет тому назад на Голгофе. Вслед за преосвященным Сильвестром к народу обратился со словом инспектор Пермской семинарии, который приводил примеры чудесной помощи Божией воинству. Молебен закончился около двух часов дня, и крестные ходы при исполнении оркестром гимна «Коль славен Наш Господь в Сионе», сопровождаемые своими прихожанами, стали расходиться каждый к своей церкви. Характерно, что в этот день в Омске были закрыты все места увеселений[1]. Позднее, 27 сентября 1919 г., в праздник Воздвижения Креста Господня Временное церковное управление обратилось к гражданам с очередным воззванием «Люди Русские, Православные!», в котором наряду с призывами к защите отечества, звучала и проповедь о необходимости участия в выборах в Государственное земское совещание через приходские организации[2].

Другим средством воздействия на общественное сознание (сегодня бы мы говорили о приемах информационной борьбы) было издание пропагандистских и информационных листков, а также статей в средствах массовой информации, призывающих верующих людей к защите своих святынь. Согласно определению ВВЦУ от 11 июля 1919 г. в газете «Русская армия» была опубликована статья «Запрещает ли Христос Спаситель христианам участие в войне? Можно ли воевать с большевиками?». В ней большевики характеризуются как «темные силы зла», которым противостоят «верные сыны Родины… стремящиеся к тому, чтобы в России царствовали мир и порядок, чтобы каждый гражданин трудился и пользовался плодами своих тру-

[1] День покаяния и молитвы // Русская армия. – 1919. – 5 сентября.
[2] Сибирская речь. – 1919. – 8 октября.

дов… чтоб всем жилось привольно, спокойно и безопасно… чтобы веровали и молились Богу так, как каждому повелевает его совесть»[1]. Далее большевики именуются изменниками и предателями своей Родины, изгоняющими из жизненного обихода христианскую религию. После перечисления всех беззаконий «социалистов-большевиков» был поставлен вопрос: «Должны ли православные христиане стать на защиту Родины и своих гонимых и умерщвляемых братьев или предоставить злодеям безнаказанно продолжать опустошения и разорение Отечества?» Подобная постановка вопроса обосновывалась тем, что в то время нередко встречались агитаторы, утверждающие, что Христос запретил своим последователям всякое сопротивление врагам вооруженной силой, и что поэтому христианам нельзя вступать в ряды войск, ведущих борьбу с большевиками, тем более что среди большевиков много русских – братьев по крови и языку. Церковное управление напоминало, что среди христианских мучеников было немало воинов, а русские святые благословляли их на ратное дело. Кроме того, существуют справедливые войны, например, с целью освобождения угнетенных народов. И именно такой характер освободительной войны присваивало ВВЦУ Гражданской войне. А раз так, то, по мнению духовенства, участие в этой войне не только не грешно, но и представляет собой христианский подвиг. Таким образом, большевизм рассматривался прежде всего как явление антирелигиозное, которое требовало духовного противостояния.

Активно вели издательскую деятельность общества «Святителя Гермогена», «Святого Креста» и местные епархиальные братства. Особенно деятельно по распространению религиозной литературы работали Иоанно-Дмитриевское братство в Тобольске и братство св. Димитрия в Томске. В Омске в виде брошюры был издан доклад протоиерея Садовского, описывающий «зверства большевиков», а также большим тиражом выпущены аги-

[1] Русская армия. – 1919. – 13 июля.

тационные брошюры «Большевики и церковь», «Восемь суток с солдатами в теплушке» и др.[1] Во все епархии были направлены тексты проповедей и лекций «Социал-демократия и религия», «Как должно разуметь пришествие антихриста?», распространялись издания «О волках в овечьей шкуре», «Что сделал Патриарх Тихон для церкви и Родины», «О поругании святых мощей». В Уфе издавался журнал «Уфимский церковно-народный голос», в Барнауле – «К свету», газета «Сибирский старообрядец», в Иркутске – «Голос Церкви». В томской епархиальной типографии была издана брошюра Е. Аносовой «Братство социалистическое и братство во Христе», в которой проводилась мысль, что только церковь способна создать братство, где снимутся противоречия между классами общества и не будет классовой борьбы, Б.П. Иванова «Церковь и революция», «Помрачение кумиров». П. Ильинский в своей брошюре «Всемирные заговорщики» рассматривал революцию как борьбу Христа и антихриста.

В Омске выходили военно-патриотический журнал «За Русь Святую» и издание Временного высшего церковного управления «Сибирский благовестник». Судьбы последних изданий драматичны и во многом показательны для характеристики информационного и духовно-нравственного противостояния. Журнал «За Русь святую» задумывался как издание духовно-патриотическое, способное «дать ответы на недоуменные вопросы воина, ослабить и уничтожить влияние большевистской литературы на нижний пласт армии»[2]. Как следовало из доклада священника ставки О.А. Букаева на имя главного священника армии и флота А. Касаткина, целью нового издания было предоставление «разумного и нравственного чтения воину-христианину и гражданину вообще, оказание помощи военному духовенству в его пастырской деятельности в войсках, нравственной поддержки всем тем, кто тру-

[1] *Флеров В.С.* Контрреволюционная роль церковников и сектантов на Дальнем Востоке в 1918–1923 гг. // Ученые записки Томского Государственного университета. – Томск: Изд-во Томского университета, 1959. – № 37. – С. 76.

[2] РГВА. – Ф. 40253. – Д. 3. – Л. 29–29 об.

дится в деле возрождения России и русской армии, укрепление чувства любви к родине в воине и гражданине»[1].

Программа журнала предусматривала следующие разделы: религиозно-нравственный (христианской этики), апологетическо-миссионерский, патриотический, церковно-общественный, официальный. Планировалось, что журнал станет чтением не только военного, но и просто верующего человека. 8 июля 1919 г. в рапорте, направленном в Высшее церковное управление, протоиерей А. Касаткин докладывал о готовности его управления к выпуску первого номера журнала «За Русь Святую», на что получил соответствующее благословение[2]. Однако, кроме благословения, для скорого выхода в свет издания необходимо было и наличие типографских мощностей, в которых в условиях военного времени ощущался значительный недостаток. В связи с этим 16 июля 1919 г. на имя Министра внутренних дел поступила записка протоиерея П. Рождественского с предложением реквизировать находящуюся в Кокчетаве типографию Шеломенцева для печатания нового журнала[3]. В ответ на это предложение из отделения по делам печати Департамента общих дел 30 июля 1919 г. поступило указание, что отделение не считает возможной реквизицию типографии Шеломенцева, так как в случае её вывоза город лишится единственной типографии[4]. В конце концов, 6 августа 1919 г. Главный священник армии и флота был вынужден обратиться к командующему 3-й группой 2-й Армии генерал-майору Вержбицкому с просьбой передать во временное пользование одну из свободных типографий для печатания журнала[5].

Только в конце августа 1919 г., через пять месяцев после принятия решения об издании, журнал «За Русь Святую» увидел свет. На лицевой сторо-

---

[1] РГВА. – Ф. 40253. – Д. 3. – Л. 22.
[2] Там же. – Л. 74.
[3] Там же. – Л. 115–115 об.
[4] Там же. – Л. 118.
[5] Там же. – Л. 119.

не журнала были размещены фотографии Верховного правителя Адмирала А.В. Колчака и Святейшего патриарха Тихона – лиц, символизирующих идею борьбы за Святую Русь[1]. «Имя Верховного Правителя стало для нас знаменем национально-патриотического дела, как имя патриарха Тихона – знаменем дела церковного», – говорилось в передовице журнала[2]. 8 сентября 1919 г. редакция журнала получила положительный отзыв от начальника отдела печати Осведомительного управления штаба Верховного главнокомандующего на первый номер. В то же время было высказано пожелание усилить общедоступную сторону издания совместно с религиозной. Отдел печати подписался на 2000 экземпляров издания[3]. Только в 20-х числах октября 1919 г. вышел второй и последний номер журнала, когда положение на фронте имело уже катастрофический для «белых» характер и убеждения духовно-нравственного и патриотического характера слабо воспринимались отступающими войсками[4].

Не лучше обстояло дело и с печатным органом Высшего церковного управления – «Сибирским благовестником». Еще Томское соборное совещание в ноябре 1918 г. постановило учредить этот журнал, планируя сделать его еженедельным[5]. Однако первый номер издания вышел только в марте 1919 г. Как объяснялось в передовой статье, «вследствие затруднений, вызванных технической неподготовленностью типографии»[6]. В дальнейшем, правда, редакция обещала принимать все меры к тому, чтобы печатание происходило своевременно и без перерыва. Однако свет увидел только ещё один полноценный номер (№ 2) «Благовестника» в марте и неполный номер (№ 3/4), содержащий лишь официальную часть, в первой половине июня

[1] РГВА. – Ф. 40253. – Д. 3 – Л. 120.
[2] За Русь святую. – 1919. – № 1. – С. 2.
[3] РГВА. – Ф. 40253. – Д. 3. – Л. 144–144 об.
[4] Там же. – Л. 172.
[5] Томские епархиальные ведомости. – 1919. – № 2. – С. 4.
[6] Сибирский Благовестник. – 1919. – № 1. – С. 1.

1919 г. Как справедливо заметил член ВВЦУ протоиерей Иаков Галахов в своей статье «Судьба “Сибирского благовестника”», молодое издание ВВЦУ «завяло, не успев расцвести, и его краткая история оказалась весьма поучительна»[1], притом что польза и необходимость общецерковного органа, осознанная на Томском соборном совещании, казалась очевидной.

И. Переев в своей статье «Борьба за веру» с сожалением констатировал, что одним из самых крупных недостатков борьбы за религию являлось недостаточное понимание силы печатного слова. «Неорганизованность церковной издательской деятельности, нежелание выступать в популярных органах и писать доступно для широкого круга читателей, наблюдаемые со стороны некоторых представителей богословской науки, – всё это создает неблагоприятную обстановку для борьбы с торжествующим неверием большевизма»[2]. По мнению автора, с которым трудно не согласиться, главной задачей для Временного церковного управления, если только оно хотело направить начавшееся в народе религиозное движение в церковное русло и облегчить борьбу крестоносных дружин с большевиками духовной помощью, являлось создание религиозного периодического издания для распространения в широких народных массах.

Таким образом, ВВЦУ не удалось создать ни одного читаемого широким кругом людей религиозного печатного органа. Это отнимало у церковных кругов самое сильное в то время орудие борьбы – печатное слово. Но время было упущено, так как начавшееся на фронте отступление не позволило осуществиться этим пожеланиям. Интересно, что впоследствии, на суде «колчаковских» министров в мае 1920 г., Л.И. Писарев заявил, что он сознательно не издавал журнал «Сибирский благовестник» далее второго номера,

---

[1] *Галахов И.* Судьба «Сибирского благовестника» // Русская речь. –1919. – 26 сентября.

[2] *Переев И.* Борьба за веру // Русская армия. – 1919. – 19 сентября.

поскольку «это не соответствовало его убеждениям»[1]. Думается, что подобные заявления не стоит рассматривать всерьез, поскольку Писарев к тому времени находился под наблюдением врачей-психиатров[2].

Еще одним средством информационной борьбы с большевизмом являлся выпуск листовок и прокламаций. Данную печатную продукцию можно условно разделить на два вида – откровенно антикоммунистическую и просветительскую, связанную с разъяснением смысла «белого» дела.

К первому виду, например, относятся листовки, напечатанные в Томской типографии «Господи, спаси нас, мы погибаем!», «Христианство и социализм»[3]. В послании «Православные христолюбивые воины, братья рабочие и крестьяне!» большевизм сравнивается с сектантством, занесенным также из Германии. «Если на знамени сектантства написано: “У нас святость, идите к нам, мы сделаем вас безгрешными!”, то неверие большевизма работает под знаменем общего блага и обещает людям земной рай». В пасхальные дни 1919 г. в специальной листовке «Зачем сейчас нужны солдаты?», режим, используя религиозный подъем, под идеей «борьбы с христопродавцами, забывшими Бога», пытался привлечь добровольцев в действующую армию[4].

Епископ Уфимский Андрей выпустил воззвание к офицерам колчаковской армии. В нем святитель задает вопрос: «Будет ли русский большевизм побежден вне нравственности?» И отвечает: «Разумеется, нет! И возрождение России и победа над большевизмом – это событие не только военного, но и нравственного характера». Далее епископ призывает офицеров обратить особое внимание на необходимость воспитания солдатской массы в

---

[1] Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920 / под ред. акад. А.Н. Яковлева. – М.: МФД, 2003. – С. 334.

[2] Там же. – С. 432.

[3] *Эйнгорн И.Д.* Очерки истории религии и атеизма в Сибири (1917–1937 гг.). – Томск: Изд-во Томского университета, 1982. – С. 63.

[4] *Флеров В.С.* Контрреволюционная роль церковников и сектантов на Дальнем Востоке в 1918–1923 гг. // Ученые записки Томского Государственного университета. – Томск: Изд-во Томского университета, 1959. – № 37. – С. 76.

духе такой нравственности, которая вызвала бы у них, с одной стороны, ненависть к большевикам и Красной армии, и привела бы к «священной» покорности офицерству и главнокомандующему – с другой. Епископ Нестор выпустил большое воззвание «Ко всему казачеству», в котором написал: «Большевики стремятся сейчас в пределы вашей родной земли, чтобы отнять вашу землю, все ваши угодья, которыми казачество справедливо владеет как драгоценным наследием своих дедов… Разрубите же смелой рукой, рассеките казацкой шашкой цепи красных разбойников – кровавых убийц и освободите Святую Русь от большевистского ига»[1]. Перечисляя разные заслуги казаков в прошлом, Владыка взывал к ним идти за «ореолом новой славы в истории, защищать Веру и Отечество и бить коммунистов»[2].

Ко второму виду относятся, например, листовки «Церковь и государство», «Сим победиши». На последней был изображен православный канонический крест на фоне восьмиконечной звезды, внутри которого представлен призыв, начинающийся словами молитвы «Да воскреснет Бог…» По замыслу составителей листовки, борьба с большевизмом должна пониматься как крестовый ход-поход на Москву. Примечательно, что авторы обращения признавались в тщетности исключительно земных средств к победе над коммунизмом. Завершалась листовка Иисусовой молитвой[3]. В другой листовке указывалось: «Братья! Кому дорога Христова Церковь и Святая Вера, кто Родину свою не захочет видеть иначе, как Святой Русью, поспешите записываться во фронтовые отряды Святого Креста с тем, чтобы, по слову Псалмопевца, “с оружием в руках и духовными песнями на устах” выступить на

---

[1] *Долотов А.* Церковь и сектантство в Сибири. – Новосибирск: Сибкрайиздат, 1930. – С. 25–26.

[2] Там же.

[3] Колчаковщина // Сибирская Советская энциклопедия: в 3 т. – Новосибирск, 1929. – Т. 2. – Стб. 838.

фронт, защищая Веру, Церковь и Святую Русь…»[1] Кроме этого, широко распространялись издания, описывающие чудо с иконой св. Николая, случившееся при обстреле Московского Кремля[2]. На листовке под снимком иконы было процитировано обращение преосвященного Бориса, епископа Чебоксарского, к А.В. Колчаку: «Провидением Божиим поставленный спасти и собрать опозоренную и разоренную Родину прими от православного града первой спасённой области дар сей – святую икону. И да поможет тебе Всевышний Господь и Угодник святой Николай достигнуть сердца России - священной Москвы. В день посещения города Перми 19 февраля 1919 г.». На обороте этой листовки было напечатано: «Сей иконой Преосвященный Борис, епископ Чебоксарский (ныне управляющий Пермской епархией) благословил Верховного Правителя при посещении им находившегося на фронте войска 19 февраля 1919 г.»[3].

В большом количестве печатались и листовки, обращенные к красноармейцам. В одной из них, напечатанной в пасхальные дни, говорилось: «Красноармейцы! Наступил великий день, когда вся Россия привыкла праздновать день воскресения Того, Кто принёс миру великую заповедь братской любви. Помните ли вы, с какими чувствами вы в детстве встречали этот день любви и всепрощения? Думаете ли вы о том, как теперь встретят эти дни там, на вашей родине ваши семьи? Бросьте оружие! Оставьте палачей-коммунистов одних со всем их позором, со всей пролитой ими кровью, в которой они тотчас утонут. Не берите на свою душу их злодейств. Переходите к нам, сдавайтесь! Христос воскресе!»[4].

---

[1] *Флеров В.С.* Контрреволюционная роль церковников и сектантов на Дальнем Востоке в 1918–1923 гг. // Ученые записки Томского Государственного университета. – Томск: Изд-во Томского университета, 1959. – № 37. – С. 77.

[2] Там же. – С. 76.

[3] *Долотов А.* Церковь и сектантство в Сибири. – Новосибирск: Сибкрайиздат, 1930. – С. 23.

[4] Там же. – С. 27.

Несколько особняком в этой связи стоят листовки и воззвания духовной власти, составленные поздней осенью 1919 г., когда исход борьбы в Сибири был уже ясен, однако осмысление его еще не произошло, еще казалось, что воля Божия должна состоять в том, чтобы большевизм потерпел поражение. В этом отношении примечательна листовка «Чадам Иркутской православной церкви», написанная епископом Зосимой, по решению ВВЦУ временно управляющим Иркутской кафедрой[1]. Она начинается словами о том, что «карающая рука Господня тяготеет над Россией, ясно, что гнев Божий над нами». Послание наполнено страхом по поводу грядущей власти. При этом выражалась надежда на чудо Божие – помощь в отражении неприятеля. Для этого владыка Зосима назначил усиленное моление и пост с 17 по 22 декабря 1919 г. Каждый день в этот период назначались всенощные бдения святым – Софронию и Иннокентию Иркутским, Николаю Чудотворцу, а также под воскресный день. Все верующие призывались к посещению храмов и обязательным Таинствам исповеди и причащения.

И в этом важном деле наглядной агитации были допущены существенные просчеты. Несмотря на то, что средств на агитационные мероприятия выделялось достаточно, их эффективность оставляла желать лучшего. По свидетельству члена омского правительства Г.К. Гинса, в Омске существовало «бесчисленное количество осведомительных организаций: Осведверх (при ставке), Осведфронт, Осведказак, Осведарм – всё это военные организации, требовавшие громадных ассигнований, в которых находили себе убежище многочисленные офицеры и призванные чиновники»[2]. В октябре 1919 г., возвращаясь с Верховным правителем из недавно занятого «белой» армией Тобольска, Г.К. Гинс не нашел никаких следов агитационной работы омского

[1] ГАРФ. – Ф. 140. – Оп. 1. – Д. 16. – Л. 27–27 об.

[2] *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920: впечатления и мысли члена Омского правительства. – М., 2007. – С. 521.

центра. Войска обслуживались своими местными изданиями[1]. По его воспоминаниям, весь Тобольск говорил о недавнем интервью Преосвященного Иринарха. «Архиерея посетила советская журналистка и беседовала с ним об отношении советской власти к церкви и о его впечатлениях о большевиках. Он отзывался о них хорошо. Сказал, что удивлен порядком и доброй нравственностью, что он считает Омск Вавилоном, и что колчаковцы вели себя много хуже, чем красные. Преосвященный, в свою очередь, посетил совдеп. Ему показали издания классиков для народа, и он пришел в восторг. Далее выяснилось, что все церковное имущество останется неприкосновенным, но только церковь не может рассчитывать на содержание от казны. Архиерей был доволен. Теперь он встретил адмирала Колчака с иконой и речью на тему "Дух добра побеждает дух зла"»[2].

Единственная оказавшаяся доступной нам большевистская антицерковная листовка периода Гражданской войны эксплуатировала самые низменные качества человеческой души. Составитель её скрупулезно подсчитывал ежегодный, ежедневный и ежечасный доход представителей высшей церковной иерархии (Петербургского митрополита и Новгородского архиепископа) и делал вывод, что духовенство борется с советской властью исключительно из-за угрозы потерять свои баснословные прибыли[3]. В то же время нельзя не признать действенность подобного метода агитации.

Крайним средством воздействия на душу грешника в православной церкви является отлучение от церкви, анафема. Практически все рядовые солдаты Красной армии являлись православными по факту крещения, и эта исключительная мера духовного воздействия могла их остановить от участия в борьбе на стороне «красных». Кроме того, она имела и педагогическое, предостерегающее значение для пресечения партизанских настроений в ты-

---

[1] *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920: впечатления и мысли члена Омского правительства. – М., 2007. – С. 523.

[2] Там же. – С. 519

[3] РГВА. – Ф. 40253. – Д. 3. – Л. 129.

лу. В связи с этим ВВЦУ Сибири четко определилось со своей позицией по отношению к ведущейся борьбе, назвав войну «священной»[1]. Собор духовенства Сибири, проходивший в Омске в апреле 1919 г., предал анафеме руководителей большевистской партии и постановил в каждом богослужении поминать А.В. Колчака как «Верховного правителя»[2].

Одной из главных задач церковной антибольшевистской борьбы в Сибири было противодействие партизанскому движению. Священники предавали анафеме партизан, именовали их «антихристами», сообщали правительству о настроениях крестьян, подавали списки ушедших в партизанские отряды. По распоряжению ВВЦУ Сибири в епархиях организовывались дружины для защиты церквей и духовенства. Подобные отряды часто возглавляли сами священники, как, например, настоятели Усть-Тунгусской Спасской церкви Енисейского уезда и с. Михайловское Каннского уезда[3].

В условиях братоубийственной войны духовенство Сибири не оставалось в стороне от военных операций в тылу и часто принимало самое непосредственное участие в подавлении партизанского движения. Так, например, священник Тары Багинский был начальником карательного отряда, проводившего расстрелы восставших. Священник с. Архангельское Семипалатинской губернии выдал казакам трех человек. Священник Данилов из села Фунтики (Алтай) провел в село правительственный отряд и указал место, где скрываются большевики, партизаны, которые были расстреляны. В с. Петропавловка Славгородского уезда местный священник и писарь встретили правительственный отряд колокольным звоном и вручили им списки партизан, которых затем расстреляли. Священник Меркулов вместе с карателями расстреливал бунтовщиков с. Всесвятское. Вообще в воспоминаниях «красных»

---

[1] Обращение епископа Уфимского Андрея к генералу Дитерихсу // Военный листок. – 1919. – 23 августа.

[2] *Эйнгорн И.Д.* Очерки истории религии и атеизма в Сибири (1917–1937 гг.). – Томск: Изд-во Томского университета, 1982. – С. 60.

[3] Там же. – С. 78.

партизан Сибири и Дальнего Востока имеется немало материалов, показывающих, как православное духовенство оказывало всемерную помощь колчаковскому правительству в борьбе с волнениями в тылу[1].

По указанию штаба колчаковской армии ВВЦУ Сибири в июле 1919 г. направило во все епархии Сибири и Дальнего Востока циркуляр, обязывающий духовенство вести проповеднически-осведомительную работу[2]. В епархиях Сибири были созданы осведомительные отделы при благочиниях. Они должны были собирать сведения о политических настроениях, принимать меры для подавления революционных выступлений, представлять командованию списки «неблагонадежных». В качестве иллюстрации данной темы можно привести так называемое «Дело Забайкальского епархиального совета» 1923 г. Оно было организовано органами ОГПУ уже после установления советской власти на территории всего Дальнего Востока. Газета «Дальневосточный край» в статье «Епископ и забайкальский епархиальный совет – семеновские контрразведчики» сообщала: «Местным отделом ГПУ арестованы епископ Софроний (бывший протоиерей Сергей Старков) и секретарь забайкальского епархиального совета Анатолий Попов. Арест вызван фактом участия Софрония и Попова в работе семеновской контрразведки. Софронию при аресте предъявлен был документ, подлинность которого ни он, ни секретарь епархиального совета не отрицают»[3]. На суде выяснилось, что в июле 1919 г. епископ Мелетий получил от Высшего временного церковного управления циркуляр, в котором во всех епархиях предписывалось организовывать проповеднические отряды для проведения работы среди населения и войск, распространение литературы, а также развёртывание осведомительной работы. В специальном предписании Забайкальского епархи-

---

[1] Безбожник. – 1933. – № 10.

[2] *Флеров В.С.* Контрреволюционная роль церковников и сектантов на Дальнем Востоке в 1918–1923 гг. // Ученые записки Томского Государственного университета. – Томск: Изд-во Томского университета, 1959. – № 37. – С. 79.

[3] Дальневосточный край. – 1923. – 10 февраля.

ального совета, направленном всем священникам, говорилось: «…во исполнение резолюции его преосвященства… духовенству епархии оказывать помощь осведомительному отделу при военном штабе»[1]. Кроме того, были организованы группы проповедников, разъезжающих по приходам, железнодорожным станциям, воинским частям, где они вели агитацию и собирали сведения о партизанах[2].

Большевики учитывали возросшую пропагандистскую активность православной церкви и, исходя из этого, строили свою контрпропаганду. «Даже духовенство, – говорилось в листовке Омского комитета РКП(б) (август 1919 г.), – которое читает священные слова Евангелия о кротости, смирении, о помиловании врага своего, о любви и лучшие слова Христа “Взявший меч от меча и погибнет” – и оно превратило амвоны храмов в митинговые трибуны и ведет политическую пропаганду о посылке на фронт агитаторов»[3].

Священники систематически давали информацию правительственным войскам о партизанских отрядах. Иеромонах Исидор, арестованный в 1919 г., имел удостоверение белогвардейского командования, в котором предписывалось «способствовать брату иеромонаху Исидору организовывать комитеты по истреблению богоотступников, осведомлять о расположении войск противника»[4]. Гарнизонный священник Барнаула 17 января 1919 г. устроил в полковой церкви собеседование. После его речи некоторые выразили отрицательное отношение к утвердившемуся Всероссийскому правительству А.В. Колчака. Через 3 дня свыше 20 солдат и 2 офицера были арестованы, 18 из них расстреляны.

---

[1] *Флеров В.С.* Контрреволюционная роль церковников и сектантов на Дальнем Востоке в 1918–1923 гг. // Ученые записки Томского Государственного университета. – Томск: Изд-во Томского университета, 1959. – № 37. – С. 79.

[2] Там же. – С. 80.

[3] В борьбе с контрреволюцией: сб. документальных материалов (1918–1919 гг.). – Омск, 1959. – С. 150.

[4] *Парнищев А.* Церковь, контрреволюция и гражданская война. – М.; Л., 1930. – С. 49.

С другой стороны, и священники гибли от рук партизан. Так, например, восставшие крестьяне с. Картузы Минусинского уезда в ноябре 1918 г. вместе с партизанами разгромили отряд атамана Шонина и расстреляли его соратника священника Щербакова, который с церковной колокольни стрелял по наступающим и участвовал в расстрелах партизан. Отряд Щетинкина 22 января 1919 г. разгромил в с. Ново-Еловское правительственное соединение карателей, в составе которого священник Н. Фокин играл руководящую роль, участвуя в допросах партизан[1]. Благочинный 5-го участка Енисейской епархии Т.Е. Кузнецов был предан партизанскому суду и расстрелян за стрельбу с колокольни. Всего по епархии пострадало за вооруженную борьбу против партизан 6 священников[2].

По справедливому мнению А.Н. Кашеварова, многие священнослужители, оказавшиеся на территориях, занятых «белыми» армиями, совсем не являлись убежденными сторонниками «белого» движения. Часть духовенства сочувствовала этому движению лишь потому, что «белая» власть была хотя бы формально «верующей», в отличие от «безбожной» советской власти, развернувшей гонения против религии и церкви[3]. Местные священники были глубоко аполитичны и даже неспособны повлиять на политические настроения своей паствы. Среди духовенства также существовали, по воспоминаниям митрополита Вениамина (Федченкова), опасения (и не без основания), особенно усилившиеся к исходу «белого» движения, жестокой расправы за всякую поддержку «белых», за любые действия, выходившие за рамки обычной церковной деятельности: специальные молебны для войск, участие в «белой» печати, произнесение «политически окрашенных проповедей», благословение вождей и т.п. Кроме того, многие архиереи, клирики и миряне

---

[1] Енисейские епархиальные ведомости. – 1919. – № 1/2. – С. 12.

[2] *Эйнгорн И.Д.* Очерки истории религии и атеизма в Сибири (1917–1937 гг.). – Томск: Изд-во Томского университета, 1982. – С. 78–79.

[3] *Кашеваров А.Н.* Православная Российская церковь и Советское государство (1917–1922). – М., 2005. – С. 354.

бежали к «белым» не столько по своим политическим убеждениям, сколько вынужденно, спасаясь от «красного» террора и «ужасов чрезвычайки»[1]. В то же время беженцы духовного звания, которых насчитывалось на Востоке до 3000 семейств, явились тем пассионарным резервом, который наполнял ряды военного духовенства, организовывал деятельность братства святителя Гермогена, формировал крестоносные дружины.

[1] *Вениамин (Федченков)*. На рубеже двух эпох. – М.: Отчий дом, 1994. С. 356

4.2. Крестоносное движение

Одним из главных направлений деятельности Временного высшего церковного управления должна была стать борьба с большевистскими настроениями в тылу действующей армии. Подобные настроения были характерны для многих сельских районов Сибири, и в конечном итоге они повлияли на судьбу «белого» движения на Востоке страны.

Еще в декабре 1918 г. омские рабочие восстали против власти адмирала А.В. Колчака, так что архиепископу Сильвестру пришлось служить 22 декабря 1918 г. в Успенском кафедральном соборе молебен об умиротворении восставших пролетариев[1]. Летом 1919 г. напряжение в духовном противостоянии с подобными настроениями достигает кульминации. В период решающих боёв Красной армии с войсками Колчака омские большевики усилили работу по разложению частей противника, по дезорганизации его хозяйственной жизни в тылу. На предприятиях города рабочие тормозили выполнение военных заказов, на транспорте железнодорожники задерживали отправку эшелонов, тормозя переброску «белых» войск и боеприпасов на фронт. Телеграфисты на омском правительственном телеграфе задерживали доставку и отправку срочных военных телеграмм, неправильно передавали их содержание, чем дезориентировали «белых» и срывали выполнение намеченных колчаковцами боевых операций на фронте. В окрестностях города большевики начали формировать вооруженные отряды, преимущественно из солдат, бежавших из «белой» армии. Многие мелкие партизанские отряды стягивались из уездов области поближе к Омску, где была создана опорная база в районе деревни Бузаны Саргатской волости Тюкалинского уезда (90 км от города). Другие партизанские отряды сконцентрировались в районе латышских поселков близ Омска, в с. Ивановка и ближайших заимках (40–50 км от Омска), в переселенческих поселках Оболонь, Егоровка, Покровка, Сереб-

[1] Сибирский благовестник. – 1919. – № 1. – С. 2.

рянской и Крупянской волостей омского уезда. Население переселенческих поселков, относившееся к партизанам с большим сочувствием, оказывало им всестороннюю помощь[1].

Священнослужители – члены ВВЦУ отличались ярко выраженными антибольшевистскими настроениями. Сам архиепископ Сильвестр столкнулся с гонениями во время недолгого коммунистического правления: он был арестован в Омске в начале февраля 1918 г. То же самое можно сказать и об архиереях и низшем духовенстве – беженцах, покинувших родные края из-за угрозы расправы со стороны советской власти. Именно представители беженцев духовного звания были главной движущей силой в противостоянии большевистским тенденциям в тылу, они составляли большинство военного духовенства, на них могли смело опираться руководители церковного управления в проповеднической деятельности.

Летом 1919 г. архиепископ Сильвестр вынужден был оставить текущие дела управления и отправиться в миссионерские путешествия, завершившиеся только к празднику Успения Пресвятой Богородицы (28 августа). В мае-июне он совершил поездки по Томской, Красноярской и Иркутской епархиям, во время которых произнес в различных приходах более ста проповедей, а в августе – по западной части Омской епархии, а также уездам Атбасарскому, Кокчетавскому и Акмолинскому (нынешний Северный и Центральный Казахстан). В этих поездках архиепископ особенно старался останавливаться в местностях, где происходили большевистские восстания, совершая там церковные службы и произнося поучения. При этом восточную часть епархии было поручено объехать настоятелю Никольского казачьего собора протоиерею Леониду Покровскому[2].

---

[1] В борьбе с контрреволюцией: сб. документальных материалов (1918–1919 гг.). – Омск, 1959. – С. 26–27.

[2] Сибирская речь. – 1919. – 2 сентября.

Несмотря на продолжительные и утомительные путешествия, владыка вынес обнадеживающие ощущения из своих поездок. «К счастью нашему, – делился он впечатлениями перед единомышленниками, – вера в Бога в сердцах русского народа еще живет. Она не умерла. Русский народ не перестает верить в Бога, и в своём большинстве живет этой верою. Объезжая глухие углы своей обширной епархии, я везде встречал среди населения теплое и сердечное отношение. В этих отдаленных от центров местностях рука безверия почти не коснулась патриархальных душ верующих, но в местностях, находящихся ближе к городам, замечается иное настроение, хотя тоже не в такой уже мере, как вообще мы себе представляем»[1].

В то же время, касаясь лозунгов, которыми до сих пор призывались люди к антибольшевистской борьбе (например, «За единую неразделную Россию», «За Учредительное собрание»), владыка отметил, что они непонятны для людей и не были в состоянии поднять и зажечь ярким огнём народного духа. Эти лозунги, по мнению святителя, сухи и отвлеченны, ничего не говорят народу и остаются только лозунгами, и на смену им должны прийти новые слова – «За веру, Церковь и Отчизну!» По его мнению, они были более понятны и доступны[2].

Со своей стороны и Верховный правитель придавал большое значение именно религиозной настроенности солдат и мобилизуемых: «Ослабла духовная сила солдат. Политические лозунги, идеи Учредительного собрания и неделимой России больше не действуют. Гораздо понятнее война за веру, а это может сделать только религия»[3]. Примечательны и слова А.В. Колчака, приводимые личным адъютантом В.В. Князевым: «Я знаю, что есть меч государства, пинцет – хирурга, нож – бандита… А теперь я знаю! Я чувствую, что самый сильный: меч духовный, который и будет непобедимой силой в

[1] Сибирская речь. – 1919. – 3 сентября.
[2] Там же.
[3] Русская армия. – 1919. – 3 сентября.

крестовом походе – против чудовища насилия!»[1]. Оценивая приведенные высказывания Верховного правителя, необходимо согласиться с А.А. Штырбулом, который считал, что А.В. Колчак был вынужден лавировать между влиятельными общественными и политическими группами, опираясь в том числе на РПЦ, как выразительницу чувств верующих[2].

Работа по противодействию большевистским настроениям должна была носить системный характер, в связи с этим в ВВЦУ возникла идея создания специального церковного братства, наделенного широкими полномочиями для привлечения в свои ряды всех неравнодушных к судьбам родины в тяжелый исторический период. Создаваемому братству присваивалось имя патриарха московского Гермогена. Как отмечал в своей статье профессор Д.В. Болдырев, выбор этого имени не случаен. «Своими грамотками – прокламациями, как сказали бы теперь, святитель Гермоген поднял из развалин целое государство. И у нас есть такое воплощенное слово. Это – патриарх Тихон, в котором как бы воскрес Дух святителя Гермогена»[3].

Организационное собрание создаваемого братства состоялось 14 июля 1919 г. в зале архиерейского дома под председательством Сильвестра, архиепископа Омского. После общей молитвы владыка обратился в собравшимся с приветствием, приглашая всех к «дружному, тесному единению для совместной работы на благо Родины и православной церкви, сохраняя как истинные христиане полное спокойствие духа в нынешнее тяжелое время»[4]. Затем было выслушано сообщение председателя организационного кружка братства протоиерея П.А. Рождественского (Казань) о задачах создаваемой организации и её ближайших планах. Собрание выработало Устав новой цер-

---

[1] *Князев В.В.* Жизнь для всех и смерть за всех. Записки личного адъютанта Верховного правителя адмирала Колчака ротмистра В.В. Князева. – Тюмень; Киров, 1991. – С. 24–26.

[2] *Штырбул А.А.* Политическая культура Сибири: Опыт провинциальной многопартийности (конец XIX – первая треть XX века). – Омск: Наука, 2008.

[3] Братство святителя Гермогена // Русская армия. –1919. – 17 августа.

[4] Братство Св. патриарха Гермогена в Омске // Сибирская речь. – 1919. – 22 июля.

ковной организации и избрало временное правление, которому доверило исполнительную власть.

21 июля 1919 г. в день празднования Казанской иконы Божией Матери в домовой церкви архиерейского дома в Омске состоялось второе общее собрание членов созданного братства Св. Гермогена. Центральным являлся вопрос об организации сбора пожертвований на нужды армии, главным образом перевязочных средств, в которых имелся большой недостаток. В целях ознакомления граждан с задачами и целями братства в омских храмах планировалось производить собеседования с верующими[1].

Согласно уставу, главной задачей общества провозглашалось объединение православных людей всех званий для защиты церкви и родины, культурно-просветительская работа на благо отечества. Основными направлениями деятельности вновь организуемого общества становились: содействие церковному богослужению, устройству церковно-приходской жизни, развитию благотворительной, просветительной приходской деятельности, помощь действующей армии, оживление проповеднической деятельности, издание для населения богослужебной и духовно-нравственной литературы, а также урегулирование недоразумений членов причта между собой и причта с прихожанами, для чего создавались соответствующие отделы. Также в планах братства было открытие отделений как в Омской, так и в других сибирских епархиях[2]. Такая широта сферы деятельности церковного объединения обуславливалась военным временем и стремлением привлечь широкие массы людей к духовному просвещению. Обращает на себя внимание стремление придать братству и некоторые функции церковного суда. Правлением братства совместно с военным духовенством был выработан план постоянных собеседований с воинскими частями, находящимися в городе.

---

[1] Сибирская речь. – 1919. – 22 июля.

[2] ГАРФ. – Ф. 140. – Оп. 1. – Д. 19. – Л. 1–2.

В условиях войны и военных неудач важнейшей задачей братства Св. Гермогена становилась помощь действующей армии, причем помощь не только в тылу, но и на передовой. Ещё 11 апреля 1919 г. газета «Сибирская речь» опубликовала статью подпоручика Евгения Саратовцева «О Российских православных дружинах по орденскому принципу». В этой статье развивалась мысль о необходимости создания воинских частей – носителей духа рыцарства. «Пусть эти части называются православными дружинами, полками, батальонами, на которые другие части держали бы строгое равнение, эти части должны стоять на должной высоте своего призвания и являться рассадником христианской нравственности, честности и добродетели», – писал автор[1]. Интересно, что горячий отклик и благословение идее формировать воинские части по орденскому принципу Е.М. Саратовцев получил от епископа Андрея (Ухтомского), который опубликовал свое ответное письмо в газете «Иртыш»[2]. Первая запись в такие дружины была открыта при архиерейском доме.

Вообще тема крестовых походов и воинских соединений духовной элиты общества активно разрабатывалась в омской прессе лета и осени 1919 г. Например, автор статьи «Религия как фактор победы» вспоминал Кромвеля в его противостоянии с английским королем и утверждал, что именно организация полка солдат простого звания, но преданных церкви, решила исход борьбы[3]. Автор статьи «Крестоносцы» рисует поистине эпическую картину объединения «церковью-воительницей» под символом Креста дружин крестоносцев, вдохновленных одной общей идеей борьбы за лучшие идеалы человечества. «Железным кольцом сожмёт религиозная Россия своих врагов и

[1] Сибирская речь. – 1919. – 11 апреля.
[2] Иртыш. – 1919. – 20 апреля.
[3] Русская армия. – 1919. – 28 августа.

непоколебимо стойкие части русских крестоносцев поведут нацию к победе»[1].

Даже сам Верховный правитель обращался к этой теме, упоминая знаменитое воззвание римского папы на Клермонтском соборе, когда христианские воины впервые собирались совершить свой первый крестовый поход. Слова «так хочет Бог», как и много веков назад, были произнесены на торжественном заседании братства святителя Гермогена[2].

Основываясь на подобных настроениях, братство Св. Гермогена выступило инициатором формирования дружин Святого Креста, призванных религиозно скрепить уже существующие и находящиеся на фронте воинские соединения, нуждающиеся прежде всего в духовной поддержке. Борьба с большевиками, таким образом, рассматривалась как духовное противостояние. Дружины Святого Креста представляли собой военные отряды, предназначенные как для фронта, так и для тыла, и отличающиеся от других частей некоторыми особенностями. Дружины должны были быть объединены мыслью, что борьба с большевизмом есть борьба христианства с враждебными ему силами. Внешним выражением этого сознания являлся знак Св. Креста, который носил или возлагал на себя каждый дружинник во время несения службы[3]. В статье «Сила Креста» профессор Д. Болдырев рассматривал вопрос самоидентификации русских воинов, считал, что каждый, борющийся с большевизмом гражданин становился крестоносцем[4].

Особое внимание при формировании новых воинских соединений уделялось дисциплине, в том числе бытовой. Кроме обычной воинской дисциплины, дружины Св. Креста управлялись особыми уставами, исключающими всякое проявление безнравственного поведения. Военачальники дружин назначались высшим командованием, но из тех офицеров и генералов, которые

[1] Русская армия. – 1919. – 24 августа.
[2] Так хочет Бог // Русская армия. – 1919. – 28 октября.
[3] Сибирская речь. – 1919. – 17 августа.
[4] Там же. – 19 августа.

принимали на себя крестное знамение[1]. В число дружинников с разрешения военных властей могли поступить как мобилизованные, так и немобилизованные лица. Формирование дружин шло одновременно в тылу и на фронте[2]. Правительство, биржевые комитеты, купцы выделили миллионы рублей на формирование крестоносных дружин. Так, Новониколаевский биржевой комитет внес около 400 тыс. рублей, Барнаульский – 600 тыс. рублей, Иркутский – 800 тыс. рублей.

В положении «О дружине Святого Креста», утвержденном начальником штаба Верховного главнокомандующего, говорилось, что она есть «воинская добровольческая религиозная часть (рота, батальон), борющаяся с большевиками как с богоотступниками. Каждая дружина, будучи воинской частью, есть в то же время религиозное братство и носит имя Св. Гермогена, Св. Александра Невского, Св. Сергия Радонежского» и т.д. Дружина имела свое особое правило, или братский устав, а все дружины образовывали единое братство Св. Креста. Каждый вступающий в дружину Святого Креста, кроме обычной присяги, давал перед Крестом и Евангелием обет верности Христу и друг другу. В знак служения делу Христову он налагал поверх платья восьмиконечный крест, который носился только в строю. На время похода устанавливалось полное равенство в пище, в удобстве, средствах передвижения. В дружины Св. Креста приглашались христиане всех вероисповеданий, а сами дружины могли быть всех родов войск, они могли объединяться в более крупные части (дивизии, корпуса). В случае недостаточной численности для образования самостоятельной части дружины Св. Креста входили в состав других действующих полков в виде отдельных рот или батальонов, но никогда не распределялись между ротами полка.

Нарушающие обет и правила подвергались, кроме обычных дисциплинарных взысканий, исключению из дружин Св. Креста, а в особо тяжких

[1] Наша газета. – 1919. – 19 августа.
[2] Сибирская речь. – 1919. – 17 августа.

случаях и отлучению от церкви как предатели дела Христова. Все дружинники именовались братьями (женщины – сестрами)[1]. В дружины принимались добровольцы при поручительстве местного епархиального начальства, приходского совета, попечительства или священника[2].

С первых дней организации крестоносных дружин братством Святителя Гермогена для вооруженной борьбы привлекались другие конфессии, в частности старообрядцы всех согласий и мусульмане. 17 августа в присутствии представителей братства Св. Гермогена – его председателя протоиерея П. Рождественского и профессора А. Эрахтина – состоялось общее собрание старообрядцев Омска и старообрядцев-беженцев из Пермской, Вятской и Нижегородской губерний всех согласий с повесткой о присоединении к делу противостояния большевизму и формированию крестоносных дружин[3]. После короткого обмена мнениями собрание единогласно постановило оказать российскому правительству немедленную помощь живой силой и материальными средствами, войти в состав формируемой братством Св. Гермогена крестоностной дивизии и немедленно разослать по всем городам Сибири призывы к сибирскому старообрядчеству всех согласий вступить в организуемые дружины Св. Креста. Также на этом собрании была образована специальная комиссия по организации крестьянских старообрядческих дружин, которая выпустила воззвание ко всем старообрядцам-беженцам с призывом «брать в руки оружие и бить наёмников красных, богоотступников, воров и убийц». На этом же собрании было принято решение послать в армию и на

[1] Сельская жизнь. – 1919. – 20 сентября.

[2] *Флеров В.С.* Контрреволюционная роль церковников и сектантов на Дальнем Востоке в 1918–1923 гг. // Ученые записки Томского Государственного университета. – Томск: Изд-во Томского университета, 1959. – № 37. – С. 76.

[3] Старообрядчество на защиту Родины // Сибирская речь. – 1919. – 19 августа.

флот старообрядческих священников, на что управление по делам вероисповеданий ответило согласием[1].

19 августа в Омске братство Святителя Гермогена устроило день Святого Креста. В городских храмах и на площадях во время и после литургии были произнесены как духовенством, так и мирянами (профессорами и общественными деятелями) речи, призывающие людей сплотиться вокруг церкви на защиту христианства. Братчики призывали взять в руки оружие, чтобы «верою и любовию освятив его, покрыть знаменем Святого Креста и пойти на большевистские рати в защиту Истины Христовой, за правду Божию»[2].

Запись в крестоносные дружины, как православные, так и старообрядческие, началась 21 августа 1919 г. в здании Министерства внутренних дел с 10 до 20 часов. Кроме того, православные могли записаться еще в Главном управлении по делам вероисповеданий (Любинский проспект, 1, Женская Гимназия), в Русском бюро печати (Базарная площадь, 2, дом Липатникова), а также в помещениях братства Св. Гермогена, находящихся в архиерейском доме. При этом в объявлениях на призыв отмечалось, что могут записываться лица непризывного возраста и даже женщины[3].

Братство Св. Гермогена обратило особое внимание на духовно-нравственное состояние омского общества. В отличие от областей Юга России, также находившихся под защитой «белой» армии, в Сибири, и в частности в Омске, не были отменены увеселительные мероприятия, танцы в садах, не закрыты точки продажи спиртного. И это при том, что в городе проживало несколько тысяч семей беженцев, в том числе и духовного звания. Министр внутренних дел внял просьбам братства Св. Гермогена, а также старообряд-

---

[1] *Долотов А*. Церковь и сектантство в Сибири. – Новосибирск: Сибкрайиздат, 1930. – С. 64.

[2] Наша газета. – 1919. – 21 августа.

[3] Сибирская речь. – 1919. – 21 августа, 6 сентября.

ческой общины и обещал закрывать все сады и увеселительные места накануне двунадесятых праздников и воскресных дней[1].

27 августа 1919 г. состоялось собрание представителей беженских лагерей Омска, которое выпустило резолюцию, призывающую всех беженцев, стоящих лагерями около Омска, записаться добровольцами в дружины Святого Креста, а тех, кто откажется, было решено немедленно мобилизовать[2]. Впоследствии именно беженцы составили костяк крестоносных дружин, их подавляющее большинство было и в среде военного духовенства.

Несколько позднее религиозно-патриотическое движение охватило и мусульман. Это произошло в первую очередь оттого, что большевистскому гонению в советской России подвергались не только православные, но и мусульмане[3]. Сибирские мусульмане своим символом борьбы с большевизмом избрали Зеленое знамя. 31 августа в Омске под председательством беженца из д. Оса М. Вахитова состоялось собрание мусульманского духовенства и мирян – беженцев и местных жителей для обсуждения вопросов по организации особых отрядов и обслуживанию нужд фронта. Во время собрания была начата запись добровольцев. Собрание приветствовали представитель начальника вновь формируемых добровольческих частей генерала Голицына, представители старообрядцев Дробинин и братства Св. Гермогена А. Эрахтин, которые рассчитывали на единство мусульманского религиозного движения против «красных» с уже формирующимися христианскими дружинами[4]. Позднее при штабе верховного главнокомандующего стало действовать Управление главного муллы, издававшее газету «Взнен газета хакикат» («Наша газета – хакикат»)[5].

---

[1] Сибирская речь. – 1919. – 21 августа.
[2] Наша газета. – 1919. – 4 сентября.
[3] *Ларский К.* Зеленое Знамя и Св. Крест // Сибирская речь. – 1919. – 2 сентября.
[4] Русская армия. – 1919. – 4 сентября.
[5] Наша газета. – 1919. – 19 октября.

По сообщениям осведомительного бюро при МВД, запись добровольцев в дружины Св. Креста проходила успешно. Для записи добровольцев были посланы агитаторы во многие города Сибири. По мнению организаторов Крестоносного движения, дружины должны были стать самыми надежными боевыми единицами. Однако в них, в силу сложившейся обстановки на фронте, принимались не только способные к боевым действиям, но и даже многие неспособные, уволенные с военной службы.

Сформированные дружины Святого Креста и Зеленого знамени в Омске разместились в помещении «Кристалл-Паласа» – крупнейшего омского кинотеатра, который в столь сложное время прекратил свою работу. По сообщению местного корреспондента, в этом бывшем кинотеатре проживало несколько сот человек. Все называли друг друга «братьями», между русскими и татарами присутствовало единение. Утром и вечером совершалась общая молитва с пением. Поддерживалась строгая дисциплина[1]. 7 сентября по случаю мусульманского праздника Курбан-Байрам состоялось торжественное молебствие, после которого был объявлен Газават (Священная война) против большевиков[2].

По состоянию на 11 сентября в Омске было сформировано две роты Святого Креста и одна Зеленого знамени с приданным к ним кавалерийским эскадроном, состоявшим из русских и мусульман. Вечером 11 сентября председатель братства Св. Гермогена протоиерей Петр Рождественский посетил казарму воинов Св. Креста и Зеленого знамени и обратился к ним с речью[3].

Несколько ранее, 6 сентября, на станции Омск в помещении железнодорожных мастерских братством Св. Гермогена было устроено собрание рабочих, на котором присутствовали 2300 человек. Собрание было открыто протоиереем П. Рождественским, приветствовавшим рабочих от имени брат-

---

[1] За Веру и Родину // Сибирская речь. – 1919. – 13 сентября.
[2] Русская армия. – 1919. – 6 сентября.
[3] За Веру и Родину // Сибирская речь. – 1919. – 13 сентября.

ства. Он произнес речь, в которой призывал рабочих вспомнить о том, что они русские люди и под знаменем веры защищать родину – Россию. Выступивший затем А.П. Эрахтин охарактеризовал сущность большевизма как дело германцев, а борьбу с большевиками – как продолжение войны с Германией.

14 сентября 1919 г. адмирал А.В. Колчак принял епископа Камчатского Нестора. Результатом встречи стало постановление ВВЦУ от 16 сентября о командировании епископа Нестора в распоряжение военных властей для священнослужения и проповеди в казачьих войсках Сибири и Дальнего Востока. Задачей владыки стало поддерживать духовную связь с казачеством и населением, «ограждая их от влияния пропаганды большевиков»[1]. В распоряжении епископа были вагон-церковь и особый штат, с которым он отправился из Омска во Владивосток. Епископ написал воззвание к казакам. Стремясь поднять боевой дух воинов, упавший в последние месяцы, он напоминал о славных делах казаков во времена князя Димитрия Донского, взятия Казани, походах Ермака, Петра Первого и т.д. Однако духовником и проповедником казачества армии Колчака он прослужил недолгое время. Из Владивостока епископ Нестор в конце 1919 г. выехал на Камчатку, а затем, в начале 1920 г., – в Японию.

18 сентября 1919 г. в Успенском кафедральном соборе Омска состоялась церемония освящения крестов и возложения их на солдат батальона, вступавшего в дружину Святого Креста, что было связано с принятием ими воинской присяги. Текст присяги отличался простотой: «Я, брат дружины Святого Креста, обязуюсь и клянусь перед Святым Крестом и Евангелием быть верным Господу Иисусу Христу, святой церкви и друг другу, быть

[1] Четверть века святительского подвига владыки Нестора // Харбинское время. – 1941. – 28 октября.

трезвым, честным, совершенно не произносить бранных слов, не быть жестоким с врагом, к своим всей душой благорасположенным. Аминь»[1].

Перед началом молебна Сильвестр, архиепископ Омский, произнес слово о значении дружин Святого Креста и благословил дружинников списком с иконы Святителя Николая (с Никольских ворот Московского Кремля). Затем последовало освящение знамени и крестов для батальона, изготовленных братством Святителя Гермогена. Кресты на воинов были возложены председателем братства Святителя Гермогена протоиереем Петром Рождественским. На соборной площади состоялся смотр крестоносным дружинам и мусульманским отрядам Зеленого знамени. Они прошли церемониальным маршем и выслушали приветствие Главнокомандующего генерал-лейтенанта Дитерихса. Он приветствовал и организаторов священных дружин в лице представителя братства Св. Гермогена и представителя мусульман[2]. Первые отряды дружин Св. Креста и Зеленого знамени отправились на фронт 20 сентября всего в количестве 700 человек. После совершения молебна они выстроились около кинотеатра «Кристалл-Палас» с зелеными знаменами. Оркестр исполнил три раза «Коль славен». Магометане молились по-своему, а крестоносцы, крестясь, запели «Кресту Твоему покланяемся, Владыко»[3].

Несмотря на то, что «колчаковская» пресса говорила о грандиозном успехе Крестоносного движения и массовом характере, его участников оказалось немного. Газеты устроили ажиотаж вокруг записи в добровольцы профессора Д.В. Болдырева, призывая других последовать его примеру. «Платные перья, захлебываясь от патетического восторга, описали отправку на фронт первой дружины святого Креста – единственный пока результат месячного раздувания добровольческого подъема; картинно описывается, как на правом фланге шел унтер-офицер Болдырев – профессор и организатор

[1] Русская армия. – 1919. – 19 сентября.
[2] Там же.
[3] Сибирская речь. – 1919. – 23 сентября.

добровольческого движения, но упущено добавить, что шел только до вокзала, откуда вернулся на свое место и отбыл в Новониколаевск проповедовать новый крестовый поход», – отмечал в дневнике генерал Будберг[1].

Таким образом, братство Св. Гермогена в рамках принятого Устава, расширяя свою деятельность, командировало председателя Братства протоиерея П. Рождественского, генерала Голицына, профессора Д.В. Болдырева и поручика Васильева в города со значительным скоплением беженцев – Новониколаевск и Томск для помощи в организации там подобных структур, призванных поднять верующих людей на «борьбу с большевизмом». 21 сентября 1919 г. в Новониколаевске состоялись молебны православного, старообрядческого и мусульманского духовенства, после которых с трибуны были произнесены речи с призывом идти на защиту родины под знаменем Св. Креста. В этот же день вечером на собрании приходских советов выступили представители Братства святителя Гермогена, было создано временное правление отделения Братства в Новониколаевске [2]. Запись добровольцев в Новониколаевске проходила относительно успешно. Всего насчитывалось 3600 человек, которые распределились следующим образом: Отряд Каппеля – 480 человек, отряд Пепеляева – 930 человек, Ижевская дивизия – 1373 человек, Дружина Святого Креста – 700 человек. При этом забота общества распространялась и на семьи воинов – им подыскивались помещения и делалось по возможности всё, чтобы люди не испытывали бытовых затруднений[3].

Добровольческие дружины рассматривались военным командованием как соединения, способные «сцементировать» сражающиеся на фронте части, укрепить их духовность. Поэтому в приказе нового главнокомандующего генерал-лейтенанта Сахарова от 14 ноября 1919 г. армиям восточного фронта предписывалось собранные дружины направлять в дивизии 2-й и 3-й армий,

---

[1] Дневник барона А. Будберга // Архив русской революции. – М., 1993. – Т. 15. – С. 317.

[2] Русская армия. – 1919. – 30 сентября.

[3] Сельская жизнь. – 1919. – 12 ноября.

где каждая дружина должна была целиком входить в полк, образуя с прежними добровольцами его «крепкое и надежное ядро»[1].

В Томске православная общественность также с готовностью восприняла идею организации воинских частей по религиозному принципу. Комитет дам духовного звания устроил лекцию профессора Аносова ради популяризации Крестоносного движения. После лекции профессор Н.Я. Новомбергский, выступив с докладом, очертил причины мировой войны и указал, что большевики по сути дела ведут борьбу против начал русской национальной культуры. Епископ Анатолий Томский произнес несколько слов о значении начинающегося Крестоносного движения, чем вызвал призывы к немедленной организации Дружины Св. Креста в Томске и возглавил его. Один из присутствующих, беженец, выступил инициатором в сборе пожертвований на крестоносные дружины, всего было собрано 3827 рублей. Исполняя поручение собрания, епископ Анатолий и профессор Аносов обещали в ближайшие дни созвать организационное совещание[2].

5 октября в Томске после Божественной литургии, совершенной архиерейским чином в архиерейской церкви, состоялось открытие томского Братства Св. Креста. Владыка Анатолий открыл собрание приветственной речью, в которой подчеркнул, что томичи не могли не откликнуться на призыв к защите Родины, таким образом организуется дружина Св. Креста, в которую поступают разные люди, в том числе и профессора, как например, профессор Н.Я. Новомбертский. Затем было постановлено образовать братство Св. Креста. Деятельность дружины Св. Креста распространялась и на помощь раненым бойцам, прибывающим с фронта, которые нуждались не только в лечении, но и в психологической поддержке. Подчеркивалось, что цели братства Св. Гермогена в Омске и дружины Св. Креста в Томске идентичны, и члены

---

[1] *Цветков В.Ж. и др.* Генерал Дитерихс. – М., 2004. – С. 342.
[2] О дружинах Св. Креста // Сибирская жизнь. – 1919. – 11 сентября.

омского братства приезжали в Томск с целью помочь в организации структуры[1].

По предложению епископа Анатолия, первым избирался в члены правления профессор Аносов, который, в свою очередь, предложил в члены правления епископа Анатолия. Епископ из-за занятости сначала отказался, но по настойчивой просьбе собравшихся изъявил согласие[2].

1 октября 1919 г. Крестоносное добровольческое движение достигло Барнаула. В праздник Воздвижения Креста Господня (27 сентября) из всех храмов города были совершены крестные ходы на Соборную площадь, где православные, старообрядцы и мусульмане вознесли молитвы о даровании победы над большевиками. На собрании союзов приходских советов единогласно было принято постановление об открытии в Барнауле отделения братства Святителя Гермогена и началась запись в дружины Святого Креста[3]. Также в сентябре-октябре 1919 г. проповедники братства были направлены в районы Алтайской губернии, охваченные партизанским движением, где они, используя христианскую проповедь, пытались ослабить влияние большевизма[4]. 12 октября состоялась отправка из Новониколаевска в Омск первой партии добровольцев (мужчин и женщин) дружины Святого Креста и Зеленого знамени в качестве санитаров и сиделок. Перед отправкой в помещении управления новониколаевского вербовочного отделения (городского корпуса № 21) был отслужен молебен, на котором присутствовало большое количество добровольцев[5].

15 октября 1919 г. формирование добровольческих дружин началось в Чите. В присутствии уполномоченного организаций добровольческих дру-

---

[1] Сибирская жизнь. – 1919. – 7 октября.

[2] Там же.

[3] Русская армия. – 1919. – 3 октября.

[4] *Флеров В.С.* Контрреволюционная роль церковников и сектантов на Дальнем Востоке в 1918–1923 гг. // Ученые записки Томского Государственного университета. – Томск: Изд-во Томского университета, 1959. – № 37. – С. 77.

[5] Сельская жизнь. – 1919. – 25 октября.

жин состоялось совещание общественных деятелей, представителей местных организаций и учреждений, на котором было решено немедленно приступить к организации религиозных военных формирований[1]. Также в Чите было создано «Благовестническое братство» – аналог омского братства Святителя Гермогена[2]. Позднее и в Иркутске было образовано братство защиты Веры и Родины[3].

Начиная с воскресного дня 19 октября 1919 г. богослужения Братства Св. Гермогена в Омске приобрели вид торжественной вечерни с чтением перед Голгофой акафиста Страстям Христовым при общенародном пении. В тот же день после службы состоялся доклад членов братства об организации добровольческих крестоносных дружин в Новониколаевске, Томске, Барнауле и Бийске, из которого было видно, что религиозно-патриотический подъем населения этих городов сильнее, чем в Омске, хотя столица «белой» Сибири была ближе к линии фронта, чем названные населенные пункты[4].

26 октября братством Св. Гермогена был устроен праздник добровольческих дружин Св. Креста и Зеленого знамени в Омске. В городском драматическом театре состоялось торжественное заседание братства в присутствии Верховного правителя. Председатель Братства Св. Гермогена протоиерей П. Рождественский открыл заседание и произнес речь на тему «Воскреснет ли Русь?» После протоиерей Рождественский произнес здравицы в честь Верховного правителя, представителей союзных держав, находящихся в зале театра и за добровольцев. Затем Мальцев, представитель старообрядцев, произнес краткую речь, в которой заявил, что только верой в Бога и верностью церкви Христовой Русь спасается. Вахитов, представитель мусуль-

---

[1] Русская армия. – 1919. – 17 октября.

[2] *Флеров В.С.* Контрреволюционная роль церковников и сектантов на Дальнем Востоке в 1918–1923 гг. // Ученые записки Томского Государственного университета. – Томск: Изд-во Томского университета, 1959. – № 37. – С. 80.

[3] ГАРФ. – Ф. 140. – Оп. 1. – Д. 16. – Л. 27 об.

[4] Сибирская речь. – 1919. – 22 октября.

ман, заявил, что мусульмане также все до единого пойдут на фронт и будут бороться с врагами веры в Бога, с большевиками, что тот залог верности, который мусульмане принесли уже на поле битвы, нисколько не остановит их, наоборот, еще больше воодушевит.

Верховный правитель в своей речи, обращаясь к дружинникам, указал, что добровольческое движение тесно связано с возникновением борьбы за Русское государство, за его возрождение: «В Сибири главным элементом этого добровольческого движения явились беженцы Поволжья и Урала, и одно время самыми лучшими были части войск, построенные на добровольческих началах. Мы присутствуем при великом событии, когда в одном порыве слились мусульмане и христиане для общей борьбы против нашего врага – большевиков»[1]. Обращаясь к дружинникам, Верховный правитель закончил: «Дружинники Св. Креста и Зеленого знамени! Я приветствую вас как представителей великого и знаменательного движения. Мне припоминается, как восемь веков тому назад в Клермоне началось движение, которое высший представитель католического мира напутствовал тогда лозунгом «Так хочет Бог». Мне хочется указать и вам ныне, что с тем же лозунгом мы придем к полной победе над нашим общим врагом»[2].

Усилия военного руководства и ВВЦУ по созданию боеспособных крестоносных дружин оказались недостаточными. По мнению генерала Нокса, Сибирь должна была дать 660 тыс. добровольцев. Но даже военная печать вынуждена была признать, что это недосягаемый идеал, если даже уменьшить эту цифру в 10 раз. К дружинам Святого Креста и Зеленого знамени население относилось несерьезно[3]. В частности, Бийский биржевой комитет «отнесся к омским проповедникам очень сухо и не только не дал никаких

---

[1] Праздник дружин Св. Креста и Зеленого Знамени // Русская армия. – 1919. – 28 октября.

[2] Там же.

[3] Наша Армия. – 1919. – 10 октября

средств, но не захотел их даже выслушать»[1]. Желающих идти в дружины по большому счету было немного. Подавляющее большинство добровольцев составляли беженцы, которые записывались скорее от безысходности и нежелания дальше отступать, чем по причине религиозного воодушевления. В то же время, оценивая действия ВВЦУ в сфере организации добровольческих дружин по религиозному принципу и деятельности Братства Св. Гермогена, необходимо признать целесообразность принятых решений. Именно религиозный фактор всегда был решающим в определении боеспособности русской армии, справедливо обращение к средневековому Крестоносному движению как образцу в формировании воинских дружин по орденскому принципу.

«Широкий размах» Крестоносного движения, «грандиозный подъём» среди сибирских казаков и энтузиазм населения по этому поводу официальной печатью в значительной степени преувеличивались. По справедливому замечанию Е.В. Лукова и Д.Н. Шевелева, «превалировавший в оценках данных акций экстатический компонент заслонял их реальную значимость и эффективность. Колчаковская пропаганда видела в них некие рецепты быстрого и чудодейственного избавления от большевизма и соответствующим образом на них реагировала»[2]. Активная деятельность мирян по духовному просвещению также могла быть решающей в преодолении большевистского влияния в тылу и формировании созидательного начала в обществе. Однако можно констатировать, что все принятые в этой сфере решения безнадежно запоздали. Ситуация на фронте развивалась к осени 1919 г. стремительно и не в пользу армии Колчака.

По справедливому мнению А.Н. Кашеварова, религиозно-нравственный уровень «белого» движения не позволил его руководителям

---

[1] Русское дело. – 1919. – 21 октября.

[2] *Луков Е.В., Шевелев Д.Н.* Осведомительный аппарат белой Сибири: структура, функции, деятельность (июнь 1918 – январь 1920 г.) / под ред. д-ра ист. наук С.Ф. Фоминых. – Томск, 2007. – С. 172.

включить «религиозный пункт» в официальную идеологию и придать самому движению освободительный характер. С другой стороны, поддерживавшие «белое» движение ВВЦУ не могли оказать ему эффективную помощь вследствие слабого авторитета церкви у участников движения[1]. С этим трудно не согласиться, вплоть до осени 1919 г. целью борьбы был созыв «Национального», или «Учредительного» собрания. Только Крестоносное движение провозглашало действительно религиозные идеи, но его формирование на исходе войны принципиально ничего не решало.

Военного успеха организуемые религиозные части также не достигли. На это трудно было рассчитывать, ведь по большому счету добровольцы-крестоносцы представляли собой вид народного ополчения без достаточной армейской выучки. На фронте были разгромлены Аксанский полк, носящий название «Иисуса Христа», Стерлитамакский полк «Николая Чудотворца», Крестоносный батальон и батальон Зеленого знамени[2]. Всего крестоносные формирования насчитывали около 5 тысяч человек, но никакого реального влияния на боеспособность колчаковских войск и тем более на ход боевых действий они не оказали[3].

1 ноября 1919 г., за неделю до оставления «белой» армией Омска, братство Святителя Гермогена обратилось с воззванием к верующим людям, в котором оно призывало их идти в храмы на молитву перед Пресвятой Богородицей, людей, имеющих здоровье, – на фронт, а слабых и женщин – к помощи раненым и больным. Воззвание клеймило проклятием всех «безумно

---

[1] *Кашеваров А.Н.* Православная Российская церковь и Советское государство (1917–1922). – М.: Издательство Крутицкого подворья, 2005. – С. 213.

[2] *Эйнгорн И.Д.* Очерки истории религии и атеизма в Сибири (1917–1937 гг.). – Томск: Изд-во Томского университета, 1982. – С. 81.

[3] Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920 / под ред. акад. А.Н. Яковлева. – М.: МФД, 2003. – С. 463.

бегущих» и уклоняющихся от военной службы и заканчивалось словами: «Все на защиту милой Родины и беззащитных жен и детей»[1].

5 ноября в помещении городского театра состоялось собрание, устроенное Русским бюро печати, которое рассматривало вопрос о «современном состоянии Омска». Выступавший профессор Д.В. Болдырев с одинаковым порывом клеймил как панически бегущих из города, так и тех, кто надеялся остаться в нем и приспособиться к большевистской власти. Другие ораторы – В.Ф. Иванов, В.В. Куликов, В. Жардецкий, священник П. Папшев – красочно описывали перспективу «красного террора», голода и страха, которые возникли бы в случае оставления Омска. Собрание закончилось призывами к вооруженной борьбе под знаменами Креста и сбором пожертвований. Всего было собрано 11 тысяч рублей[2].

[1] Русская армия. – 1919. – 2 ноября.
[2] Сибирская речь. – 1919. – 7 ноября.

4.3. Прекращение работы ВВЦУ, судьбы его деятелей

Осенью 1919 г. войска армии Колчака начали отступать и 14 ноября 1919 г. без боя оставили Омск, в который вошли большевики. Уже в начале ноября 1919 г. ВВЦУ Сибири и Главное управление по делам вероисповеданий начали организованную эвакуацию в Иркутск, в чем выдавались соответствующие сопроводительные документы на получение денежного пособия[1]. Профессор П.А. Прокошев с личным составом Главного управления по делам вероисповеданий выехал 1 ноября в Томск. Своего Товарища, профессора Л.И. Писарева, уполномочил заменять его в Омске как главу ведомства вероисповеданий[2]. Однако уже 5 ноября Л.И. Писарев, Товарищ Главноуправляющего по делам вероисповеданий, согласно постановлению Совета министров и распоряжению военных властей о разгрузке Омска от центральных учреждений, эвакуировался в Иркутск[3]. Позднее и весь состав Главного управления перебрался в Иркутск и разместился в здании Иркутского епархиального совета. Первым делом Управление уведомило местные епархиальные советы о своем местоположении и просило прислать полные списки приходов и причтов для выдачи годового пособия на содержание[4]. Примечательно, что 15 декабря 1919 г. из Иркутска Л.И. Писарев как временно исполняющий обязанности Главноуправляющего по делам вероисповеданий заверял епископа Красноярского Назария, что пособия духовенству будут выплачены, в том числе и малоимущим, согласно спискам причта[5].

Временное высшее церковное управление выехало из Омска в направлении Иркутска не позднее 10 ноября 1919 г.[6] и 12 ноября проследовало в

---

[1] ГАРФ. – Ф. 140. – Оп. 1. – Д. 13. – Л. 68.
[2] Там же. – Д. 8. – Л. 1.
[3] Там же. – Д. 12. – Л. 120.
[4] Там же. – Д. 7. – Л. 29.
[5] Там же. – Л. 25.
[6] Там же. – Л. 24.

Новониколаевск[1]. До сих пор неизвестно, в каком составе ВВЦУ покинуло Омск, выехал ли из Омска, например, архиепископ Сильвестр. Косвенным подтверждением того факта, что будущий священномученик Сильвестр прибыл в Иркутск и осуществлял руководство деятельностью церковного управления, служит обращение на его имя от клирика Благовещенской епархии протоиерея Геннадия Евсевиева, направленное 11 декабря 1919 г., с просьбой рассмотреть жалобу священника к Благовещенскому епархиальному начальству по поводу запрещения в священнослужении и угрозе снятия сана[2], а также настоятеля Посольской церкви в Лондоне, полученное 13 декабря 1919 г., с просьбой уполномочить его провести опрос свидетелей в бракоразводном деле лейтенанта Семенова-Тяншанского, повенчанного в этой Посольской церкви[3]. Причем отец Геннадий хотел сам прибыть в Иркутск для проведения объективного следствия. Отсюда можно сделать вывод, что просители считали, что архиепископ Сильвестр находится в Иркутске.

В то же время существует Богоявленское послание архиепископа Сильвестра от 14 января 1920 г., в котором он вместе с членами Омского епархиального совета призвал церковных пастырей своей епархии к исполнению окружного послания Святителя Тихона от 8 октября 1919 г. о невмешательстве в политическую борьбу, ибо «дело Церкви есть дело мира». Обращаясь к православному населению Сибирского края, архиепископ Сильвестр особо подчеркивал, что «ныне у нас народно-государственная советская власть, и мы все имеем долг законного подчинения ей»[4]. При этом формула поминания ния властей пока осталась прежней: «Богохранимую державу Российскую, благоверное правительство и христолюбивое воинство ее»[5].

---

[1] ГАРФ. – Ф. 140. – Оп. 1. – Д. 7. – Л 32.

[2] Там же. – Л. 13–14.

[3] Там же. – Л. 46.

[4] Русская Православная Церковь и коммунистическое государство 1917–1941: документы и фотоматериалы. – М., 1996. – С. 46.

[5] Сибирская Речь. – 1919. – 15 февраля.

Перебрались в Иркутск и руководители военного духовенства – епископ армии и флота преосвященный Борис и бывший руководитель ведомства протоиерей А. Касаткин. Причем отец Александр, видимо, так и не смирился с потерей должности, так как в рапорте на имя военного министра от 22 ноября 1919 г. указывал на «вверенное ему управление» в составе трех священников, делопроизводителя, трех писарей и уборщика, расквартированное в Знаменском женском монастыре[1]. Владыка Борис прибыл в Иркутск, вероятно, в конце ноября 1919 г. Здесь он служил благодарственный молебен 2 декабря по поводу благополучного прибытия в Иркутск членов Военного совещания и служащих управления; 5 декабря вступил в члены Иркутского офицерского экономического общества[2]; 13 декабря ходатайствовал перед Военным министром о выделении трех железнодорожных вагонов для доставки Вознесенскому монастырю на ст. Иннокентьевской дров и муки[3].

Необходимо отметить, что деловая активность и Временного высшего церковного управления, включая департамент военного духовенства, и Главного управления по делам вероисповеданий в этот период значительно снизилась. Сложная военная и политическая ситуация не располагала к тому, чтобы проводить плодотворную работу. Тем не менее в этот период проходила подготовка впоследствии несостоявшегося Всесибирского съезда приходов, который должен был избрать кандидатов от приходских организаций для участия в Государственном земском совещании[4]. Таким образом, можно отметить, что идея решения приходского вопроса как одной из основ государственного устройства не оставляла руководителей ВВЦУ и Управления по делам вероисповеданий до последнего момента. Эта идея, как и многие

[1] РГВА. – Ф. 40253. – Д. 2. – Л. 411–411 об.
[2] Там же. – Л. 432.
[3] Там же. – Л. 443.
[4] Там же. – Л. 131.

другие, оказалась забытой в результате поражения «белого» движения и упразднения ВВЦУ Сибири.

20 января 1920 г. подверглось процедуре ликвидации Главное управление по делам вероисповеданий согласно постановлению Политцентра. При этом специалистам управления была выплачена заработная плата за январь[1]. 4 февраля 1920 г. Управление епископа армии и флота было также ликвидировано в Иркутске по акту, подписанному членом ликвидационной комиссии, созданной еще Политцентром[2]. Мы не располагаем документом, обозначающим дату прекращения работы ВВЦУ Сибири, однако можем с большой степенью вероятности предположить, что его деятельность закончилась в период между 20 января и 4 февраля 1920 г. в Иркутске.

Судьбы руководителей ВВЦУ Сибири сложились по-разному – архиепископ Сильвестр принял мученическую кончину; архиепископ Вениамин (Муратовский) в феврале 1920 г. был арестован органами советской власти в Новониколаевске, приговорён к расстрелу, но, согласившись сотрудничать с ЧК, через несколько месяцев освобождён. Впоследствии – обновленческий «митрополит» Московский и Коломенский; протоиерей Иаков Галахов провел несколько месяцев в тюрьме, а затем был выпущен на свободу, впоследствии еще четырежды подвергался арестам, расстрелян в 1938 г. в Актюбинской области (Казахстан); профессор П.А. Прокошев в апреле 1920 г. постановлением Совнаробраза был уволен с должности профессора Томского университета, после чего находился на принудительных работах в Омске, был освобожден в 1922 г., в 1920-х гг. жил в Новониколаевске, дальнейшая судьба неизвестна; профессор Л.И. Писарев погиб в тюрьме в Новониколаевске в марте 1920 г.; епископ Уфимский Андрей (Ухтомский) в феврале 1920 г. арестован в Новониколаевске, находился в заключении в тюрьме Томска, отпущен в ноябре того же года, впоследствии неоднократно арестовывался, в

[1] ГАРФ. – Ф. 140. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 103.
[2] РГВА. – Ф. 40253. – Д. 9. – Л. 13.

1925 г. перешел в старообрядчество, расстрелян 4 сентября 1937 г. в Ярославской тюрьме.

Таким образом, священники и миряне, которые остались в Советской России, в конце концов, во второй половине 1930-х гг. практически все подверглись репрессиям и не пережили Великую Отечественную войну. Большевистская власть не захотела простить им участия в антикоммунистическом крестоносном движении.

Что касается смерти священномученика Сильвестра, то здесь мы, как и во многих других случаях этого временного отрезка истории, не располагаем архивными данными, однозначно свидетельствующими о том, как именно погиб святитель. Но в свете последних открытий, а именно обретения святыни его мощей, мы можем со всей очевидностью свидетельствовать о насильственной, мученической смерти владыки. В то же время вопрос о дате смерти св. Сильвестра (Ольшевского) следует считать открытым. Автор данного исследования располагает фотокопией синодика монахини Омского Казанского монастыря, проживавшей в Омске в годы лихолетья, Серафимы (в миру Клеопатра Васильевна Верейкина, умерла в Омске в 1993 г.). Интересно отметить, что в помянике «за упокой» находится множество имен из числа епископата и духовенства, которые были убиты советскими органами, при этом в большинстве случаев он содержит краткие указания о характере смерти этих людей. Очень многие из этих указаний согласуются с теми данными, которые получены после серьезного изучения архивных документов. Что касается святителя Сильвестра, то напротив его имени не стоит никаких заметок. Помяник другой монахини Омского Казанского монастыря обозначает дату кончины владыки – 6 февраля 1920 г., причём и в этом случае архиепископ Сильвестр не упомянут в числе убиенных, в отличие от впоследствии прославленных архиепископов Пермского Андроника (Никольского), Тобольского Гермогена (Долганева) (См.: Приложение 5).

В настоящее время, после обретения 22 июля 2005 г. на раскопках Успенского собора святых мощей архиепископа Сильвестра, можно с большей долей вероятности предположить о характере тех мучений, которым власть подвергла исповедника церкви. Множественные прижизненные переломы конечностей и ребер, штыковой след на костях груди, лучевидные трещины в затылочной части черепа и полное отсутствие верхней челюсти, а также найденные в гробу гранёные гвозди – все это говорит о том, что за недели мучений владыка претерпел различные истязания и страшную кончину. Вскоре после смерти клирики и верующие Омска, вероятнее всего, выкупили тело исповедника, которое и было со всеми возможными почестями, приличными сану, наспех захоронено в южном приделе Успенского Кафедрального собора. В небольшой крипте, устроенной захоронителями, были положены «Киево-Братская» икона (владыка занимал должность учителя церковно-приходской школы Киевского Свято-Владимирского братства) и неизвестная икона с подписью на обратной стороне «Епископу Сильвестру от почитателей», относящаяся ко времени (1914 г.) проводов владыки с Полтавской кафедры.

Как уже отмечалось выше, крайняя скудость источниковой базы не позволяет восстановить картину деятельности Временного высшего церковного управления Сибири в Иркутске. К сожалению, исследователю не оказался доступен ни один исходящий документ церковной структуры этого периода. Не существует и документа, подтверждающего официальную ликвидацию этого руководящего органа. Можно лишь констатировать факт, что ВВЦУ Сибири прекратило своё существование по той причине, что и была заявлена в момент его образования – исчезновение разделяющей линии фронта и восстановление общения с центральной церковной властью в лице Святейшего патриарха Тихона. Думается только, что отцы – участники Соборного сове-

щания в Томске надеялись, что линия фронта переместится на запад, а не на восток.

Заключение

Автономная церковная структура, созданная на Томском Соборном совещании в ноябре 1918 г., приняла на себя всю полноту пастырской власти на территориях, подконтрольных «белой» армии. Её активное участие в противостоянии большевикам придавало вооруженной борьбе характер крестового похода, наполняло религиозным смыслом мотивацию добровольцев.

Создание Временного высшего церковного управления на Томском соборном совещании в ноябре 1918 г. не было случайным. Развитие церковного правосознания, активизировавшегося во время и после окончания работы Поместного собора РПЦ 1917–1918 гг., сделало возможным самоорганизацию епархий, отделенных от патриарха линией фронта. В работе Томского совещания приняли участие члены Поместного собора, оказавшиеся на территории, освобожденной от большевиков, что придало собранию необходимый уровень легитимности. Архиереям, священникам и мирянам, членам Поместного собора РПЦ (1917–1918 гг.) пришлось создать дисциплинарный прецедент в чрезвычайных условиях, чтобы обеспечить существование церковных организаций. Несмотря на то, что в период, предшествовавший работе совещания, а также во время неё находились лица, ставившие под сомнение необходимость организации сибирского ВВЦУ, в дальнейшем никто не высказывал сомнений в правомочности его существования и не оспаривал принятых им решений.

Окончательно оформление новой церковной структуры завершилось её государственным признанием со стороны Совета министров колчаковского правительства высшим руководящим органом православной церкви 28 марта 1919 г. Пребыванием ВВЦУ определялся тот город, в котором находилась резиденция правительства, соответственно, председателем ВВЦУ по должности объявлялся епархиальный епископ того города, где пребывало возглавляемое им церковное управление. Полномочия Временного церковного управления

распространялись до момента восстановления сношений со Святейшим патриархом, которому предстояло дать отчет о его деятельности. При этом правительство А.В. Колчака взяло на содержание само Временное церковное управление Сибири, а также духовные учебные заведения – семинарии и училища.

Во внутрицерковной жизни одним из центральных в деятельности церковного управления был приходской вопрос. Приход мыслился как основная государственно-церковная административная единица, вокруг которой должна была строиться жизнь в освобожденной России. Необходимым условием успешности приходской реформы признавалось воцерковление населения. На деле приходу не удалось занять этого значимого места в обществе, поскольку глубокого и полного вовлечения граждан в приходскую жизнь не произошло вследствие неудач военного времени и большого количества беженцев, находившихся в Сибири.

Временное высшее церковное управление, приняв на себя всю полноту канонической власти на территории, занятой колчаковской армией, реализовало постановления Поместного собора РПЦ 1917–1918 гг. в части вопроса о православном приходе, брачном праве церкви. Вопрос об архиерейских хиротониях, имевших место в июне 1919 г. в Омске, явился прецедентом «канонической свободы», задавшим определенный вектор развития церковной жизни и впоследствии позволившим Церкви сохраниться в период гонений. Тот факт, что впоследствии этот вопрос не только не подвергался сомнению, но даже не обсуждался в высших органах управления Русской православной церкви, придает данным рукоположениям характер безусловной легитимности, вызванной обстоятельствами переживаемого времени. Патриарх Тихон впоследствии по умолчанию признал все решения ВВЦУ, касающиеся дисциплинарной и канонической практики. Всей своей деятельностью ВВЦУ

Сибири продемонстрировало эффективность подобных структур, способствующих сохранению церковной жизни в экстремальных ситуациях.

Практика взаимодействия Главного управления по делам вероисповеданий с Временным высшим церковным управлением, инославными и иноверческими структурами была достаточно эффективной в условиях светского государства. При этом и представители государства, и церковные иерархи не считали, что поддержка и содержание церковных структур нарушает сам принцип светскости власти, а также принцип отделения церкви от государства. Правительство считало возможным и необходимым материально поддерживать и содержать церковные структуры всех конфессий в зависимости от количества верующих в них. В то же время правительство и высшие военные чины были приведены к церковной присяге, борьба с «красными» оценивалась как борьба с «демоническими силами», стремящимися поработить и разрушить «Святую Русь». Признание ВВЦУ Сибири высшим представительным органом православной церкви и принятие расходов по его содержанию, придание уставам церковных епархиальных и приходских структур статуса государственных законов, материальное содержание духовенства, в том числе и беженцев духовного звания, – все указанные меры говорят о глубоком осознании государством и церковью своей роли во взаимных отношениях в сложное время вооруженной борьбы.

Окормление православным духовенством воинов строилось на тех же принципах, что и в дореволюционной России. Каждый полк, лазарет и военное учебное заведение имели приписанного священника, осуществлявшего все пастырские мероприятия – богослужения, проповедь, духовные беседы, распространение агитационных материалов. В то же время условия Гражданской войны требовали от пастырей более четкой расстановки акцентов на духовное противостояние. Тем не менее, решения ВВЦУ о создании института гарнизонных благочинных и тем более о введении должности епископа ар-

мии и флота можно признать справедливыми, хотя и несколько запоздавшими. Военные неудачи явились определяющими даже в этой духовной борьбе, и здесь можно усмотреть долю вины православного духовенства, отчасти живущего еще категориями синодального периода.

На наш взгляд, и проповеднические отряды как форма миссионерской работы явились значительным подспорьем для военного духовенства. Солдаты действующей армии через проповедников ощущали заботу о себе со стороны тыла. Объектом проповеди назначались не только воины действующей армии, но и тыловые формирования, призывные пункты и поселения прифронтовой полосы. Таким образом, проповедники выполняли миссионерскую работу во всей полноте, не суживая её рамками передовой. Высшее церковное управление, развивая проповедническое движение, поступало справедливо, полагая, что в сфере проповеди и разъяснения задач государственного строительства нужно искать залог победы в Гражданской войне. Однако проводимые мероприятия и в силу недостаточной организованности, и в силу общих военных неудач не привели к достижению поставленной цели.

ВВЦУ Сибири использовало все средства, доступные для священнослужителей, в противостоянии большевизму как внешнему врагу и разлагающим настроениям в тылу. Обращения к главам православных и инославных церквей, проповеди, выпуск листовок и агитационных материалов, крестные ходы – все это, безусловно, способствовало укреплению духа сопротивления врагу. Кроме того, было использовано и крайнее средство церковного воздействия – анафема, что делало борьбу с большевиками «священной».

Тем не менее, нужно признать, что информационная борьба оказалась проигранной. Неспособность живо реагировать на запросы времени, отсутствие собственного печатного органа, как в тылу, так и на фронте, церковный

бюрократизм и «синодальный» дух – все это явилось предпосылками поражения в борьбе, осознаваемой как духовная брань.

Крестоносное движение является, несомненно, одной из самых светлых страниц истории «белой» армии на востоке страны. Духовное добровольческое движение должно было способствовать укреплению рядов колчаковских войск, придать борьбе религиозный смысл. Зародилось оно слишком поздно – летом-осенью 1919 г., когда исход борьбы был уже предрешен в пользу большевиков. 5000 добровольцев не могли внести перелома в положение дел на фронте. Тем не менее, формирование воинских соединений по духовному, орденскому принципу может иметь место в современной Российской армии, а принципы существования крестоносных дружин могут быть широко применяемы в войсках.

ВВЦУ Сибири само явилось примером к созданию в мае-июне 1919 г. подобной структуры на юго-востоке России. Утверждая состав ВВЦУ ЮВР из трех архиереев и четырех представителей от духовенства и мирян (по два человека), Юго-восточный русский церковный собор, проходивший с 19 по 24 мая 1919 г., ориентировался на Временное высшее церковное управление Сибири, об организации которого члены Собора знали из газетных публикаций. Также, как и ВВЦУ Сибири, Юго-восточное церковное управление установило молитвенное поминовение адмирала А. Колчака на богослужении (30 мая 1919 г. А.И. Деникин признал адмирала Верховным правителем России). Деятельность Южного ВВЦУ частично материально обеспечивалась за счет светских властей. Постановления, принятые ВВЦУ ЮВР, касались богослужений, проповедей, учебно-воспитательного процесса в духовных учебных заведениях, приходской жизни, борьбы с большевиками (например, проводились беседы о сущности социализма, члены управления участвовали в составлении листовок и пропагандистских брошюр, обращались к иностранным державам с просьбой о помощи «белому» движению). Таким образом,

можно говорить о тождественности деятельности Временных церковных управлений в России в годы Гражданской войны и о координации этой деятельности.

Разница в истории ВВЦУ Сибири и ВВЦУ юго-востока России состоит лишь в том, что сибирская церковная структура ликвидировалась в январе 1920 г. в Иркутске, а южная, возобновив свою деятельность в Стамбуле 19 января 1920 г., переросла затем во Временное церковное управление за границей (ВВЦУЗ) и позднее – в Русскую православную зарубежную церковь (РПЦЗ). При этом некоторые архиереи – активные участники ВВЦУ Сибири (например, епископ Нестор (Анисимов)) присоединились в эмиграции к Зарубежной церкви.

На современном этапе развития церковно-государственных отношений может быть успешно применен опыт взаимодействия Временного высшего церковного управления Сибири и ветвей светской власти. Выраженная поддержка традиционной и наиболее многочисленной конфессии (РПЦ), уважение и помощь другим традиционным конфессиям, противодействие сектантскому влиянию – вот тот опыт, который должен пригодиться светской и духовной властям в деле государственного строительства. Сибирь – традиционно стабильный в этническом и религиозном аспектах регион должен оставаться таким и впредь.

Убеждены, что дальнейшая разработка избранной проблемы будет способствовать приращению знаний по актуальнейшим вопросам истории церкви в период Гражданской войны в России (1917–1922 гг.).

СПИСОК
ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Сборники документов и документальные публикации

1. Акты святейшего патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг. [Текст] / сост. М. Губонин. М. : Изд-во Правосл. Свято-Тихоновского Богословского Института, 1994. – 1064 с.
2. Архив русской революции [Текст] : в 22 т. / изд. И. В. Гессен. – М. : Терра, 1991. – Т. 10. – 321 с.
3. Борьба за власть Советов в Приморье (1917–1922 гг.) [Текст]. – М., 1985. – 423 с.
4. В борьбе с контрреволюцией [Текст] : сборник документальных материалов (1918–1919 гг.). – Омск : Омское Книжное издательство, 1959. – 200 с.
5. В помощь агитатору [Текст] : сборник материалов по антирелигиозной работе. Иркутск, 1939. – 102 с.
6. Верховный правитель России : документы и материалы следственного дела А. В. Колчака [Текст] / отв. ред. Г. А. Трукан. – М., 2003. – 703 с.
7. Гражданская война в Сибири и в Северной области [Текст]. – М., 1965. – 304 с.
8. Документы героической борьбы [Текст] : сборник документов и материалов. – Красноярск, 1959. – 432 с.
9. Допрос Колчака [Текст]. – Л., 1925. – 188 с.

10. *Ефремова, О.* Новые архивные документы о преследовании властями Святителя Тихона в 1918–1923 гг. [Текст] / О. Ефремова, Н. Кривошеева // Богословский сборник. – Вып. 6. – М., 2000. – С. 160–175.
11. Из истории гражданской войны и интервенции 1917–1922 гг. [Текст] : сборник документов. – М., 1974. – 480 с.
12. Омск в дни октября и установления Советской власти (1917–1919 гг.) [Текст] : сборник документальных материалов. – Омск : ОГИЗ, 1947. – 240 с.
13. Последние дни колчаковщины [Текст] : сборник документов / сост. М. М. Константинов. – М. ; Л. : Госиздат, 1926. – 231 с.
14. Протоколы второго Томского епархиального собрания духовенства и мирян [Текст]. – Томск, 1919. – 42 с.
15. Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920 [Текст] / под ред. А. Н. Яковлева. – М. : МФД, 2003. – 672 с.
16. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство 1917–1941: документы и фотоматериалы [Текст]. – М., 1996. – 352 с.
17. Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Деяние 168. Обзор Деяний, Третья сессия [Текст]. – М., 2000. – С. 351–355.
18. Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Деяние 169. Обзор Деяний, Третья сессия [Текст]. – М., 2000. – С. 358–362.
19. Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Деяние 214. Обзор Деяний, Четвертая сессия [Текст]. – М., 2000. – С. 214–219.
20. Сибирская Духовная Академия [Текст]. – Томск, 1914. – 15 с.
21. Сибирь в период гражданской войны [Текст]. – Кемерово, 1995. – 548 с.
22. Следственное дело Патриарха Тихона [Текст]. – М., 2000. – 1016 с.
23. Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви [Текст]. – Вып. 3. – М., 1918. – С. 13.

24. Три года борьбы за диктатуру пролетариата [Текст] : сборник. – Омск, 1920. – 167 с.

1. Источники личного происхождения

1. *Болдырев, В. Г.* Директория. Колчак. Интервенты. Воспоминания [Текст] / В. Г. Болдырев ; под ред. и с предисл. В. Д. Вегмана. – Новониколаевск : Сибкрайиздат, 1925. – 562 с.
2. *Гинс, Г. К.* Крушение колчаковщины [Текст] / Г. К. Гинс // Гражданская война в Сибири и Северной области / под ред. Н. Л. Мещерякова. – М. ; Л. : Гос. изд, 1927. – С. 187–224.
3. *Гинс, Г. К.* Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920: впечатления и мысли члена Омского правительства [Текст] / Г. К. Гинс – М. : Крафт+, 2007. – 704 с.
4. Дневник барона А. Будберга [Текст] // Архив русской революции. – М., 1993. – Т. 15. – 423 с.
5. Дневник В. Н. Пепеляева [Текст] / В. Н. Пепеляев // Сибирь : лит.-худ. альманах. – Иркутск, 1989. – № 6. – С. 74–88.
6. Дневник В. Н. Пепеляева: (продолжение) [Текст] / В. Н. Пепеляев // Сибирь : лит.-худ. альманах. – Иркутск, 1990. – № 1. – С. 75–100.
7. Дневник П.В. Вологодского [Текст] / П. В. Вологодский // За спиной Колчака : документы и материалы / под ред. А. В. Квакина. – М. : Аграф, 2005. – С. 47–302.
8. *Иржичко, Л.* Марьяновский бой [Текст] / Л. Иржичко. – Омск, 1958. – 14 с.
9. *Князев, В. В.* Жизнь за всех и смерть за всех: Записки личного адъютанта Верховного правителя адмирала Колчака ротмистра В. В. Князева [Текст]. Тюмень ; Киров, 1991. – 32 с.

10. Россия – Революция – Гражданская война в оценках и воспоминаниях современников [Текст]. Пенза, 1993. – 144 с.
11. *Серебреников, И. И.* Гражданская война в России: Великий отход [Текст] / И. И. Серебренников ; сост. и предисл. В. А. Майер. – М. : АСТ : Ермак, 2003. – 695 с.
12. *Филатьев, Д. В.* Катастрофа Белого движения в Сибири 1918–1922 гг.: впечатления очевидца [Текст] / Д. В. Филатьев. – Париж, 1985. – 144 с.

2. Периодическая печать

1. *Андрей (Ухтомский), епископ*. Омское правительство и церковь [Текст] / А. Ухтомский // Русская армия. – 1919. – 3 октября. (Омск)

2. *Андрей, (Ухтомский), епископ*. Нужно организовать государственные элементы деревни [Текст] / А. Ухтомский // Русская армия. – 1919. – 21 сентября. (Омск)

3. Безбожник [Текст] : журнал Союза воинствующих безбожников. – Москва, 1933.

4. Братство Св. патриарха Гермогена в Омске [Текст] // Сибирская речь. – 1919. – 22 июля. (Омск)

5. Братство святителя Гермогена // Русская армия. – 1919. – 17 августа. (Омск)

6. Вестник Омской Церкви [Текст] : церковно-общественный журнал. – Омск, 1919.

7. Военное духовенство в современной войне [Текст] // Русская Армия. – 1919. – 2 мая. (Омск)

8. Высшая богословская школа [Текст] // Енисейские Епархиальные Ведомости. – 1919. – № 6. (Красноярск)

9. *Галахов, И., протоиерей*. Епископ армии и флота [Текст] / И. Галахов // Русская армия. – 1919. – 23 октября. (Омск)

10. *Галахов, И., протоиерей*. Позиция епископа Андрея [Текст] / И. Галахов // Сибирская речь. – 1919. – 31 мая. (Омск)

11. Дальневосточный край [Текст] : общественный журнал. – Хабаровск, 1923.

12. День покаяния и молитвы [Текст] // Русская армия. – 1919. – 5 сентября. (Омск)

13. Доклад епископа Уфимского Андрея [Текст] // Сибирская речь. – 1919. – 13 мая. (Омск)

14. Единая Русь [Текст] : общественно-политическая газета. – Одесса, 1919.

15. Екатеринбургские епархиальные ведомости [Текст] : церковно-общественный журнал. – Екатеринбург, 1919.

16. Екатеринбургский Народно-Богословский институт [Текст] // Тобольские епархиальные ведомости. – 1918. – № 34. (Тобольск)

17. Енисейские епархиальные ведомости [Текст] : церковно-общественный журнал. – Красноярск, 1919.

18. Епископ Андрей и сибирский церковный собор [Текст] // Сибирская жизнь. – 1919. – 16 января. (Томск)

19. За Веру и Родину [Текст] // Сибирская речь. – 1919. – 13 сентября. (Омск)

20. Забайкальские Епархиальные ведомости [Текст] : церковно-общественный журнал. – Чита, 1919.

21. Заря [Текст] : общественно-политическая и литературная газета. – Омск, 1918–1919.

22. *Иванов, П., священник*. Сибирское соборное Церковное Совещание [Текст] / П. Иванов // Тобольские епархиальные ведомости. – 1918. – № 34. (Тобольск)

23. Итоги Сибирского поместного Собора [Текст] // Енисейские епархиальные ведомости. – 1919. – № 3. – С. 32–34. (Красноярск)

24. К открытию богословского факультета при Томском университете [Текст] // Вестник Омской Церкви. – 1919. – № 11/12. (Омск)

25. *Касаткин, А., протоиерей*. Духовенству действующей армии [Текст] / А. Касаткин // Русская армия. – 1919. – 15 августа. (Омск)

26. Командирование на фронт проповедников [Текст] // Русская армия. – 1919. – 19 сент. (Омск)

27. *Ларский, К*. Зеленое Знамя и Св. Крест [Текст] / К. Ларский // Сибирская речь. – 1919. – 2 сент. (Омск)

28. *Ларский, К*. Около церкви [Текст] / К. Ларский // Сибирская речь. – 1919. – 22 мая. (Омск)

29. Наша Армия [Текст] : газета венного ведомства. – Омск, 1919.

30. Наша газета [Текст] : ежедневная газета. – Омск, 1919.

31. Наша заря [Текст] : орган демократической государственной мысли. – Омск, 1919.

32. О ведомстве Исповеданий. Беседа с арх. Сильвестром и проф. Прокошевым [Текст] // Правительственный вестник. – 1919. – № 40. (Омск)

33. О дружинах Св. Креста [Текст] // Сибирская жизнь. – 1919. – 11 сентября. (Томск)

34. Обращение епископа Уфимского Андрея к генералу Дитерихсу [Текст] // Военный листок. –1919. – № 3. (Петропавловск)

35. Пермские Епархиальные ведомости [Текст] : церковно-общественный журнал. – Пермь, 1919.

36. Положение о народно-богословском Институте в Екатеринбурге [Текст] // Тобольские Епархиальные Ведомости. – 1918. – № 23/25. (Тобольск)

37. *Поселянин, Е.* Проект пастырских курсов в Екатеринбургской Епархии в 1919 г. [Текст] / Е. Поселянин // Вестник Омской Церкви. – 1919. – № 11/12. (Омск)

38. Правительственный вестник [Текст] : Орган Совета Министров и Верховного правителя России. – Омск, 1919.

39. Праздник дружин Св. Креста и Зеленого Знамени [Текст] // Русская армия. – 1919. – 28 октября. (Омск)

40. Руль [Текст] : еженедельный журнал. – Берлин, 1923.

41. Русская армия [Текст] : газета военная, общественная и литературная. – Омск, 1918–1919.

42. Русская речь [Текст] : беспартийная политическая, экономическая и литературная газета. – Новониколаевск, 1919.

43. Русское дело [Текст] : издание Русского бюро печати. – Омск, 1919.

44. С крестным ходом вокруг Омска [Текст] // Русская армия. – 1919. – 3 апреля. (Омск)

45. С проповедью на фронте (извлечение из отчета, прочитанного в покоях архиеп. Сильвестра 15 мая 1919 г.) [Текст] // Русская армия. – 1919. – 28 мая. (Омск)

46. Сельская жизнь [Текст] : газета. – Красноярск, 1919.

47. Сибирская жизнь [Текст] : издание Сибирского товарищества печатного дела. – Томск, 1918–1919.

48. Сибирская речь [Текст] : издание Омского комитета партии народной свободы. – Омск, 1918–1919.

49. Сибирский благовестник [Текст] : еженедельный орган церковно-общественной жизни и мысли, издаваемый ВВЦУ Сибири. – Омск, 1919.

50. Сибирский вестник [Текст] : печатный орган Временного Сибирского правительства. – Омск, 1919.

51. Сибирский край [Текст] : политическая, общественная и литературная газета. – Иркутск, 1919.

52. Старообрядчество на защиту Родины [Текст] // Сибирская речь. – 1919. – 19 августа. (Омск)

53. Так хочет Бог [Текст] // Русская армия. – 1919. – 28 октября. (Омск)

54. Томские Епархиальные ведомости [Текст] : церковно-общественный журнал. – Томск, 1919.

55. *Фигуровский, И.* Вопрос о судьбе духовных учебных заведений на Томском Церковном Совещании (Открытое письмо Благочиннническим Собраниям Енисейской Епархии) [Текст] / И. Фигуровский // Енисейские епархиальные ведомости. – 1919. – № 3. (Красноярск)

56. Харбинское время [Текст] : газета. – Харбин, 1941.

57. Четверть века святительского подвига владыки Нестора [Текст] // Харбинское время. – 1941. – 28 октября. (Харбин)

58. Якутские Епархиальные ведомости [Текст] : церковно-общественный журнал. – Якутск, 1919.

4. Публицистика

1. *Болдырев, Н. В.* Смысл истории и революция [Текст] / Н. В. Болдырев, Д. В. Болдырев ; сост., вступ. статья и примеч. М. Б. Смолина. – М., 2001. – 400 с.

2. Комсомол и антирелигиозная пропаганда [Текст] : сборник статей и очерков. – М., 1937. – 142 с.

3. *Устрялов, Н. В.* Белый Омск: дневник колчаковца [Текст] / Н. В. Устрялов // Русское прошлое : альманах. – СПб. : Свелен, 1991. – № 2. – С. 283–338.

4. *Устрялов, Н. В.* В борьбе за Россию [Текст] / Н.В. Устрялов М. : Эксмо, 2003. – 656 с.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

Фонд 140. Главное Управление по делам вероисповеданий Всероссийского правительства (А.В. Колчака) [Текст]. – Оп. 1. – Д. 1, 2, 3, 4, 7, 8, 9, 10, 12, 13, 14, 15, 16, 19, 20.

2. Российский государственный военный архив (РГВА)

Фонд 40253. Управление Главного священника Армии и Флота [Текст]. – Оп. 1. – Д. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10.

3. Исторический архив Омской области (ИАОО)

Фонд 16. Омская Духовная консистория [Текст]. – Оп. 1. – Д. 1, 2, 3, 5, 6, 7.

ЛИТЕРАТУРА

1. Монографии, статьи, тезисы докладов научных конференций

1. *Абросенко, К.* Религия на службе контрреволюции в Сибири [Текст] / К. Абросенко. – Иркутск, 1938. – 71 с.

2. *Аделин, Н.* Православное Зарубежье о Русской Православной Церкви в СССР [Текст] / Н. Аделин // Русская православная церковь в СССР : сборник. – Мюнхен : Издательство ЦОПЭ, 1962. – 256 с.

3. *Алексеев, В. А.* Иллюзия и догмы: взаимоотношения Советского государства и религии [Текст] / В. А. Алексеев. – М., 1991. – 163 с.

4. *Амосов, Н. А.* Октябрьская революция и церковь [Текст] / Н. А. Амосов. – Новосибирск, 1937. – 72 с.

5. *Андреев, И. М.* Краткий обзор истории Русской Церкви от революции до наших дней [Текст] / И. М. Андреев. – Jordanville ; N. Y., 1951. – 180 с.

6. *Анишев, А.* Очерки истории гражданской войны 1917–1920 гг. [Текст] / А. Анишев. – Л., 1925. – 288 с.

7. *Барвенко, Е. И.* «Архив русской революции» как источник по истории контрреволюции в Сибири [Текст] / Е. И. Барвенко // Октябрь и гражданская война в Сибири: История. Историография. Источниковедение. – Томск : ТГУ, 1985. – С. 75–78.

8. *Барвенко, Е. И.* Белоэмигрантская мемуаристика и современная буржуазная историография причин поражения контрреволюции в Сибири в 1918–1920 гг. [Текст] / Е. И. Барвенко // Вопросы истории социального и экономического развития Советской Сибири. – ТГУ, 1986. – С. 54–63.

9. *Бражник, И.* Отделение церкви от государства: история и современность [Текст] / И. Бражник // Наука и религия. – 1970. – № 3.

10. *Василенко, В.* Офицеры в рясах [Текст] / В. Василенко. – М. ; Л., 1930.

11. *Волгин, А. П.* К характеристике периодической печати Сибири как источника по истории колчаковщины [Текст] / А. П. Волгин // Вопросы истории социального и экономического развития Советской Сибири. – Томск : ТГУ, 1986. – С. 64–75.

12. *Волков, Е. В.* Православное духовенство в войсках А.В. Колчака в годы гражданской войны [Текст] / Е. В. Волков // Гражданская война на Востоке России: новые подходы, открытия, находки : материалы научной конференции (Челябинск, 19–20 апреля 2002 г.). – М. : Посев, 2003. – С. 32–36.

13. *Волков, Е. В*. Православное духовенство России в двух гражданских войнах // Проблемы истории, филологии, культуры [Текст] / Е. В. Волков. – Москва ; Магнитогорск ; Новосибирск : Изд-во МаГУ, 2006. – Вып. XVI. – Ч. 2. – С. 105–119.

14. *Волков, Е. В*. Православные священники в белых армиях: люди, идеи, судьбы [Текст] / Е. В. Волков // Военный комментатор. – 2002. – № 2. – С. 4–15.

15. *Волков, Е. В*. Пропагандистская деятельность православного духовенства в армии А.В. Колчака [Текст] / Е. В. Волков // История «Белой» Сибири : тезисы междунар. науч. конф. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 2003. – С. 188–190.

16. *Граббе, Г.* Правда о Русской Церкви на родине и за рубежом [Текст] / Г. Граббе. – Jordanville ; N.Y., 1961. – 216 с.

17. *Грекулов, Е. Ф*. Русская церковь в роли помещика и капиталиста [Текст] / Е. Ф. Грекулов. – М., 1929.

18. *Гудошников, М. А.* Очерки по истории гражданской войны в Сибири [Текст] / М. А. Гудошников. – Иркутск : Иркутское книжное издательство, 1959. – 204 с.

19. *Дестивель, Л.* Поместный Собор Русской Православной Церкви 1917–1918 гг. и принцип соборности [Текст] : дис. … канд. филос. наук / Л. Дестивель. – СПб., 2007. – 250 с.

20. *Долотов, А.* Церковь и сектантство в Сибири [Текст] / А. Долотов. – Новосибирск, 1930.

21. *Жардецкий, В. А.* Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920 [Текст] / под ред. А. Н. Яковлева. – М. : МФД, 2003. – С. 493–494.

22. *Звягин, С. П.* Автор «Дневника белогвардейца» А.П. Будберг [Текст] / С. П. Звягин // Гражданские войны. Политические кризисы. Внутренние конфликты : мат-лы Всерос. науч.-метод. конф. – Омск, 1998. – С. 55–58.

23. *Звягин, С. П.* Взаимоотношения Русской Православной Церкви и Сибирской белой армии в годы гражданской войны (1918–1920 гг.) [Текст] / С. П. Звягин // Русская Православная Церковь и Армия : материалы 1-х Кузбасских сборов военного духовенства. – Кемерово, 2008. – С. 28–30.

24. *Звягин, С. П.* Сибирская пресса и власть: взаимоотношения газет и милиции при А. В. Колчаке [Текст] / С. П. Звягин // Проблемы культуры городов России : мат-лы II Всерос. науч.-практич. семинара. – Омск, 1996. – Ч. 1. – С. 101–104.

25. *Зимина, В. Д.* Белое движение времен гражданской войны: в плену «чистой идеологии» [Текст] / В. Д. Зимина // Белая армия. Белое дело : историч. науч.-попул. альманах. – Екатеринбург, 1996. – № 1. – С. 9–16.

26. *Зимина, В. Д.* Белое дело взбунтовавшейся России: Политические режимы Гражданской войны 1917–1920 гг. [Текст] / В. Д. Зимина. – М. : Рос. гуманитар. ун-т, 2006. – 467 с.

27. *Зырянов, П. Н.* Адмирал Колчак – Верховный правитель России [Текст] / П. Н. Зырянов. – М. : Молодая гвардия, 2006. – 637 с.

28. *Иванов, А. И.* Политика Советского государства по вопросам религии и церкви [Текст] / А. И. Иванов, П. К. Лобазов. – М., 1973. – 64 с.

29. *Иванов, В. Н.* Огни в тумане [Текст] / В. Н. Иванов. – М., 1991. – 384 с.

30. Как должны жить наши православные христиане: Программа, рассмотренная Московским революционным трибуналом в деле епископа Андрея // Михаил Гринберг (Зеленогорский). Жизнь и деятельность архиепископа Андрея (князя Ухтомского). – М. : Терра, 1991. – 334 с.

31. *Кандидов, Б. П.* Октябрь в деревне и церковь [Текст] / Б. Кандидов // Антирелигиозник. – 1934. – № 5.

32. *Кандидов, Б. П.* Религиозная контрреволюция 1918–1920 гг. и интервенция (очерки и материалы) [Текст] / Б. Кандидов. – М., 1930. – 198 с.

33. *Кандидов, Б. П.* Религиозная контрреволюция 1918–1920 годов и интервенция [Текст] / Б. П. Кандидов. – М., 1930. – 198 с.

34. *Кандидов, Б. П.* Религия в царской армии [Текст] / Б. Кандидов. – М., 1929. – 92 с.

35. *Кандидов, Б. П.* Церковный фронт в годы мировой войны [Текст] / Б. П. Кандидов. – М. : Атеист, 1927. – 147 с.

36. *Кандидов, Б. П.* Церковь и гражданская война на юге (Материалы к истории религиозной контрреволюции в годы гражданской войны) [Текст] / Б. П. Кандидов. – М., 1931. – 295 с.

37. *Кандидов, Б. П.* Церковь и шпионаж. О некоторых фактах контрреволюционной и шпионской деятельности религиозных организаций [Текст] / Б. П. Кандидов. – М., 1940. – 58 с.

38. *Кандидов, Б. П.* Церковь и шпионаж: о некоторых фактах контрреволюционной и шпионской деятельности религиозных организаций [Текст] / Б. П. Кандидов. – М., 1938. – 119 с.

39. *Кандидов, Б. П.* Японская интервенция в Сибири и церковь [Текст] / Б. П. Кандидов. – М., 1932. – 62 с.

40. *Кашеваров, А. Н.* Временные церковные управления на территориях, занятых белыми [Текст] / А. Н. Кашеваров // История Русской Православной Церкви в XX веке (1917–1933) : мат-лы конф. (Сэнтедр (Венгрия), 13–16 ноября 2001 г.). – Ч. 1. – Мюнхен, 2002. – С. 74

41. *Кашеваров, А. Н.* Православная Российская церковь и Советское государство (1917–1922) [Текст] / А. Н. Кашеваров. – М. : Издательство Крутицкого подворья, 2005. – 440 с.

42. *Кожевин, В. Л.* К истокам гражданской войны в Сибири: политические позиции юнкеров омских школ прапорщиков в 1917 г. [Текст] / В. Л. Кожевин // Гражданские войны. Политические кризисы. Внутренние конфликты : мат-лы Всерос. науч.-метод. конф. – Омск, 1998. – С. 71–82.

43. *Кожевин, В. Л.* К вопросу о месте религии в жизни офицерства Русской армии конца XIX – начала XX вв. [Текст] / В. Л. Кожевин // Теология культуры : мат-лы международного симпозиума. – Омск : Невшатель, 2008. – С. 246–251.

44. *Кожевин, В. Л.* Об особенностях функционирования «белой» печати Западной Сибири как инструмента информационной войны (ноябрь 1918 – 1919 гг.) [Текст] / В. Л. Кожевин, Т. В. Кребс // Культурологические исследования в Сибири. – Омск, 2010. – № 1(31). – С. 74–80.

45. *Кожевин, В. Л.* Российское офицерство и Февральский революционный взрыв [Текст] / В. Л. Кожевин. – Омск : Изд-во Омского государственного университета, 2011. – 260 с.

46. *Константинов, М. М.* Предисловие [Текст] / М. М. Константинов // Последние дни колчаковщины : сб. док. / сост. М. М. Константинов. – М. ; Л., 1926. – С. 3–16.

47. *Корзун, М. С.* Русская Православная церковь 1917–1945 гг. [Текст] / М. С. Корзун. – Минск, 1987. – 111 с.

48. *Косик, О. В.* Вернувшийся домой: Жизнеописание митрополита Нестора (Анисимова) [Текст] : в 2 т. / О. В. Косик. – Т. 1. – М. : Издательство Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2005. – С. 37.

49. *Красников, Н. П.* Ленинский декрет об отделении церкви от государства и его международное значение [Текст] / Н. П. Красников. – Л., 1967. – 18 с.

50. *Криволуцкий, П. Д.* Шиткинские партизаны [Текст] / П. Д. Криволуцкий. – Иркутск, 1935. – 97 с.

51. *Крушанов, А. И.* Гражданская война в Сибири и на Дальнем Востоке (1918–1920 гг.) [Текст] / А. И. Крушанов. – Владивосток, 1972. – 234 с.

52. *Левченко, И. В.* Русская Православная Церковь и государство [Текст] / И. В. Крушанов. – Иркутск, 1997. – 159 с.

53. *Лукин, Н. М.* Революция и церковь [Текст] / Н. М. Лукин. – М., 1924. – 36 с.

54. *Лукин, Н. М.* Церковь и государство [Текст] / Н. М. Лукин. – М., 1922. – 56 с.

55. *Луков, Е. В.* Осведомительный аппарат белой Сибири: структура, функции, деятельность (июнь 1918 – январь 1920 г.) [Текст] / Е. В. Луков, Д. Н. Шевелев. – Томск: ТГУ, 2007. – 182 с.

56. *Мейендорф, И.* Православие в современном мире [Текст] / И. Мейендорф. – М. : Путь, 1997. – 248 с.

57. *Мельгунов, С. П.* Трагедия адмирала Колчака: Из истории гражданской войны на Волге, Урале и в Сибири [Текст] : в 2 кн. / С. П. Мельгунов ; предисл. А. С. Кручинина. – М. : Айрис-пресс, 2005. – Кн. 1. – 576 с.; Кн. 2. – 496 с.

58. *Митрофанов, Г.* Духовно-нравственное значение Белого Движения [Текст] / Г. Митрофанов // Гражданинъ. – 2003. – № 1.

59. *Митрофанов, Г.* Православная Церковь в России и эмиграции в 1920-е годы [Текст] / Г. Митрофанов. – СПб., 1995. – 286 с.

60. *Михина, Е.М.* От составителя // История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах [Текст] / Е.М. Михина – М., 1996. – 255 с.

61. *Мышанский, А. А.* Отношение населения Сибири к «белому» режиму в период колчаковщины [Текст] / А. А. Мышанский // Гражданская война на востоке России. Проблемы истории: Бахрушинские чтения 2001 г. : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. В. И. Шишкина. – Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2001. – С. 134

62. *Недбайло, Б. Н.* Чехословацкий корпус в России (1914–1920 гг.): историческое исследование [Текст] : дис. … канд. ист. наук / Б. Н. Недбайло. – М., 2004. – 228 с.

63. *Нейтман, М. Л.* Проведение ленинского декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» в Забайкалье (1918–1923 гг.) [Текст] : автореф. дис. ... канд. ист. наук / М. Л. Нейтман. – Иркутск, 1974.

64. *Немчинова, Т. А.* Белое движение в Сибири: современная российская историография [Текст] : автореф. дис. … канд. ист. наук / Т. А. Немчинова. – Улан-Удэ, 2002.

65. *Немчинова, Т. А.* Современная российская историография белого движения в Сибири [Текст] / Т.А. Немчинова. – Улан-Удэ, 2002. – 243 с.

66. *Одинцов, М. И.* Государство и церковь (история взаимоотношений 1917-1938 гг.) [Текст] / М. И. Одинцов. – М., 1991. – 64 с.

67. *Олещук, Ф.* Борьба церкви против народа [Текст] / Ф. Олещук. – М., 1939. – 109 с.

68. *Папин, Л. М.* Крах колчаковщины и образование Дальневосточной республики [Текст] / Л. М. Папин. – М., 1957. – 423 с.

69. *Парнищев, А.* Церковная контрреволюция и гражданская война [Текст] / А. Парнищев. – М., 1932. – 227 с.

70. *Парфенов, П. С.* Гражданская война в Сибири (1918–1920 гг.) [Текст] / П. С. Парфенов. – М. ; Л., 1925. – 402 с.

71. *Персиц, М. М.* Отделение церкви от государства и школы от церкви в СССР (1917–1919 гг.) [Текст] / М. М. Персиц. – М., 1958. – 195 с.

72. *Плаксин, Р. Ю.* Крах церковной контрреволюции. 1917–1923 гг [Текст] / Р. Ю. Плаксин. – М., 1968. – 192 с.

73. *Плаксин, Р. Ю.* Тихоновщина и её крах: Позиция православной церкви в период Великой Октябрьской революции и Гражданской войны [Текст] / Р. Ю. Плаксин. – Л., 1987. – 206 с.

74. *Подшивалов, И.* Гражданская война на Урале (1917–1918 гг.) [Текст] / И. Подшивалов. – М., 1925. – 345 с.

75. *Польский, М.* Новые мученики Российские [Текст] / М. Польский. – Джорданвилл, 1949. – 365 с.

76. *Попов, А. В.* Временные Высшие Церковные Управления на территориях, контролируемых белогвардейскими правительствами [Текст] / А. В. Попов // История белой Сибири: материалы VI международной научной конференции (7–8 февраля 2005 г.). – Кемерово, 2005. – С. 180–188.

77. *Порхунов, Г. А.* Омский период правления адмирала Колчака: проблемы армии и власти [Текст] / Г. А. Порхунов // Омский научный вестник. – Омск, 2003. – № 4 (25). – С. 31–35.

78. *Поспеловский, Д. В.* История Русской Православной Церкви в XX веке [Текст] / Д. В. Поспеловский. – М. : Республика, 1995. – 511 с.

79. *Розенбаум, Ю. А.* Советское государство и церковь [Текст] / Ю. А. Розенбаум. – М., 1985. – 174 с.

80. *Роод, В.* Рим и Москва. Отношения между Святым Престолом и Россией / Советским Союзом в период от Октябрьской революции 1917 года до 1 декабря 1989 года [Текст] / В. Роод. – Львов, 1995 – 446 с.

81. *Сирин, А. Д.* Необоримая стена [Текст] / А. Д. Сирин. – Иркутск, 2000. – 208 с.

82. *Сирин, А. Д.* Святотатцы (из истории мощей Святителя Иннокентия (Кульчицкого) [Текст] / А. Д. Сирин // Исторические судьбы православия в Сибири : тезисы докладов науч. конф. – Иркутск, 1997.

83. *Сорокин, В., протоиерей.* Духовное образование в Русской Православной Церкви при святейшем Патриархе Московском и всея России Тихоне

(1917–1925) [Текст] / В. Сорокин, А. А. Бовкало, А. К. Галкин // Христианское Чтение. – 1992. – № 7.

84. *Соскин, В. Л.* Очерки истории культуры Сибири в годы революции и гражданской войны (конец 1917 – начало 1921 гг.) [Текст] / В. Л. Соскин. – Новосибирск, 1965. – 325 с.

85. *Спирин, Л. М.* Разгром Армии Колчака [Текст] / Л. М. Спирин. – М., 1957. – 132 с.

86. *Субботковский, И.* Союзники, русские реакционеры и интервенция. Краткий обзор [Текст] / И. Субботковский. – Л., 1926.

87. *Сушко, А. В.* Использование колчаковским режимом религиозных чувств населения в годы Гражданской войны [Текст] / А. В. Сушко // Омский научный вестник. – Омск, 2012. – Вып. 5.

88. *Тимонин, Е. И.* Борьба за власть: Революция и контрреволюция в Сибири (1917–1922) [Текст] : монография / Е. И. Тимонин, Г. А. Порхунов. – Омск : Омский эконом. ин-т, 2007. – 308 с.

89. *Титлинов, Б. В.* Православие на службе самодержавия в русском государстве [Текст] / Б. В. Титлинов. – Л., 1924. – 210 с.

90. *Вениамин (Федченков).* На рубеже двух эпох [Текст] / Вениамин (Федченков) – М. : Отчий дом, 1994. – 447 с.

91. *Феодосий (Процюк).* В вере ли вы? [Текст] / Феодосий (Процюк). – М. : Воскресенье, 2006. – 607 с.

92. *Флеров, В. С.* Контрреволюционная роль церковников и сектантов на Дальнем Востоке в 1918–1923 гг. [Текст] / В. С. Флеров // Ученые записки Томского государственного университета. – Томск : Изд-во Томского университета, 1959. – № 37. – 256 с.

93. *Хандорин, В. Г.* Адмирал Колчак: правда и мифы [Текст] / В. Г. Хандорин. – Томск : Изд-во. архитектур.-строит. ун-та, 2006. – 268 с.

94. *Цветков, В. Ж.* Белое движение в России. 1917 – 1922 гг. [Текст] / В. Ж. Цветков // Вопросы истории. – 2000. – № 7. – С. 56–74.

95. *Цветков, В. Ж.* Белое дело в России. 1919 год: формирование и эволюция политических структур Белого движения в России [Текст] / В. Ж. Цветков. – М. : Посев, 2009. – 635 с.

96. *Цветков, В. Ж.* Генерал Дитерихс [Текст] / В. Ж. Цветков и др. – М. : Посев, 2004. – 489 с.

97. *Цветков, В. Ж.* Русская православная церковь и Белое движение [Текст] / В. Ж. Цветков // Белая гвардия. – М., 2009. – № 10.

98. *Цыпин, В.* История Русской церкви, 1917–1990 [Текст] / В. Цыпин. – М., 1997. – 831 с.

99. *Цыпин, В.* Курс Церковного права [Текст] / В. Цыпин; Фонд «Христианская жизнь». – Клин, 2002. – 704 с.

100. *Цыпин, В.* Русская Православная Церковь в новейший период 1917–1999 гг. [Текст] / В. Цыпин // Православная Энциклопедия. Русская Православная Церковь. – М., 2000. – С. 136.

101. *Шевелев, Д. Н.* Деятельность осведомительных и культурно-просветительских органов Российского правительства адмирала А.В. Колчака по объединению и координации антибольшевистской пропаганды: создание русского Бюро печати и Осведверха [Текст] / Д. Н. Шевелев // Вестник Томского государственного университета. – Томск, 2010. – С. 113–117.

102. *Штырбул, А. А.* Политическая культура Сибири: Опыт провинциальной многопартийности (конец XIX – первая треть XX века) [Текст] / А. А. Штырбул. – Омск : Наука, 2008. – 612 с.

103. *Эйнгорн, И. Д.* Очерки истории религии и атеизма в Сибири (1917–1937 гг.) [Текст] / И. Д. Эйнгорн. – Томск : Изд-во Томского университета, 1982. – 227 с.

104. *Эйнгорн, И. Д.* Союз несбывшихся надежд [Текст] / И. Д. Эйнгорн // Наука и религия. – 1987. – № 2. – С. 34.

105. *Артемов Н., протоиерей*. К Всезарубежному собору 2006 г. «Да единомыслием исповемы» [Электронный ресурс] / Н. Артемов. – URL : http://www.pravos.org/docs/doc311.htm (дата обращения: 15.03.2011).

106. Биографии русский архиереев. Русское Православие [Электронный ресурс]. – URL : http://www.ortho-rus.ru/titles/bishops.htm (дата обращения: 06.01.2011).

107. Вселенство. Страница кафолического православия [Электронный ресурс]. – URL : http://vselenstvo.narod.ru/library/cathrus/part02/chapter18.htm (дата обращения: 16.08.2010).

108. История жизни епископа Андрея Ухтомского [Электронный ресурс]. – URL : http://katakomb.ru/7/ekklezio.html (дата обращения: 21.07.2010).

109. История Красноярской епархии [Электронный ресурс]. – URL : http://uspenskii-krsk.orthodoxy.ru/ (дата обращения: 01.04.2009).

110. Святейший патриарх Тихон. Житие [Электронный ресурс]. – URL : http://download.pstgu.ru/docs/acts_tikhon.pdf (дата обращения: 30.07.2009).

111. Социальная концепция РПЦ [Электронный ресурс]. – URL : http://www.russian-orthodox-church.org.ru/sd12r.htm (дата обращения: 28.10.2009).

112. *Шиловский, М. В*. Временное всероссийское правительство (Директория) 23 сентября – 18 ноября 1918 г. [Электронный ресурс] / М. В. Шиловский. – URL : http://www.zaimka.ru/soviet/shilovski5.shtml (дата обращения: 17.12.2010).

2. Справочно-энциклопедические издания

1. Большая советская энциклопедия: в 30 т. [Текст] / гл. ред. А. М. Прохоров. – М. : Сов. энцикл., 1976. – Т. 24. – Кн. 1. – 608 с.

2. *Вибе, П. П.* Омский историко-краеведческий словарь [Текст] / П. П. Вибе, А. П. Михеев, Н. М. Пугачева. – М. : Отечество, 1994. – 320 с.

3. Государственный переворот адмирала Колчака в Омске 18 ноября 1918 года [Текст] : сб. док. / сост. В. Зензинов. – Париж, 1919. – 200 с.

4. Гражданская война и военная интервенция в СССР [Текст] : энциклопедия. – М., 1983.

5. Гражданская война и военная интервенция в СССР [Текст] : энциклопедия / гл. ред. С. С. Хромов. – М. : Сов. энцикл., 1983. – 704 с.

6. История «белой» Сибири в лицах: биографический справочник [Текст] / под ред. Р. В. Дегтяревой. – СПб. : Нестор, 1996. – 74 с.

7. Сибирская Советская энциклопедия [Текст] : в 3 т. – Новосибирск : Сибкрайиздат, 1929. – Т. 2 : Колчаковщина. – С. 838.

8. Уральская историческая энциклопедия [Текст] / гл. ред. В. В. Алексеев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Екатеринбург : Академкнига, 2000. – 637 с.

9. Биографический указатель [Электронный ресурс]. – URL : http://www.hrono.ru/biograf/bio_b/belyaevsky.html (дата обращения: 23.06.2011).

10. Мир словарей: коллекция словарей и энциклопедий [Электронный ресурс]. – URL : http://mirslovarei.com (дата обращения: 23.11.2010).

Приложения

Приложение 1

Военному духовенству Сибирской армии.

Пастырское обращение

Все мы, военные священники, имеющие счастье служить в эту мировую войну на поле брани и в особенности военные священники новой Сибирской Армии, сформированной после свержения ненавистного большевистского ига, должны помнить, что Церковь Православная переживает времена чрезвычайные, что представители её – Архипастыри и Пастыри подвергаются гонениям, жесточайшим мучениям и даже смерти за Веру Христову, что Православная Церковь стала, как в первые века христианства, воинствующей и должна поэтому выступить во всеоружии своей духовной мощи на борьбу с врагами Христовой Веры.

Но мы также должны помнить, что все беды, все лишения, все ужасы большевистской анархии и нашего национального позора временны, что они посланы Богом для нашего испытания и вразумления, для укрепления нашей оскудевшей веры, для нашего исправления и спасения.

Нам нужно твердо верить, что все успехи наших врагов ничтожны и временны, что эти успехи явились следствием оскудения духа нашей армии, веры её в помощь Божию.

Поэтому нам, пастырям, нужно положить все усилия к укреплению духа нашей молодой армии, укреплению её веры в помощь Божию, в правоту своего дела, в свои собственные силы, для чего необходимо нам самим укрепить эти чувства и передать их в молодые, восприимчивые сердца молодых воинов.

Усерднейше прошу всех военных священников Сибирской армии усугубить свою пастырскую работу о поддержании бодрости духа в молодой армии.

Чтобы успешно влиять на воинские части, нужно стать возможно ближе к ним, поэтому предлагаю военным священникам:

1. В первую очередь восстановить, где еще не восстановлено, утреннюю и вечернюю молитвы.
2. Возможно чаще посещать окопы, казармы и все места расположения воинских частей со словом утешения, мира и любви.
3. Возможно чаще вести задушевные беседы с гг. офицерами и солдатами.
4. Возможно чаще совершать богослужения – Всенощные, Литургии, Молебны, Акафисты и пр., не стесняясь ни местом, ни временем, ни количеством молящихся.
5. В беседах, сохраняя такт, избегая политиканства, выяснять ложь большевизма и других подобных анархических учений и их гибельность для России.
6. Раскрывать опасность упадка духа воинов, для чего самим быть примером мужества, стойкости и воинской дисциплины.

На нас, военных священниках, лежит долг возродить и оздоровить Армию и спасти Родину. Мы все должны проникнуться одной мыслью, что настоящее чрезвычайное время все должно быть для Родины и что мы, пастыри, первые должны проявить высшую степень доблести, мужества и самопожертвования.

Все эти качества военное духовенство Сибирской армии уже успело проявить на деле, в чем я лично убедился при посещении мною всего западного фронта, а некоторые полковые священники запечатлели свой пастырский долг своею кровью (священники 4-го Енисейского и 6-го Мариинского полков ранены в бою).

Ценю, дорогие сопастыри, Ваши труды, целую Ваши раны, радуюсь за вверенное мне духовенство и благодарю Господа, благодеющего к нам.

Главный Священник Сибирской Армии

Прот. А. Русецкий[1]

Приложение 2

Положение о Главном Священнике Армии и Флота (протопресвитере)

1. Заведывание всеми церквами и православным духовенством военного ведомства вверяется духовному лицу, именуемому «Главный Священник Армии и Флота».

2. Главный Священник Армии и Флота избирается Временным высшим церковным управлением и утверждается Верховным Правителем.

3. Главный Священник состоит в непосредственном ведении Временного Церковного управления. По делам, относящимся собственно до Церковного Управления, он получает указы только от ВВЦУ; по делам же, имеющим связь с предметами ведения Военного министерства, Главный Священник руководствуется указаниями Военного Министра.

4. В управлении Главного Священника состоят: 1. соборы и храмы неподвижные, с приходами из обывателей и без приходов; 2. церкви подвижные; 3. причты как тех, так и других церквей.

5. В ведении Главного Священника состоят также благотворительные учреждения при церквах военного ведомства с их капиталами.

6. Главному Священнику предоставляется обозревать подведомственные ему церкви, а также посещать состоящие при полках и других частях войск школы солдатских детей и учебные команды, причем он делает потребные наставления духовенству.

[1] РГВА. – Ф. 40253. – Д. 3. – Л. 42–42 об.

7. Главному Священнику подчиняется Полевой Главный Священник каждой из формируемых в военное время Армий, – по делам, относящимся собственно до церковного управления.

8. Главному Священнику предоставляется: 1. назначать на должность дивизионных благочинных и распределять между ними церкви, не принадлежащие к дивизиям; 2. избирать кандидатов на священно- и церковно-служительские должности, назначать и перемещать священно- и церковнослужителей к соборам и церквам военного ведомства, согласно С.В.П. 1869 г., VI, 220–225; 3. излишних или признанных неспособными к службе в войсках священно- и церковнослужителей обращать в те епархии, из которых они поступили в военное ведомство, доводя об этом до сведения подлежащего епархиального архиерея. 4. увольнять священно- и церковнослужителей за штат, как по их просьбе, так и по собственному распоряжению, применительно к ст. 78 Устава Духовных Консисторий.

9. В военное время, при формировании Армии, Главный Священник представляет Временному Церковному управлению об определении Полевого Главного Священника для каждой из формируемых Армий.

10. Главный священник увольняет в отпуск военных священников на сроки свыше 28 дней, с соблюдением при этом требований, указанных С.В.П. 1869 г., VII, 675.

11. О награждении священнослужителей Главный Священник ходатайствует перед ВВЦУ на существующих для сего в военном ведомстве основаниях.

12. О награждении священника набедренником Главный Священник представляет местному архиерею.

13. О назначении лицам военного духовенства православного исповедания установленных прибавок к жалованию за выслугу определенных

сроков в отдаленных местностях государства Главный Священник входит с представлением к Военному Министру.

14. Главный Священник утверждает, по представлению подлежащего военного начальства, в должности церковных старост к церквам военного ведомства.

15. Главный Священник разрешает, по представлению дивизионного благочинного, расход церковной суммы для нужд церкви свыше 1000 рублей с согласия командира полка или начальника управления.

16. Главный Священник ведает проступки военных священно- и церковнослужителей против должности и благоповедения, для обнаружения которых не требуется производства формального следствия.

17. Главный Священник может для удостоверения в справедливости дошедших до него сведений о проступках лиц военного духовенства производить о сем дознание, через кого найдет удобным, или требовать объяснений от прикосновенных к делу лиц.

18. Главный Священник рассматривает предоставленное ему дознание, постановляет решение и объявляет его через делопроизводителя Духовного Правления и дивизионного благочинного.

19. Меры взыскания, власти Главного Священника представляемые, суть: 1. Замечание; 2. Выговор – простой или строгий; 3. Денежный штраф не свыше пятисот рублей; 4. Перевод с одного места на другое административным порядком.

20. Главный Священник представляет ежегодно о состоянии вверенного ему управления отчет ВВЦУ, применительно к установлено форме донесений епархиальных архиереев о состоянии епархии (указы Св. Синода 31 декабря 1837 г., 21 октября 1847 г., 13 марта 1862 г., 17 декабря 1867 г.). В отчете Главный Священник, по своему усмотрению, помещает и получаемые

им от благочинных сведения относительно замеченного ими при обозрении подведомственных церквей (С.В.П. 1869 г., V, 281–283).

21. В отношении рассмотрения и решения дел, Главный Священник руководствуется церковными правилами, Уставом Духовных консисторий и другими действующими по духовному ведомству узаконениями, а также Сводом Законов и Сводом Военных Постановлений.

22. Главный Священник ведает делами: а) о постройке новых церквей, перестройке и исправлении существующих, о снабжении их священными Антиминсами, Св. Миром и другими принадлежностями; б) о передвижении причтов с воинскими частями и военно-санитарными подвижными учреждениями с одного места на другое; в) о назначении на места, переводах и увольнениях; г) о наградах военному духовенству и о производстве дознаний и следствий о проступках духовных лиц; д) о просветительской деятельности духовенства в воинских частях; е) о церковном имуществе; ж) об изготовлении, выдаче, приеме и рассмотрении церковных документов, а именно – метрических, приходно-расходных и обыскных книг, а также исповедных и клировых ведомостей и справок из церковных документов; з) о производстве следствий относительно неправильных записей в метрических книгах и об исправлении этих записей; и) о наложении епархиальными Архиереями церковных епитимий на лиц военного и морского ведомства по приговорам военных и гражданских судов; к) о приёме, хранении, выдаче и отсылке поступающих Главному Священнику на благотворительные нужды сумм; л) о неправильном израсходовании церковных сумм; м) рассмотрение благочинических отчетов и донесений о состоянии церквей и духовенства; н) о пенсиях, эмеритуре и единовременных пособиях военному духовенству, его вдовах и сиротах, а также об опеке и попечительстве над последними.

23. В деле призрения заштатных священнослужителей, а также вдов и сирот военного духовенства Главный Священник руководствуется установленными на сей предмет особыми постановлениями.

24. Главный Священник в видах увеличения способов призрения и расширения благотворительной деятельности пользуется правом приобретать на указанных в законе основаниях недвижимое имущество с совершением на оное крепостных актов по разрешении от ВВЦУ.

25. Главный Священник имеет свою печать с изображением государственного герба с надписью: «Печать Главного Священника военного и морского духовенства».

26. Главный Священник пользуется правом безвозмездной пересылки по почте своих простых и денежных пакетов и посылок.

27. При Главном Священнике состоит особое управление главного священника армии и флота (протопресвитера), согласно временному штату[1].

Приложение 3

Духовенству Действующей Армии

Циркулярно

Вступив, согласно Приказу Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего, на высокий, а вместе с тем и ответственный пост Главного Священника Армии и Флота, считаю долгом высказать вам, дорогие сработники, свои пожелания и требования.

Волею Правительства, все мы, военные священники, призваны в армию для того, чтобы словом, молитвою и совместными с воинами трудами и лишениями укреплять их веру в Бога и Промысл Божий, озарять их души светом евангельской истины, развивать в них чувства любви к истерзанной Ро-

[1] РГВА. – Ф. 40253. – Д. 5. – Л. 1–2 об.

дине и преданности долгу, вдохновлять их на подвиги великие и всячески помогать им в деле освобождения Родины от врагов, повергших её в небывалый позор, бедствия и нищету.

Если мы, пастыри, сознаем себя сынами исстрадавшейся Родины. Если на нас возложена столь высокая и священная миссия среди воинов, то необходимо нам теперь не только бодрствовать на своей страже, но и работать для выполнения возложенной на нас задачи не покладая рук, с утра до вечера, не жалея ни сил, ни здоровья, ни даже самой жизни. Тысячи лучших граждан, тысячи воинов приносят свои жизни на алтарь отечества. Ужели мы, пастыри, руководители своей паствы, окажемся позади её, а не впереди. Пусть тот пастырь, который не понимает настоящего момента, который думает не столько о своем деле, сколько о покое и удобствах, который не желает разделять трудов и лишений со своею паствою, теперь же уйдет и не смущает своею «теплохладностью» вверенной ему паствы воинов-страстотерпцев.

Для выполнения нашей миссии в войсках средства и могучи, и разнообразны, лишь было бы желание использовать их со всем пастырским пылом и разумом – это: богослужение, пастырские собеседования, требоисправления и пример личной жизни.

А) **Богослужение**. Богослужению в военное время священник должен придавать особенное значение. Во время боев даже равнодушные и сомневающиеся становятся верующими и ищущими общения с Богом в молитве. А потому богослужение священник обязан совершать во все воскресные и праздничные дни и накануне их. Местом богослужения может служить церковь, жилой дом, сарай, шатер, полянка в лесу и т.п. Отсутствие большого числа молящихся не должно служить препятствием к совершению в положенные дни богослужения. Священник может совершать его и при одном церковнике.

Для того чтобы богослужение достигало своей цели – возвышало дух молящихся, укрепляло их веру, согревало сердца, утешало в скорбях и т.д., священник должен совершать его благоговейно и разумно. Он должен помнить, что он стоит пред Божиим Престолом, что его слушают тысячи ушей, на него устремлены тысячи глаз, следящих за каждым его словом, за каждым его движением. Всякая небрежность совершающего богослужение, непристойность, даже торопливость не только бывает оскорбительна для святыни, но и вызывает соблазн, осуждение, расстройство чувств молящихся.

Богослужение в военное время не должно быть слишком продолжительным, но и без всякой спешки. Сделав разумные сокращения, священник должен заботиться о том, чтобы все произносимое, читаемое и поемое исполнялось чинно, отчетливо и вразумительно.

Для церковного благолепия священник обязан заботиться об организации церковного хора.

Общеупотребительные молитвы и песнопения должны быть исполняемы всеми молящимися. Общее церковное пение, говорит опыт, создает высокое молитвенное настроение.

Б) **Проповедь**. Каждое богослужение священник должен сопровождать поучением. Церковная проповедь должна быть кратка, ясна и вразумительна, продумана проповедником и согрета его чувством. Кроме проповеди церковной священник должен обратить особенное внимание на свои так называемые домашние беседы с воинами. Чтобы вести такие беседы, не надо собирать священнику по батальонам, и даже по ротам – 10–20 человек, собравшихся в какой-либо хате или около палатки, могут составить благодарную аудиторию, через которую сказанное священником разнесется по всему полку. Надо лишь, чтобы полк уважал своего священника, а священник вникал в жизнь полка и разумно откликался на все его нужды и запросы.

Тем для бесед так теперь много, поле для посева так обширно, что пастырь может сеять своё пастырское слово полною горстью, лишь было бы желание, усердие и умение. Пусть пастыри раскрывают в своих беседах, как с отдельными воинами, так и с целыми группами, цель настоящей войны – возродить единую, неделимую Россию, защитить от поругания св. Веру и Церковь и т.п., указывают на те величайшие бедствия, в которые ввергли её враги Родины и примкнувшие к ним изменники и предатели Родины. Хотя бы и русские по крови, объясняют значение бранных страданий по подобию страдальческого подвига Спасителя за всех людей, высоту воинского служения, когда оно выполняется воинами согласно долгу и учению Евангелия (Лк. 3:14) и т.п.

Свои беседы пастыри должны стараться иллюстрировать примерами то из жизни св. Угодников Божиих, то доблестных воинов минувшей и прежде бывших войн, подвигами своими мир удивлявших. Такие примеры не только поддерживают внимание слушателей, оживляют беседу, но и весьма содействуют к лучшему усвоению содержания беседы.

В) **Требоисправления**. Совершение молебнов перед выступлением полков на позиции перед началом боев, когда условия боевой обстановки позволяют, а после боев – панихид по павшим воинам должно быть всегда предваряемо сильными по содержанию пастырскими словами и совершаемо священниками особенно торжественно, чтобы эти службы трогали сердца воинов и будили в душе их лучшие чувства.

С таким же вниманием священники должны относиться к погребению убитых воинов и умерших от ран и болезней. Чин погребения они должны совершать истово и по возможности при участии хора певчих. Необходимо сопровождать умерших до самой могилы, наблюдать, чтобы над могилами ставились кресты с надписями на прибитых к крестам дощечках части, в которой служил погребенный, его имени, отчества и фамилии; чтобы кладбища

содержались в должном порядке. Заботливость об умерших умилит живущих и не вызовет тех нареканий, которые всегда могут иметь место при небрежном отношении к почившим нашим дорогим страстотерпцам. Каждый священник пусть вменит себе в обязанность извещать родственников убитых и умерших своей части о смерти и месте погребения их.

Так как война идет теперь на территории русской земли среди православного населения, военные священники не должны отказываться от исполнения пастырских обязанностей и для окружающих известную воинскую часть обывателей в тех местностях, где нет епархиальных священников. Вращаясь среди русских православных людей, пусть эти пастыри располагают окружающее население относиться с особливой заботливостью к воинам, своими подвигами, трудами и лишениями освобождающими Русь от грабежей и насилий. Несущими на своих штыках измученному, исстрадавшемуся русскому народу законность и порядок, мир и благоденствие.

Г) **Пример личной жизни**. Наконец, пастыри примером собственной жизни на деле должны оправдывать то, чему они учат, о чем проповедуют, к чему призывают. Если пасомые увидят в пастыре разлад между словом и жизнью, то все их речи будут не к назиданию, а лишь к соблазну пасомых.

Никто из духовенства действующей армии не должен находиться в обозах – их место при штабе полка, а во время боев – или на перевязочном пункте, или там, где укажет ему пастырский долг, чтобы примером личного мужества поддержать в воинах дух бодрости, спокойствия и неустрашимости перед врагом.

Вопросы пастырской практики лучше всего могут выясняться и решаться при братском обмене мыслей и переживаний. Поэтому духовенство при всяком удобном случае должно составлять братские собрания, хотя бы и малочисленные, и на них друг от друга учиться наставлять и вдохновлять на

успешное продолжение того святого и великого дела, на которое мы призваны в великую годину.

Кроме того, все военные священники должны принять к руководству в своей пастырской деятельности те указания, которые преподаны духовенству действующей Армии Отцом Протопресвитером Г.И. Шавельским.

Отцы благочинные через священников армий, а где нет таковых, непосредственно от себя, ежемесячно имеют доносить мне, согласно правил о письмоводстве, как о деятельности подведомственного им духовенства, так и обо всем том, что заслуживает их внимания.

БОГ ВАМ В ПОМОЩЬ.

Прот. А. Касаткин[1]

Приложение 4

Правила прикомандирования эвакуационных служащих духовно-учебных заведений, выдач эвакуационного пособия и резервного содержания[2]

1. Эвакуированное лицо по прибытии в тот или иной пункт должно подать прошение о прикомандировании его в соответствующее учебное заведение.

К прошению должны быть приложены:

А) документ, удостоверяющий личность и служебное положение эвакуированного.

Б) Документ, удостоверение, что это лицо, эвакуированное по распоряжению военной или гражданской власти.

В) Удостоверение – аттестат о размере и источнике получаемого содержания.

---

[1] РГВА. – Ф. 40253. – Д. 4. – Л. 1–2.
[2] ГАРФ. – Ф. 140. – Оп. 1. – Д. 14. – Л. 45.

Примечание: 1. На основании ст. 10 Постановления 29 октября 1918 г. Главное Управление по делам вероисповеданий распространяет права, предоставленные этим законом эвакуированным, на всех беженцев из местностей, занятых неприятелем.

2. При отсутствии удостоверений, поименованных в пунктах Б) и В), данное лицо должно дать собственноручную подписку с изложением в ней указанных в названных пунктах сведений и с заявлением, что за верность этих сведений оно принимает ответственность на себя.

2. На основании прошения и вышеуказанных документов Начальник учебного заведения составляет постановление о прикомандировании его и зачислении в резерв, о чем представляет Высшему Церковному Управлению на предмет утверждения через Главное Управление по делам вероисповеданий.

А) В случае, если данное лицо не получило эвакуационного пособия на месте эвакуации, ему выдается аттестат, одна копия которого остается при делах и одна копия посылается в Казенную Палату с ассигновкой на выдачу данному лицу эвакуационного пособия, с просьбой сделать распоряжение подлежащему казначейству об оплате препровождаемой ассигновки.

Талон ассигновки выдается лицу, которое получает пособие из Казначейства.

С эвакуационного пособия делается 1 % вычет в пенсионный капитал.

Б) Резервное содержание выдается по истечении каждого месяца сборной ассигновкой или персонально.

Лица, вновь эвакуированные до 1 июля 1919 г., т.е. до конца учебного года, получают все то содержание, какое они получали до времени эвакуации. Лица, состоявшие в резерве до 1 мая 1919 г., а равно вновь эвакуированные, получают – первые с 1 мая, а вторые после 1 июля содержание по занимаемой ими должности, но с таким расчетом, чтобы оно в своей совокупно-

сти не превышало вознаграждения за 22 урока в высших начальных училищах и средних учебных заведениях и за 24 урока в низших.

Для получения резервного содержания состоящие в резерве лица должны ежемесячно представлять удостоверение милиции в том, что они не имеют постоянных платных должностей в правительственных, общественных или частных учреждениях.

При определении размера эвакуационного пособия и резервного содержания надлежит руководствоваться положением о подоходном налоге от 1 до 2 %.

Примечание: Закон трудовой повинности распространяется и на командировочных.

Примечание: Расходы по выдаче эвакуационного пособия и видов резервного содержания выписывается не по смете данного учебного заведения, а относится по общему правилу на наличный фонд Государственного Казначейства с последующим возмещением из военного фонда.

Примечание: Резервное содержание выдается со дня прикомандирования.

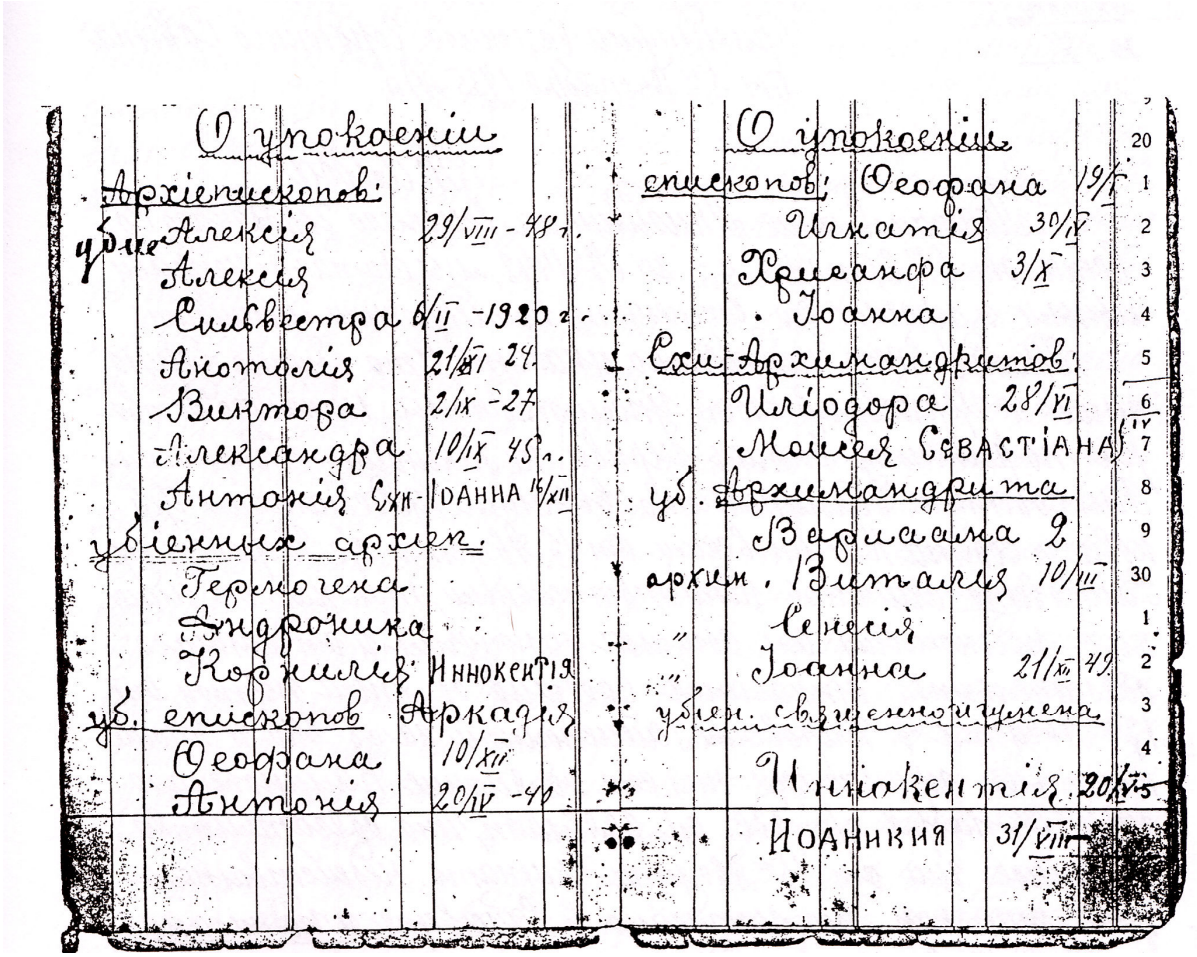
3. Лица, прикомандированные к тому или другому учебному заведению, могут быть избираемы на общих основаниях на штатные должности и тогда получают содержание по занимаемой должности по смете данного учебного заведения, с прекращением резервного содержания.

4. Прикомандированным, но допущенным к исправлению вакантных должностей или остающимися свободными за призывом в армию лиц их занимающих, содержание производится по той должности, к исправлению каковой допущены и по смете данного учебного заведения.

5. Прикомандированные, но обращенные на усиление личного состава учреждения получают содержание резервное (из наличного фонда Государственного Казначейства) со дня прикомандирования.

Во всех случаях с формами делопроизводства о содержании эвакуационных служащих надлежит руководствоваться законами от 20 августа 1914 г., 29 октября 1918 г., и 5 мая 1919 г.

Копия листа помянника монахинь монастыря во имя Казанской Иконы Божией Матери. Из частой коллекции



О упокоении

Архиепископов:

убит Алексія 29/VIII - 48 г.

Алексія

Силвестра 6/II - 1920 г.

Акотолія 21/VI 24

Виктора 2/IX - 27

Александра 10/IX 49 г.

Антонія Схи-Іоанна 16/XII

убіенных архиеп.

Герасима

Андроника

Корнилія Иннокентія

уб. епископов Аркадія

Ѳеофана 10/XII

Антонія 20/IV - 40

О упокоении

епископов: Ѳеофана 19/I

Игнатія 30/X

Хрисанфа 3/X

Іоанна

Схи-Архимандритов:

Иліодора 28/VI

Моисея Севастіана

уб. Архимандрита

Варлаама 2

архим. Виталія 10/III

" Сенесія

" Іоанна 21/XII 49

убиен. священномученика

Иннокентія 20/V-5

Иоаникия 31/VIII